

БИБЛИОТЕКА
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

НИКОЛАЙ ТОМАН

ПО СВЕТЛОМУ СЛЕДУ

ПОВЕСТИ

Рисунки КАРЦЕУЛОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ТИШИНЕ

Командарм анализирует обстановку

Шел дождь, обычный в Прибалтике — мелкий, надоедливый. Лобовое стекло машины покрылось мельчайшим бисером брызг. Бесперывно двигавшиеся по стеклу щетки уже не в состоянии были сделать его прозрачным. Командарм поднял воротник кожаного пальто и надвинул на глаза генеральскую фуражку. Казалось, он погрузился в дремоту и забыл о генерале Погодине, которого специально взял в свою машину. Погодин догадывался, что предстоит серьезный, скорее всего неприятный разговор, и терпеливо ждал. Командарм, пожилой, полный, даже, пожалуй, несколько тучный человек, всегда удивительно бодрый и не по годам подвижной, всей своей крупной, ссутулившейся теперь фигурой выражал крайнюю степень усталости. Погодин знал до мельчайших подробностей распорядок его дня. Казалось, у командарма совершенно не оставалось времени на отдых. Но сейчас Погодин подумал невольно, что, наверно, в эти часы переездов из одной дивизии в другую, с одного фланга армии на другой он ухитряется отдыхать.

Однако едва эта мысль мелькнула у Погодина, как командарм, не поворачиваясь к нему, сказал густым, низким голосом:

— Думаешь, наверно, что заснул старик? Нет, генерал, я не сплю. Неважный выдался денек сегодня. Что ты на это скажешь?

И опять последовала пауза, длинная, томительная, Погодин знал характер командарма и не спешил с ответом.

Машина, подпрыгивая на стыках, катилась лесной просекой по узкой колее дощатого настила. По бокам мелькали мокрые стволы сосен. Впереди двигалась автоколонна с реактивными снарядами. Сзади наседали три тяжело груженных “зиса”. Машина генерала была зажата между ними и не имела возможности выскочить вперед даже на разъездах. Командарм, всегда требовавший от своего шофера непременно обгона попутных автомашин, был сегодня спокоен и, казалось, даже не замечал, что его машина не могла развить скорость.

— Так вот, — после долгого молчания сказал наконец командарм, — любопытно мне, генерал, твое мнение о причине неуспеха нашей сегодняшней операции.

Погодин по-прежнему молчал. Он знал, что командарм не собирается выслушивать его мнение, прежде, чем выскажет свое. Погодин давно привык к такой манере командарма развивать свою мысль.

— Не кажется ли тебе странной быстрота, с которой противник успевает подтягивать свои резервы в направлении нашего главного удара? — снова спросил командарм.

Замолчав, будто ожидая ответа, он принялся старательно протирать потное ветровое стекло. Потом решительно повернулся к Погодину и продолжал, понизив голос, чтобы шофер не смог расслышать его слов:

— А теперь я требую, чтобы ты меня внимательно слушал. Если искать объяснение нашему сегодняшнему неуспеху, его нетрудно найти. Мы начали стремительную атаку, но не смогли выдержать ее темп. В результате намечившийся у нас прорыв тактической глубины обороны противника так и не получил развития.

Машина дрогнула вдруг и остановилась, но командарм даже не обратил внимания на это. Он продолжал свою мысль:

— Тут, конечно, возникает вопрос: почему? А потому, что противник успел подтянуть имевшиеся у него большие резервы. Вот тебе и объяснение. Оно формально вполне приличное и достаточно убедительное. Однако если мы посмотрим глубже, генерал, если постараемся не только оправдаться перед начальством, но и самим себе объяснить создавшееся положение, то дело примет несколько иной оборот. Так?

— Так, — отозвался Погодин, глядя через плечо шофера, как впереди трогаются с места застрявшие было машины.

— Да, дело примет иной оборот, — задумчиво повторил командарм. — Окажется, например, что противник чересчур уж ретиво ринулся на парирование нашего удара. Скажу более — он ринулся с такой поспешностью, будто заранее знал об этом ударе. И знаешь, что во всем этом самое удивительное?

Командарм опять повернулся в сторону Погодина. Прищурившись, испытующе посмотрел ему в глаза и добавил, снова понизив голос:

— Самое удивительное заключается в том, что заслон противника был рассчитан на парирование удара по меньшей мере трех корпусов, тогда как мы действовали всего лишь одним корпусом. Странно это, генерал?

— Странно, — согласился Погодин.

— А почему странно? Странно потому, что мы первоначально в самом деле намеревались действовать тремя корпусами и лишь в самый последний момент изменили решение. Не кажется ли это тебе подозрительным? Не кажется ли, что противник каким-то образом узнал о наших первоначальных планах?

— Да, кажется.

Щитовая колея дороги кончилась, начался жердевой настил. Машина сразу вдруг запрыгала, затряслась мелкой дрожью. Разговаривать стало трудно, но командарм продолжал:

— И это нам с тобой не может не казаться подозрительным, ибо все крупные действия на фронте подчинены строгой закономерности. Как бы ни хитрил противник, что бы ни предпринимал в масштабе армии, я всегда найду этому объяснение. Мелкая часть, до батальона включительно, может менять дислокацию, перегруппировываться, наступать, отступать или обороняться — этому не сразу найдешь причину. Тут может быть много случайного. Но когда шевелятся дивизии, когда противник перемещает корпуса, я всегда догадываюсь о причинах, которые вызвали подобные действия.

Машина подошла в это время, к штабу гвардейской дивизии и остановилась. Пока начальник штаба, предупрежденный дежурным, шел встречать командарма, тот закончил свой разговор с Погодиным.

— Короче говоря, генерал, — сказал он, — я подозреваю, что на сей раз противник располагал точной информацией о наших намерениях. Твоя задача — выяснить источник этой информации. Чем скорее ты это сделаешь, тем лучше.

В маленьком домике

Капитан Астахов подошел к окну. По узкой, протоптанной через запущенные огороды тропинке шла Наташа Кедрова. Она пересекла уже небольшую полянку перед окнами дома, из которого наблюдал за ней капитан, и остановилась возле доски, на которой вывешивались свежие сводки Совинформбюро.

— Похоже, капитан, что вы равнодушны к Кедровой, — усмехнулся сидевший за столом майор Гришин, начальник Астахова.

— Неужели похоже? — удивился Астахов. — Да, очень.

— Она в самом деле меня интересует. В ней есть что-то такое... и в характере и во внешности. Обратили вы внимание на ее лицо? Я не художник, но мне кажется, что в нем есть удивительная четкость и завершенность линий.

— Ого, как вы ее разрисовываете! — засмеялся Гришин. — Уж не влюблены ли вы в нее?

Астахов сдвинул брови, поморщился, заметил холодно:

— А я вот положительно не понимаю, почему нужно быть обязательно влюбленным в женщину, которая вас чем-нибудь интересует? Может быть, вы объясните это?

— Мне нравится, товарищ Астахов, ваше серьезное отношение ко всему, но то, что вы не понимаете шуток, право досадно, — по-прежнему продолжая улыбаться, заметил Гришин.

— Таких шуток я действительно не понимаю, — упрямо повторил Астахов.

— Ну хорошо, — резким движением мускулов согнав с лица улыбку, сказал майор уже совершенно серьезно, почти официальным тоном, — не будем больше говорить об этом. Однако любопытно, чем же заинтересовала вас Кедрова?

Астахов видел, как Наташа, прочитав сводку, быстрой, легкой походкой прошла мимо домика, в котором жил и работал он вместе с майором Гришиным. Когда она скрылась за углом соседнего сарая, капитан отошел от окна и сел за стол против Гришина.

— Вы хотите знать, чем заинтересовала меня Кедрова? — спросил он. — У меня к ней, видите ли, профессиональный интерес.

Майор удивленно поднял брови.

— В ее поведении, да, пожалуй, и в характере много непонятного для меня, — продолжал Астахов, — и вот я хочу понять, разгадать или даже, вернее, решить это непонятное, как решил бы математик неожиданно попавшему ему сложную алгебраическую задачу.

Майору стоило больших усилий сдерживать улыбку, но он сдержал ее и сказал наставительно:

— Математика слишком абстрактная наука, нам же приходится иметь дело с явлениями очень конкретными.

— Это так, — согласился Астахов, — однако в нашем труде и труде математика есть много общего. Как ему, так и нам приходится иметь дело с неизвестными величинами.

Гришин не любил теоретических споров. Он не имел такого образования, как Астахов, пришедший в армию из университета, и ему нелегко было тягаться с ним. Майору казалось даже, что широкая образованность Астахова толкала его на поиски отвлеченных сравнений, отрывала от жизни. Математика же и физика, которые изучал Астахов в университете, казались Гришину неприменимыми в их практике. Во всяком случае, до сих пор он лично вполне без них обходился.

“Вот если бы Астахов работал шифровальщиком, тогда познания его в математикегодились бы, конечно...”, — уже в который раз невольно подумал Гришин, но раздавшийся телефонный звонок прервал его мысли. Майор снял трубку.

Офицеры штаба армии обычно избегали в телефонных разговорах называть фамилии и звания старших начальников, но по тону голоса Гришина, по тому, как невольно выпрямился он, Астахов догадался, что разговаривает майор с начальником. Ответы его были предельно лаконичны. Они состояли из повторения слов “так точно”, “никак нет”, “слушаюсь”. Разговор длился не более нескольких секунд.

Положив трубку на рычажок телефонного аппарата, майор набросил на плечи шинель.

— Собирайтесь, товарищ Астахов, — сказал он, — нас генерал вызывает.

— Что взять с собой? — спросил капитан. — Какие сведения? Он ведь не любит, когда к нему являются с пустыми руками.

— Как мне кажется, — заметил майор, — на этот раз ему понадобятся такие сведения, которых у нас с вами нет и добыть которые будет нелегко.

Генерал ставит задачу

Генерал Погодин не мог не согласиться с мнением командарма, ибо слишком хорошо знал неоднократно повторяемую, ставшую шаблонной тактику противника.

Из опыта боев Погодину было известно, что пехотные дивизии неприятеля, снятые с других участков обороны, появлялись в районе прорыва через один-два дня. Более быстрое появление их не могло не вызвать подозрений. При такой значительности масштаба операции случайность действий противника исключалась. В этом командарм был прав. Приходилось допустить, что противник получил откуда-то информацию о наших намерениях.

Генерал Погодин много лет боролся с разведкой противника и в совершенстве изучил повадки ее агенты. Он знал, что многое в приемах врага повторялось, но никогда не подходил к своей задаче с предвзятым мнением. Напротив, он твердо был уверен — и всякий раз убеждался в этом, — что даже самый шаблонный ход неприятельского агента неизбежно заключал в себе элементы нового, типичные для создавшейся обстановки. Это умение угадывать новые детали в старом приеме разведчика почти всегда обеспечивало ему победу.

Погруженный в размышления, задумчиво прохаживался генерал Погодин по небольшой комнате сельского здания, приспособленного для его штаба, когда адъютант доложил ему:

— Майор Гришин и капитан Астахов.

— Пусть войдут.

Разрешив вошедшим офицерам сесть, генерал, очень дороживший временем, тотчас же приступил к существу дела.

— Вы знаете, — сказал он, — что система работы штаба армии построена так, что штабные офицеры разных отделов обмениваются информацией только по крайне необходимым вопросам. Когда же командование ставится серьезная оперативная задача, то в разработке ее участвует еще более ограниченный круг лиц. К числу их относятся лишь немногие старшие офицеры управления армии.

Погодин внимательно посмотрел на своих подчиненных. Они слушали его сосредоточенно, но генерал хорошо понимал, что на каждого из них слова его оказывали различное воздействие. Гришин прямолинеен, его аналитические способности невелики, однако он незаменим в энергичных операциях. Вряд ли предложит он оригинальное решение, зато выполнит уже готовый план безукоризненно. Капитана Астахова генерал считал совсем иным человеком. Он был неуравновешенным и слишком доверчивым, не обладал он и выдержкой Гришина, но зато имел четкую логику мышления и отличался большой самостоятельностью.

Пройдясь несколько раз по комнате, Погодин продолжал:

— И вот, однако ж, несмотря на это и на все принятые меры секретности, противник каким-то образом получил информацию о разработке последней нашей операции. Как он это сделал, я не знаю, но узнать это мы обязаны в самое кратчайшее время. За всю нашу работу это первый случай, и он должен стать последним.

Генерал достал из стола ящик с папиросами, предложил закурить.

— Достаточно ли хорошо знаете вы офицеров и вообще весь личный состав, имеющий доступ к оперативным документам штаба? — спросил он после непродолжительной паузы.

— Полагаю, что достаточно, — ответил Гришин.

— А я бы не осмелился на вашем месте отвечать так уверенно, — строго заметил генерал, — ибо самые обстоятельные знания о любом предмете, а тем более о человеке, никогда не бывают исчерпывающим и. Короче говоря, нужно еще раз присмотреться к людям, присмотреться, отбросив предвзятое мнение, будто вы все знаете о них. Лучше будет, если вы допустите, что вам ничего о них не известно и что все нужно начинать с самого начала...

Логика капитана Астахова

Капитан Астахов долго не ложился спать в эту ночь. Он сидел за своим маленьким шатким столиком и чертил на листе бумаги какие-то замысловатые геометрические фигуры. Он это делал совершенно бессознательно, по давнишней привычке чертить или рисовать что-нибудь в часы напряженных размышлений. Ему всегда казалось, что это способствует плавному ходу мыслей, но сегодня это не помогало ему.

Генерал предложил еще раз присмотреться к людям, вместе с которыми Астахов воевал вот уже четвертый год. Он наблюдал их изо дня в день и знал достаточно хорошо. Он был глубоко уверен, что здесь, на фронте, все познавалось быстрее и глубже, чем в любых других условиях. Астахов знал не только служебные качества каждого из этих людей, но и характер и биографию их. Не все они были достаточно хорошо образованы, не все одинаково талантливы, но все были подлинно советскими людьми. В этом у капитана не было никаких сомнений.

Прикидывал он и так и этак, но вера его в людей оставалась непоколебимой, а задачу все-таки нужно было решить. От этого зависела и судьба этих людей и судьба армии.

Бесплодно просидев до двух часов ночи, Астахов вначале третьего часа решил лечь спать. Он потушил свет и долго лежал с открытыми глазами. Ночь была тихая. Лишь изредка рокотали ночные бомбардировщики “По-2”, направляясь к переднему краю, да с нудным гудом рыскал где-то неподалеку фашистский ночной охотник, высматривая машины с зажженными фарами. Иногда в стороне железнодорожной станции глухо ухали тяжелые зенитки.

Сон не шел к Астахову. Голова продолжала лихорадочно работать. Лишь несколько успокоившись, стал он рассуждать хладнокровнее. Отбросив все случайное, мешающее сосредоточиться, он решил несколько сузить свою задачу. Для него все время было бесспорно, что офицеры штабов управления армии не могли быть прямым или косвенным источником информации. В таком случае, оставалось предположить, что каким-то образом исчезали из штабов и попадали к противнику оперативные документы в виде черновиков или копий. Исчезновение подлинников было маловероятно, так как генерал Погодин сам заявил, что вся документация разработанной операции была собрана лично начальником штаба армии.

Прежде чем ломать голову над тем, как могли черновики или копии документов проникнуть за пределы штабов, Астахов решил установить, какой же из оперативных документов был особенно важным и даже, может быть, собирательным, заключающим в себе весь замысел операции.

Капитан хорошо знал порядок работы штабов и имел ясное представление о всех основных документах, изготавлиющихся при разработке операции. Из всего многообразия этих документов он выделил два основных вида: письменный и графический. В первом противника могло интересовать далеко не все, ибо в нем было много зашифрованных сведений, разобраться в которых было нелегко. Зато второй вид документации — карты и схемы он считал совершенно ясными и потому более привлекательными для противника, ибо в них были перечислены все части, участвующие в операции, районы их сосредоточения и маршруты следования. Графический язык карт был лаконичен, ясен и прост. Он мог бы открыть противнику почти исчерпывающие данные. К тому же карта большей частью являлась первым, а иногда и единственным документом, на котором запечатлевался замысел командования.

Остановившись на том, что оперативная карта и являлась основной целью вождения противника, капитан стал размышлять, каким же образом она могла попасть к нему. Он слишком хорошо знал, как строго учитывается каждый изготовленный экземпляр оперативного документа, как уничтожаются черновики секретных бумаг. Оперативные же карты, вообще не имеющие черновиков, немедленно нумеруются и регистрируются как совершенно секретные, так что незаметное исчезновение их просто немыслимо.

Дойдя в своих размышлениях до этого пункта, капитан Астахов дальше так и не смог продвинуться.

В пятом часу пришел откуда-то майор Гришин. Не зажигая света, он быстро разделся и лег спать. Капитан Астахов не имел обыкновения расспрашивать своего начальника о том, куда он ходит, но, зная круг его обязанностей, всегда догадывался о целях его ночных посещений.

Астахов взбил соломенную подушку, натянул одеяло и, закрывшись с головой, попытался заснуть.

Зябко дрогнули стекла от гула артиллерийского налета на участок переднего края. Грохнул где-то, совсем недалеко, разрыв снаряда дальнобойного орудия противника, и снова все смолкло, а сон все еще не шел к капитану.

Если мысли имеют инерцию, то, видимо, они по инерции все еще продолжали вращаться вокруг карты. И, видимо, так велика была сила этой инерции, что Астахов невольно снова принялся размышлять о карте, и

чем больше он о ней думал, тем очевиднее для него становилось, что именно за картой охотился противник, ибо она давала ему не только исчерпывающие, но и наглядные сведения о наших замыслах.

Рождение замысла

Утром капитан Астахов явился к генералу Погодину. Генерал принял его довольно холодно и всем своим необычно официальным видом, слегка приподнятыми бровями и вопросительным взглядом, казалось, говорил: “Не поторопились ли с визитом, молодой человек?”

Он жестом разрешил капитану сесть и принялся что-то записывать в блокнот. На Астахова это молчание подействовало удручающе, и он невольно подумал: “Не поторопился ли я в самом деле, не слишком ли быстро принял решение?”

Окончив довольно длинную и, как показалось Астахову, не очень срочную запись, генерал сказал коротко:

— Ну-с, слушаю вас.

Несмотря на невольное волнение и некоторую неуверенность, вызванную холодным приемом генерала, капитан все же довольно твердо и четко изложил свою мысль.

Генерал выслушал его внимательно, не перебивая и не отвлекаясь ничем. И хотя мысль капитана, видимо, показалась ему несколько наивной, он не позволил себе улыбнуться, а напротив, отнесся к нему с должным вниманием и серьезностью, что, впрочем, не помешало ему заметить:

— Все это так, товарищ капитан, но этим вы не открываете ничего нового. Ценность карты для противника совершенно очевидна, однако получить ее не так-то просто, тогда как короткое устное или письменное сообщение о том, что тогда-то такими-то силами и в таком-то направлении мы собираемся наступать, противника вполне бы удовлетворило. Это ведь гораздо проще и естественнее.

— Да, конечно, это проще, — согласился Астахов, — но это общее положение, а я беру частный случай. Если бы дело шло о широкой разработке операции с привлечением к этому большого количества исполнителей, то, конечно, правильнее было бы сделать ваше допущение, но ведь тут речь идет об очень ограниченном круге лиц, честность которых вне подозрений. Иными словами, я хочу сказать, что люди в данном случае не могли явиться источником информации.

— Вы имеете в виду больших начальников?

— Да.

— Но ведь, кроме них, могли же иметь отношение к этому и небольшие начальники, — возразил генерал. — Насколько мне известно, в штабе инженерных войск чертежница не такой уж большой начальник. Если мне не изменяет память, она всего лишь старший сержант.

— Так точно, товарищ генерал, старший сержант, но на этот раз она не имела отношения к карте. Это мне известно совершенно достоверно. К тому же, товарищ генерал, чертежница Кедрова работает в штабе инженерных войск вот уже около двух лет, и мы не имеем основания ей не доверять. Генерал промолчал, хотя чувствовалось, что принципиально он был не согласен с Астаховым. Переждав несколько минут, капитан продолжал:

— Я все-таки уверен, товарищ генерал, что противник использует наши оперативные карты, каким-то образом проникающие за пределы штаба.

— Что же вы предлагаете?

— Я предлагаю эксперимент. Нужно срочно произвести разработку очень серьезной, но фиктивной операции. Нужно также, чтобы о фиктивности ее знали только два человека: вы и командарм. Все остальные должны принимать ее всерьез. И еще одно неперемennое условие: к разработке этой операции должно быть привлечено строго ограниченное количество лиц. Лучше всего, если вы сами составите список и предложите его командарму.

— Да, пожалуй, это уместно, — согласился генерал после некоторого раздумья. — Не знаю только, как к этому отнесется командарм...

В тот же день генерал Погодин предложил идею Астахова командарму, и командарм, вопреки опасениям Погодина, одобрил ее.

— Это любопытно, — сказал он. — У нас сейчас оперативная пауза. Народ ничем особенным не занят, так что, пожалуй, можно попробовать.

Командарм перелистал настольный календарь, подумал и спросил:

— Когда лучше, по-твоему?

— Да хотя бы завтра, — ответил Погодин.

— Ну что ж, завтра так завтра.

И вот утром следующего дня командарм собрал у себя командующих и начальников родов войск армии и приказал им разработать план крупной наступательной операции.

В штабе инженерных войск

Поздно ночью в просторной штабной землянке инженерных войск армии помощник начальника секретной части старший сержант Яценко укладывал в обитые железом ящики секретные дела и карты.

В штабе, кроме Яценко да чертежницы Кедровой, никого не было. Генерал Тихомиров и полковник Белов с утра засели в землянке полковника и никого туда не пускали. Старший помощник Белова майор Рахманов и два младших помощника ушли ужинать. Похоже было, что они еще не скоро лягут спать, ибо, по установившейся традиции, офицеры штаба раньше генерала и полковника спать не ложились.

Уставший, вечно недосыпающий старший сержант Яценко ворчал:

— Нет ничего тяжелее штабной работы. Сидишь, как проклятый, день и ночь — и никакой видимости!

— Что ты имеешь в виду под видимостью? — спросила Кедрова. — У тебя очень замысловатый слог, Остап.

— Никакой продуктивной работы не видно, вот что я имею в виду. Одна неосозаемая писанина.

— Неужели все эти ящики с “писаниной” неосозаемы? — засмеялась Кедрова.

— Ты все шутишь, Наташа, а я чертовски спать хочу.

Старший сержант Яценко, веселый, добродушный человек, действительно смертельно хотел спать. Вздремнуть хотя бы только три-четыре часа, но так, чтобы никто не потревожил, не разбудил и не спросил ключей от ящиков и шкафов или очередного исходящего номера, казалось ему верхом блаженства.

— Знаешь, Наташа, — сказал он, — я сейчас дождусь майора Рахманова и буду проситься на отдых, все равно я уже не работник. У меня один глаз только смотрит, а другой давным-давно спит. И тебе советую проситься. Чует мое сердце, будет у нас завтра работенка. Неспроста генерал с полковником заседают — похоже, что к новой операции будем готовиться.

— Что ж проситься, — вздохнула Кедрова, — начальство само знает, когда отпустить.

— Но ведь ты тоже вторые сутки не спишь и вообще все время недосыпаешь. Тебе ведь вредно ...

— Э, брось ты это, Остап!

Яценко тяжело вздохнул и, помолчав немного, продолжал:

— Чертежная работа уж очень мытарная. Ты бы на работу полегче попросилась.

Кедрова нахмурилась и сказала строго:

— Оставь ты это, Остап. Не люблю я этих соболезнований! Что же, по-твоему, я с работой разве не справляюсь?

— Да что ты! Наоборот! — Ну, и не будем говорить об этом.

Яценко улегся на сдвинутые железные сундуки, подложив под голову пухлую папку, и хотя он имел обыкновение засыпать почти мгновенно, на этот раз долго ворочался и все не мог успокоиться.

— Мне, знаешь ли, Наташа, — продолжал он, — очень нравится, что ты такая серьезная, рассудительная и строгая.

— Что это ты сегодня разоткровенничался, Остап? — удивилась Кедрова. — Никак, еще в любви взду-маешь объясняться?

— Я бы и объяснился, да ведь ты смеяться будешь.

— Конечно, буду. — Наташа улыбнулась, обнажив удивительно ровные, влажно блестящие зубы. Махнув на Яценко рукой, она добавила: — Ну, да ты спи лучше.

Яценко повернулся на другой бок, но в это время у входа в землянку раздались голоса, и он торопливо поднялся со своего железного ложа.

— Наши, кажись. Ох, чует мое сердце, не спать мне и эту ночь.

В землянку вошли полковник Белов и майор Рахманов.

— А ты чего не спишь, куме? — шутливо обратился Белов к старшему сержанту.

Полковник был постоянно весел. Кажется, еще не было такой неприятности, от которой бы он приуныл. Расточая направо и налево свои, иногда несколько грубоватые, шутки, он всегда делал это добродушно, не думая никого оскорбить или обидеть.

Пока Яценко бормотал что-то о том, что рад бы поспать, да возможности нет, полковник, не слушая его, направился к Кедровой и, улыбаясь, протянул ей руку:

— Приветствую вас, красавица!

— Вы бы мне лучше доброй ночи пожелали, — засмеялась Кедрова.

— Именно доброй, а не спокойной. До спокойной еще далеко.

— Значит, будем работать?

— Да, работать. Но вы не пугайтесь! Трудиться придется мне, вы же ступайте пока отдыхать.

Полковник снова протянул ей руку и сказал:

— Спокойной ночи!.. Ну, а тебе, куме, — обратился он к Яценко, — придется пободрствовать. Ого, как вытянулась твоя физиономия! И здоров же ты спать, куме! Ну, да что с тобой поделаешь. Достань-ка мне дело номер тридцать да устраивайся здесь на ящиках. Ты ведь, говорят, как факир, можешь спать хоть на гвоздях. Ложись, куме, отсыпайся на здоровье, а когда понадобится, я тебя разбуджу. В это время вошли в землянку остальные офицеры штаба.

— Ну-с, — повернулся к ним полковник, — а вы все марш спать! Подъем в шесть ноль-ноль. Спокойной ночи и приятных сновидений!

Разведсводка

К исходу суток офицеры общевойсковой разведки штаба армии составляют разведсводку. Короткий, о тпечатанный на одной или двух страницах документ впитывает в себя кропотливую и небезопасную работу раз нообразных органов армии за целые сутки. Тут есть все: положение войск противника, действия его авиации и артиллерии, данные дневных наблюдений за передним краем и всеми просматриваемыми участками фронта неприятеля, результаты ночных поисков, опросы пленных, данные авиаразведки и наблюдения за работой вр а- жеских войсковых раций.

Добывая эти сведения, в дивизиях и корпусах, в артиллерийских и инженерных частях десятки опытных разведчиков с различных пунктов, вооружившись стереотрубами, перископами и биноклями, зарывшись в зем- лю или забравшись на деревья, в любую погоду просматривают каждую видимую пядь земли врага.

Пройдет ли группа солдат вдоль фронта, проследуют ли повозки с ящиками, донесется ли шум поезда со стороны вражеской станции, промелькнет ли где-нибудь между деревьями связной велосипедист — все это тщательно заносят в свои журналы наблюдений разведчики-наблюдатели, указывая точную дату, время суток, квадрат или более точную координату топографической карты. Ничего не ускользнет от их внимания. Они всё слышат и видят, всё точно записывают и своевременно доносят своему штабу. Даже тогда, когда пелена тумана закрывает поля видимости, когда длительные дожди косым пунктиром штрихуют просматриваемые участки, разведчики все равно ведут наблюдения, занося в журнал плотность тумана, длительность дождя, его интен- сивность и глубину видимости.

Когда же ночь черным своим маскхалатом скрывает от глаз территорию врага, на смену зрению разве д- чиков приходит их слух. Наблюдателей сменяют тогда “слушачи”. Они почти вплотную подбираются к перед- нему краю обороны противника. Изошренный слух их улавливает малейшие шорохи, едва слышные звуки, идущие издалека. По ровному глухому шуму опознают они движение пехоты, по дробному гулу, фырканию и цокоту копыт — конницу, по прерывистому лязганью металла — артиллерию и по непрерывному металличе- скому грохоту гусениц и резкому шуму моторов — танки и самоходки.

Уходят разведчики и в глубину вражеских позиций и там, в шести-десяти километрах от переднего края обороны, ведут скрытое наблюдение за огневыми точками, живой силой и оборонительными сооружениями врага.

А пока войсковая разведка прощупывает передний край и тактическую глубину обороны противника, авиация углубляется в его тылы, а радиоразведка тщательно следит за работой его засеченных радиостанций, их перемещением, исчезновением или появлением новых раций. К вечеру через пункты сбора донесений, через посыльных и нарочных стекаются в штаб армии письменные донесения, схемы, карты, аэрофотоснимки, ши ф- ровки. И тогда штабные офицеры-разведчики принимаются наносить все это на карту, сопоставляя свежие све- дения с уже имеющимися и определяя степень их достоверности. Постепенно такая карта густо покрывается графическими символами фортификационных сооружений, артиллерийских позиций, огневых точек и минных полей. Вписываются номера новых вражеских частей, перемещаются старые. Беспрерывно меняющаяся обста- новка на карте еще энергичнее приходит в движение. Она дополняется и уточняется с каждым телефонным звонком, с каждым вновь полученным донесением. Напряженным, лихорадочным пульсом войны бегают на карте цветные карандаши, нанося все новые и новые условные знаки.

Обычно разведсводка бывает готова к вечеру. Однако в этот день еще задолго до установленного срока начальник разведки штаба армии доложил командарму, что перед фронтом армии противник пришел в движе- ние.

— Что же это — перегруппировка? — спросил его командарм.

— Части противника перемещаются почти без соблюдения обычных мер маскировки, — отвечал началь- ник разведки. — Похоже, что противник встревожен чем-то и спешит усилить свою оборону.

Фотопленка Кедровой

В тот же день генерал Погодин срочно вызвал к себе Астахова. Аудиенция была предельно короткой, но капитан Астахов был не только удовлетворен ею, он был счастлив.

Генерал принял его, как обычно. Ни одним словом не высказал он своего одобрения, но по выражению его лица, по интонации голоса и по многим другим, почти неуловимым признакам понял капитан, что генерал им доволен.

Победа Астахову казалась очевидной. Командарм одобрил поданную им мысль и осуществил ее. И вот теперь официальные данные разведки со всей убедительностью объективных фактов подтвердили ее. Стало несомненным, что противник уже принимает контрмеры против вчера только разработанной штабом армии операции фиктивного наступления.

Это было даже не его личное торжество, а торжество логики, в которую капитан так верил и без которой не представлял себе разумной деятельности.

Выйдя от генерала и направляясь к себе, на свежем воздухе Астахов успокоился и понял, что повод к торжеству пока еще слишком незначительный. По сути дела, все осталось пока попрежнему, и до решения ос-

нового вопроса было еще очень далеко. Но все-таки была уже и маленькая победа, ибо круг, в котором находилось порочное звено, сузился, и сузился не произвольно, не случайно, а вследствие специально проведенного разумного действия. Значит, если и дальше действовать в какой-то логической последовательности, то и окончательное решение будет найдено.

Рассуждая таким образом, Астахов пробирався по узкому, скользкому от грязи дощатому настилу вдоль улицы поселка, в котором был расположен штаб армии. До домика его было уже недалеко, когда неожиданно встретился ему майор Гришин, вышедший из соседнего переулка. Капитан хотел было доложить ему результат посещения генерала, но майор перебил его.

— Все знаю, — сказал он. — Я только что от разведчиков. А для вас у меня дело. Знаете ли вы, что у Кедровой имеется отличный фотоаппарат?

— Да, конечно. Она ведь этого не скрывает.

— Что у нее — наш ФЭД или какая-нибудь немецкая штука?

— Наш ФЭД.

— Ну, а как Кедрова фотографирует? — Имел удовольствие у нее фотографироваться. Могу доложить — фотограф она отличный.

Майор попросил у Астахова зажигалку. Прикуривая, сказал, понизив голос:

— Поинтересуйтесь, что она фотографирует. Пленку проявляет она в фотолаборатории армейской газеты. Найдите повод посмотреть ее негативы. Были вы сегодня в редакции?

— Нет, не был.

— Ну, так зайдите непременно.

Гришин кивнул ему и завернул за угол. Астахов пересек грязную улицу и направился на окраину села. Однако не прошел он и трехсот метров, как увидел вдруг Наташу Кедрову. Она выходила из соседнего переулка.

“В редакцию я еще успею, — решил капитан, — нужно будет поговорить с ней...”

— А, Наталья Михайловна! — весело воскликнул он. — Далеко путь держите?

— На свою квартиру.

— Нам по пути. Вы, кажется, где-то недалеко от меня живете?

— Не знаю, где вы разместились, а я еще с тремя девушками живу в конце вот этой улицы.

— Ну, так нам определенно по пути! — засмеялся капитан.

Они пошли рядом. Наташа, помолчав немного и не глядя на Астахова, сказала:

— Знаете, товарищ капитан, когда меня называют по имени и отчеству, мне почему-то всегда кажется, что надо мной подшучивают.

— Почему так? — удивился Астахов.

— Не знаю. Лучше уж, по-моему, назвать просто по имени или по фамилии. В армии ведь так больше принято.

— Похоже, что вы сегодня не в духе, — заметил капитан, пристально взглянув на утомленное лицо Наташи.

— Нет, я просто устала. Эти дни очень много приходится работать. А вы, кажется, в отличном настроении?

— Я всегда бываю в хорошем настроении, когда ясно понимаю, что происходит вокруг меня.

— Даже если плохое?

— Да, даже если плохое. Только я непременно должен разобраться во всем.

— Это удивительно! — заметила Наташа и, с любопытством взглянув на Астахова, добавила: — Извините, но у вас очень самодовольный вид.

— Вы вообще, кажется, не очень-то лестного мнения о моей внешности, — усмехнулся Астахов, чувствуя, что ему приятно идти с Наташей и разговаривать с ней. — Хотелось бы взглянуть, — продолжал он, — каким же получился я на вашей фотографии? Помните, вы щелкнули меня своим ФЭДом дней пять тому назад?

— Помнить-то помню, — отвечала Наташа, — но пленку до сих пор не удалось еще проявить. Последние дни абсолютно нет свободного времени.

— А может быть, вы мне доверите эту операцию?

— Какую операцию? — не поняла Наташа.

— Да проявление пленки. Я в этом деле смыслю кое-что, так что можете не беспокоиться, не испорчу.

Наташа молчала.

— Пленка-то с вами, наверное? — спросил Астахов.

— Да, пленка со мной, но стоит ли утруждать вас?... Я и сама освобожусь скоро.

Наташе, видимо, не хотелось давать пленку Астахову, но он сумел настоять на своем, и она уступила.

— Через пару дней, — весело заявил Астахов, — а то и раньше я верну вам все это в проявленном и отпечатанном виде. Можете быть в этом отношении совершенно спокойны.

— Да я и не беспокоюсь, — ответила Наташа.

Они были теперь возле дома Астахова, и он остановился в нерешительности — провожать Наташу до ее квартиры или попрощаться здесь.

— Ну-с, до свиданья, Наташа. Я живу вот в этом доме, — сказал он наконец, решив не провожать ее, так как она все равно стала бы возражать против этого.

— До свиданья, — ответила Наташа и неторопливо пошла через огород мимо окон дома Астахова.

Капитан смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом соседнего сарая. Он вспомнил недавний разговор свой с Гришиным, и ему стало теперь смешно, что он называл тогда интерес свой к Наташе профессиональным интересом. Просто она нравилась ему. Было в ней что-то привлекательное, хотя он и не мог пока определить, что именно. Но не внешность, конечно. Ведь вот машинистка Валя гораздо красивее ее, однако он к ней совершенно равнодушен. Нет, в Наташе другое что-то...

Астахов оставался у себя недолго. Он просмотрел несколько бумаг, принесенных из оперативного отдела его помощником лейтенантом Ершовым, и собрался уже уходить, когда кто-то робко постучал вдруг в его окно. Он вышел из-за стола и выглянул на улицу. Там, под окном, стояла Наташа.

— Заходите же, заходите! — крикнул он и, поспешив к дверям, распахнул их. — Прошу вас, Наташа!

Наташа вошла, смущенно улыбаясь.

— Извините, что беспокою вас, — сказала она. — Я отдала вам пленку, а после вспомнила, что у меня там есть снимки, которые нужно срочно отпечатать. Я, пожалуй, сейчас же пойду в лабораторию и проявлю их. Могу я получить у вас пленку?

Наташа заметно волновалась, и это не ускользнуло от внимания Астахова.

“Чего бы ей волноваться так?” — подумал он и тут же принял неожиданное решение.

— Вот беда! — воскликнул он. — Вам определенно не повезло, Наташа. Я только что отослал пленку в нашу лабораторию для проявления. Что у вас за срочность такая?

— Да ничего особенного. — Наташа, казалось, взяла себя в руки и говорила теперь спокойно. — Раз уж вы их отослали — ничего не поделаешь. Простите, что оторвала вас от работы...

Когда Наташа ушла, капитан вызвал лейтенанта Ершова и приказал ему отнести пленку Кедровой в фотолaborаторию и срочно проявить ее.

Отправив пленку, Астахов направился было к выходу, но в это время раздался телефонный звонок. Капитан подошел к телефону и снял трубку.

— Зайдите ко мне, — прозвучал строгий голос. Это был голос генерала Погодина.

Ход генерала Погодина

— Садитесь, — сказал генерал. — Мне пришлось вторично вызвать вас, так как я получил новые, весьма важные сведения. Вам необходимо знать их.

У генерала Погодина всегда было строгое, озабоченное лицо. Астахов не мог припомнить, видел ли он его когда-нибудь смеющимся. Но сегодня он был совершенно другим человеком. Тяжелые складки на лбу разгладились, улыбка округлила губы, холодные серые глаза потеплели. Сейчас этот большой, очень требовательный и строгий человек казался необычайно добрым. Он достал из своей рабочей папки внеочередную разведсводку, что-то энергично подчеркнул в ней и протянул Астахову.

Пока капитан читал, генерал принялся перелистывать книгу, лежавшую у него на столе. Книга была на английском языке и называлась “За стенами Федерального Бюро Расследований”. Автором ее был Джон Дж. Флорти. При всей своей загруженности служебными делами генерал Погодин умудрялся все же не пропускать ни одной литературной новинки о разведке и контрразведке. Задолго до того, как появились русские переводы, он уже прочел на английском языке все нашумевшие книги Майкла Сейерса и Альберта Кана, Фредерика Коллинза и Алана Хинда.

Астахов прочел сводку и вернул генералу. Погодин положил ее в папку и спросил:

— Понимаете вы, в чем тут дело?

— Не совсем, товарищ генерал.

— Ну да, впрочем, вы и не можете этого знать. Генерал вышел из-за стола и, неслышно ступая, стал прогуливаться по комнате, заложив руки за спину.

— А дело тут вот в чем, — продолжал он. — Подсказанная вами идея была безусловно удачна, но вы продумали ее только наполовину. Однако, повторяю, идея была хороша, и вторую половину ее нетрудно было додумать и без вас. И я это сделал. Я решил, что нужно разработать фиктивную операцию не только ограниченному кругу офицеров и генералов, но дать также каждому отделу штаба разную обстановку и группировку войск.

Генерал замолчал, продолжая прохаживаться по комнате, а Астахов невольно подумал: “Как же я — то до этого не додумался? Ведь это же так просто и к тому же почти решает основной вопрос!”

— И вот теперь мы имеем плоды этой идеи, — продолжал генерал после короткой паузы. — Днем нам было известно только то, что противник принимает какие-то контрмеры. А теперь мы уже точно знаем, что он принимает контрмеры соответственно плану, разработанному штабом инженерных войск. Понимаете теперь, в чем дело? Понимаете, какой вывод из этого нужно сделать?

— Да, товарищ генерал. Если это так, то несомненно, что в штабе инженерных войск что-то неблагополучно, — ответил Астахов.

— В этом теперь не может быть сомнений. Были вы сегодня в штабе Тихомирова?

— Нет, товарищ генерал.

— Не теряйте времени и зайдите сегодня же. Мы должны принять срочные меры. Постарайтесь узнать, точно ли только генерал Тихомиров и полковник Белов занимались разработкой операции или в этом участвовал еще кто-нибудь из работников штаба.

Проявленные негативы

Когда капитан Астахов вошел в землянку штаба инженерных войск, там царило необычайное оживление. Присмотревшись, он заметил, что в штабе были все три помощника, начальник секретной части и старший сержант Яценко.

— Что это у вас такое веселье? — спросил Астахов.

— У нас сегодня первый в этом месяце мало-мальски свободный вечер, — ответил майор Рахманов. — Вот мы и посвятили его обмену боевыми воспоминаниями. Ваша очередь рассказывать, капитан Астахов. У вас-то, наверно, найдутся интересные истории.

— Найдись-то найдутся, — усмехнулся Астахов, — но, к сожалению, не подлежат оглашению. — Вроде как бы с грифом “совершение секретно”, — с уважением заметил старший сержант Яценко.

— Вот именно, — рассмеялся Астахов. — Расскажу вам поэтому то, что, так сказать, “для служебного пользования”.

И он рассказал случайно пришедшую на память историю о немецком шпионе, которого разоблачил в самом начале войны.

Отделавшись таким образом, капитан присел возле стола старшего сержанта Яценко, заметив:

— У вас всегда так все заняты, а сегодня просто праздник какой-то.

— А это потому, товарищ капитан, — отозвался Яценко, — что работы сегодня мало, да к тому же и начальство отдыхает.

— Какое начальство?

— Генерал и полковник. Они больше суток работали без отдыха.

— А что, Кедрова тоже разве отдыхает? — спросил Астахов. — Не видно ее что-то.

— Да, она отдыхает. Ей тоже эти дни досталось. В два часа ночи она легла, а в пять утра полковник уже велел разбудить ее — надпись на карте делать.

— На какой карте?

— На карте инженерного обеспечения. Полковник лично всю ночь над нею работал. Очень уж секретная была. Он даже регистрировал ее сам. Я ему только очередной номер дал.

— А чертежницу-то как же он допустил?

— Очень просто: свернул карту до половины, а внизу велел надпись сделать, — охотно объяснил Яценко.

В штабе между тем продолжало царить оживление. Офицеры здесь были люди молодые, веселые. Они понимали толк в удачной шутке, остром слове. Поболтав о них о всякой всячине, капитан Астахов попрощался и ушел к себе.

Лейтенант Ершов как раз в это время принес из лаборатории проявленную пленку. Астахов взял ее, подошел к окну и с любопытством принялся рассматривать.

На пленке были фотографии офицеров штаба инженерных войск, мост, недавно построенный армейской саперной бригадой, землянка штаба инженерных войск, Яценко в нескольких позах и еще какие-то сержанты. В самом конце пленки оказались снимки двух топографических карт.

Астахов взял лупу и внимательно стал рассматривать их. На негативе одной из карт он совершенно отчетливо разобрал надпись: “Карта дорог и мостов в полосе армии”. На снимке другой карты надпись трудно было разобрать, но по очертаниям ее, по условным обозначениям было несомненно, что и вторая карта была оперативной.

“Зачем ей понадобилось это?” — взволнованно подумал Астахов, но в это время быстро вошел майор Гришин.

— Быстро одевайтесь, — торопливо сказал он. — Возьмите с собой оружие. Едем на серьезное задание. Выполнять его будут корпусные работники, но генерал приказал нам при этом присутствовать. Машина уже ждет нас. Поторопитесь! Дорогой все объясню.

В зеленом квадрате

Дорогой майор Гришин рассказал, что связисты армии запеленговали работающую у нас в тылу подзрительную радиостанцию. Был точно установлен квадрат ее местонахождения, и вот теперь корпусная контрразведка должна была прочесать этот район. В штаб корпуса прибыли поздним вечером. В темноте, среди мокрых колючих елей, долго искали землянку подполковника Соколова. Наконец наткнулись на часового, который грозно окликнул их. Майор назвал пропуск и спросил, как пройти к Соколову.

— Вот тут. Проходите влево.

Подполковник давно уже ждал их. На нем было кожаное пальто, полевая сумка и сигнальный электрический фонарь на поясе.

— Наконец-то! — облегченно сказал он. — Последний сигнал рация подала полчаса назад. Местонахождение ее в квадрате 8596. Вот тут.

Подполковник ткнул пальцем в зеленый квадрат карты, развернутой на столе.

— Значит, в лесу, — заметил майор Гришин.

— Да, — подтвердил Соколов, — этот квадрат и все смежные — лес. Мои люди уже оцепили подозрительный район и никого оттуда не выпустят. Сейчас ночь, боюсь, что темнота помешает нам ... Может быть, подождать до рассвета?

— Нет, нет! — возразил Гришин. — Действовать нужно немедленно.

В лесу было непроглядно темно. Шли не разговаривая, с протянутыми вперед руками, натываясь на мокрые стволы деревьев. Часто останавливались прислушиваясь. Вокруг все было тихо.

Вскоре окружение подозрительного участка настолько сузилось, что автоматчики могли бы взяться за руки и замкнуть круг. Однако в лесу по-прежнему было тихо; только ломкие ветки хвороста чуть слышно хрустывали под ногами солдат подполковника Соколова.

И вдруг где-то в центре оцепления вспыхнул тусклый отблеск света, идущего откуда-то снизу, будто изпод земли.

— Шире шаг! — прошептал подполковник, и почти тотчас же раздавшийся дробный звук автоматной очереди невольно заставил людей остановиться.

Пули просвистели над их головами, слепо тыкаясь в стволы деревьев. За первой очередью последовала вторая, уже в другом направлении. И тут послышался вдруг приглушенный стон раненого человека. Было несомненно, что ранен кто-то из автоматчиков Соколова.

— Я потребую, чтобы они сдались! — раздраженно заявил подполковник.

— Попробуйте, — откуда-то из темноты отозвался майор.

— Послушайте, вы! — крикнул Соколов. — Прекратите бесполезное сопротивление. Вы окружены!

В ответ грянуло несколько выстрелов, и Гришин вскрикнул. Астахов, бросившись на звук его голоса, успел подхватить ослабевшее тело майора.

— Я ранен в бедро, — прошептал Гришин.

— Ну, это уж верх наглости, черт бы их побрал! — обозлился подполковник и крикнул: — Вперед!

Из глубины окруженного участка снова кто-то выстрелил. Раздались чей-то приглушенный стон, проклятия и ответный выстрел.

— Не стрелять! — прохрипел майор Гришин. — Прикажите не стрелять, подполковник!

Но стрельба уже прекратилась сама собой. Снова все стало тихо. Два автоматчика взяли на руки раненого майора. Остальные медленно двинулись вперед.

— Сдавайтесь! — снова крикнул подполковник. Люди прислушались, затаив дыхание, и им показалось, что неподалеку хрипит кто-то.

— Зажечь свет! — скомандовал Соколов.

Несколько электрических фонарей осветило серые стволы сосен, желтые конусы света побежали по усыпанной хвоей земле и остановились на темной фигуре человека, лежавшего навзничь. Голова его была в крови.

— Фельдшера! — крикнул подполковник. Фельдшер, который наскоро уже перевязал Гришина, побежал к лежавшему на земле человеку и пощупал его пульс.

— Скверное дело, — сказал он. — Кажется, его песенка спета.

— Осмотреть все вокруг! — приказал подполковник и стал обыскивать раненого.

В карманах его оказались документы на имя Ивана Сидорова и чистая записная книжка.

Разочарованный результатами обыска, Астахов спустился на дно неглубокой ложбины, где лейтенант и два автоматчика освещали что-то. В свете их фонарей Астахов увидел землянку, из открытых дверей которой валил дым.

Капитан подошел ближе, заглянул внутрь.

— Он тут жег что-то, — сказал лейтенант, указывая на закопченный металлический остов рации и небольшую грудку пепла, лежавшую на земле.

Астахов опустился на колени и осторожно стал перебирать пепел. Плотная бумага хотя и сгорела, но не вся еще рассыпалась. На некоторых листках ее можно было разобрать следы написанного. Капитан хотел аккуратно сложить их в планшетку и взять с собой, но, побоявшись, что они дорогой рассыплются, решил, что лучше переписать с них все сохранившиеся знаки.

Попросив несколько фонарей, он стал изучать ломкие листки пепла. Большая часть их была повреждена. Определить, были ли на них какие-нибудь знаки, не представлялось никакой возможности. Но и на сохранившихся листках, казалось, ничего не было написано. Только на одном из них была едва заметна группа цифр.

Капитан достал блокнот и аккуратно записал в него обнаруженные цифры. Он не сомневался, что это была шифрограмма.

Дальнейшие поиски не дали никаких результатов, и подполковник Соколов приказал собираться в обратный путь. Майора Гришина еще раньше отправили в корпусную санитарную часть.

Когда подполковник с Астаховым садились в машину, фельдшер доложил, что раненый радист умер, не приходя в сознание.

Неужели Наташа?

Генерал Погодин, когда капитан Астахов доложил ему результаты ночной операции, приказал тщательнее разобраться в найденной записной книжке и цифрах, обнаруженных на пепле, и доложить результаты вторично.

Астахов передал переписанные им цифры в шифровальный отдел, а записную книжку принялся изучать сам. Страницы ее были совершенно чистыми, только на одной было что-то написано и стерто.

Зная, что почти все шпионы прибегают к симпатическим чернилам и что в большинстве случаев чернила эти становятся видимыми под действием тепла, Астахов решил подвергнуть записную книжку нагреванию. Он знал, что под влиянием тепла симпатические чернила из раствора свинцового сахара обнаруживают черные буквы, из азотнокислой меди — красные буквы, из азотнокислого никеля — зеленые, а из сока луковицы — ярко-коричневые. Может быть, и эта записная книжка исписана такими чернилами?

Нагрев утюг, капитан прогладил им каждую страницу, но это не вызвало никакой реакции. После такой неудачи Астахов уже не решился проделать подобный же опыт над найденными между страницами записной книжки плотными кусочками желтоватой бумаги, непрозрачной на свет. Они казались капитану подозрительными, и он решил передать их вместе с записной книжкой в лабораторию.

На благоприятный исход анализа, так же, впрочем, как и на дешифрирование цифр, обнаруженных на полусожженной бумаге, он почти не надеялся. Вообще положение теперь представлялось ему осложнившимся, и виной всему он считал неудачу ночной операции, в результате которой был убит вражеский радист. А ведь показания его могли бы пролить свет на многое, так как Астахов почти не сомневался, что между таинственным проникновением секретных сведений за пределы штаба инженерных войск и этим подозрительным радистом существовала какая-то связь.

Весь день капитан безуспешно рассуждал об этом и строил разнообразные догадки, однако все они казались шаткими, неубедительными. Для построения стройной гипотезы были необходимы бесспорные фактические данные, а их пока не было.

Приходилось набраться терпения и ждать результатов раскодирования шифра и лабораторного анализа.

Вечером капитан направился наконец к шифровальщикам. По веселому виду подполковника Глебова, руководившего работой шифровальщиков, Астахов догадался, что ему удалось добиться успеха. До войны Глебов был профессором математики в Московском государственном университете и теперь блестяще разгадывал самые хитроумные коды радиogramм противника.

— Шифровку вашу мы раскодировали, — заявил Глебов. — В ней нет полного текста, но из того, что вы дали нам, получилось примерно следующее: “Нет четкости... увеличьте давление...”

Астахов долго размышлял над этими отрывочными словами, но понять, что они означали, не мог.

В лаборатории ожидала его еще большая неожиданность. На одном из кусочков желтой бумаги, переданной им для анализа, оказался снимок топографической карты с нанесенной обстановкой.

Астахов завернул отпечаток карты в бумагу и забрал с собой. Дома с помощью лупы, к немалому своему удивлению, обнаружил он, что это был снимок карты инженерного обеспечения последней (фиктивной) армейской операции.

“Что же это такое? — взволнованно подумал капитан. — Как попал к радисту этот снимок?”

И вдруг мрачное подозрение вспыхнуло в нем. Он вспомнил фото пленку Кедровой с отпечатками оперативных карт. Вспомнил, что Кедрова имела некоторое отношение и к последней карте инженерного обеспечения, над которой работал полковник. Она, правда, по словам Яценко, сделала только надпись на этой карте, но ведь в штабе тогда никого не было, а полковник мог отлучиться на несколько минут. Она вполне могла улучшить мгновение, чтобы щелкнуть затвором фотоаппарата.

И все-таки это казалось Астахову невероятным. Он полагал, что достаточно знает Кедрову, и не мог допустить измены с ее стороны. У него был свой взгляд на предательство. Астахов был уверен, что к предательству должны быть особые причины, у Кедровой же он не находил и намека на них. Она была дочерью рабочего, мастера одного из московских военных заводов. Старший брат ее, кадровый офицер, командовал гвардейским артиллерийским полком. Сама Наташа — комсомолка, училась два года в Архитектурном институте, добровольно пошла на фронт.

Астахов часто встречался с Кедровой в штабе инженерных войск и в армейском Доме Красной Армии на киносеансах и концертах, много беседовал с ней, и хотя, может быть, не все ему было понятно в ее вкусах и взглядах на искусство — живопись и архитектуру, в благонадежности ее он никогда не сомневался.

И все-таки он должен был теперь заподозрить ее.

Явившись вечером с докладом к генералу, он высказал ему свои подозрения.

— Сможете вы окольным путем узнать, отлучался ли полковник Белов, когда Кедрова делала надпись на карте? — спросил генерал. — Мне бы не хотелось до поры до времени вести с ним официальный разговор на эту тему,

— Будет выполнено, товарищ генерал! — отвечал Астахов.

Неожиданное посещение

Капитан зашел в штаб инженерных войск в обеденное время. Все офицеры ушли в столовую. За перегородкой секретной части дремал, положив голову на пухлую папку, старший сержант Яценко.

— Здравствуйте, товарищ Яценко! — весело приветствовал его Астахов.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — встрепенул Яценко.

— Где же начальство?

— Обедает.

Астахов прошелся по землянке, рассматривая развешанные по стенам карты и плакаты.

— Похоже, что вы здорово недосыпаете, товарищ Яценко? — сказал он. — Уж очень вид у вас измученный.

— Так точно, товарищ капитан, нормального сна давно не имею. Дождаться бы только, когда война кончится! Целый бы год тогда отсыпался.

— Что и говорить, нелегко вам приходится, — посочувствовал Астахов. — Но ведь сейчас всем достается. Надо полагать, что и начальство тоже недосыпает? Вот полковник Белов, к примеру?

— Так точно, полковник Белов определенно недосыпает. Тоже, вроде меня, иногда на ходу спит. Сам видел. Позавчера ночью, например. Сначала еще ничего, пока он сам над картой работал, а когда уже все готово было и Наташа надпись стала делать, так форменным образом клевать стал. Меня тоже здорово ко сну клонило. Я даже выходил раза два на свежий воздух, чтобы не заснуть. Одна Наташа только бодрствовала. Вот, знаете ли, у кого железная выдержка!

— Выносливая? — спросил капитан.

— Исключительно выносливая. Двое суток свободно может без сна обходиться. Вообще, знаете ли, редкостная девушка...

Он хотел добавить еще что-то, но, заметив ироническую улыбку капитана, смутился и покраснел.

“Похоже, что влюблен в нее парень”, подумал капитан, собираясь уходить.

— Ну, счастливо оставаться, товарищ Яценко. Зайду к вам попозже.

“Что же получается? — думал Астахов, выбравшись из землянки. — Все факты не в ее пользу. Неужели я должен заподозрить ее? Но тогда я отказываюсь понимать что-нибудь...”

Астахову было не только неприятно, но и больно допускать такую мысль. Расстроенный, шел капитан по деревянному настилу улицы, никого не замечая. Он понимал, что генерал, узнав все собранные им факты, может приказать арестовать Кедрову. Факты эти вызвали, конечно, подозрения, но внутренней уверенности в виновности Кедровой у Астахова все еще не было. Задумчиво подошел капитан к своему дому и вдруг увидел у дверей Кедрову. Это было так неожиданно, что он забыл даже поздороваться с ней и смотрел на нее с явным недоумением.

Но и Наташа находилась не в обычном своем спокойном состоянии, а была чем-то сильно расстроена.

— Здравствуйте, товарищ капитан! — взволнованно сказала она. — Прошу извинить, что беспокою вас, но у меня к вам серьезное дело. Я уже заходила к вам, но не застала...

— Если дело серьезное, прошу зайти, — сказал Астахов, стараясь не глядеть на Кедрову, и, открыв дверь, пропустил ее вперед.

Пригласив ее сесть, капитан холодным, официальным тоном сказал:

— Слушаю вас.

— Видите ли, — смущенно начала Наташа, — позавчера я ошибочно передала вам не ту пленку, на которой сфотографированы вы, а совсем другую... на которой засняты мною две оперативные инженерные карты.

Астахов притворился удивленным:

— Оперативные карты? Для чего понадобилось вам делать такие снимки?

— Я выполняла приказание полковника Белова и сфотографировала их для штабного фотоальбома.

Наташа отвечала теперь совершенно твердо. От недавнего замешательства ее не осталось и следа. Астахов, теряясь в догадках, спросил строго:

— Почему же вы не сообщили мне об этом раньше?

— Да ведь я же объяснила вам только что, товарищ капитан, что ошиблась. Я не была уверена, что карты именно на этой пленке. По моим расчетам, они должны были находиться на другой ленте. Но вот только что я разрядила вторую кассету и поняла, что ошиблась.

Похоже, что дело было именно так. Кедрова не решилась бы выдумать все это. Он ведь мог бы тотчас же снять телефонную трубку и выяснить все у Белова. Ну да, по всему было видно, что она говорила правду. Капитан стал понемногу успокаиваться. Однако, продолжая разговор с Наташей, он все еще хмурился и смотрел на нее строго.

— Почему вы носите с собой эти негативы? — спросил он.

Тон, которым капитан задавал Наташе вопросы, создавал впечатление официального допроса. Наташа почувствовала это, удивленно посмотрела на него и спросила в свою очередь:

— А вы уже проявили мою пленку, товарищ капитан?

Астахов, решив, что целесообразнее не говорить пока правду, ответил:

— Я был занят все эти дни и не мог выбрать времени зайти в нашу фотолабораторию.

Капитану показалось, что Кедрова облегченно вздохнула.

— Тогда я объясню вам, в чем дело, — сказала она. — Карты эти, видите ли, сфотографировала я на пленку, на которой еще раньше были сделаны другие снимки... В штабе у нас, как вы знаете, нет фотолаборатории, и поэтому я вынуждена была брать их с собой, чтобы проявлять и печатать в лаборатории армейской газеты. Кроме того, сфотографированные мною карты давно уже не являются секретными.

— Зачем же вы, в таком случае, пришли заявить мне о них?

— Я сделала это потому, что на картах стоит гриф “секретно”, хотя все нанесенные на них данные перестали быть секретными, — спокойно отвечала Наташа.

Астахов задумался. Формально получалось, что за Кедровой не было никакой вины. Но почему же она была так взволнована в начале их разговора? Склонному теперь к подозрительности Астахову то казалось, что это неспроста, то, напротив, представлялось лишним подтверждением ее невинности и объяснялось ее застенчивостью. Чтобы несколько разрядить обстановку, он пошутил:

— А я — то думал, что вы пришли ко мне каяться в страшном преступлении. Можете не беспокоиться — ваша пленка у меня, как в нескораемом шкафу. Не сегодня, так завтра я возвращу ее вам.

Пожав Наташе руку, Астахов с облегчением отпустил ее. Спустя полчаса он отправился на доклад к генералу Погодину.

Положение осложняется

Выслушав Астахова, Погодин спокойно заметил:

— Я всегда считаюсь с субъективными ощущениями, однако отдаю предпочтение объективным фактам. Ваша убежденность в невинности Кедровой ничем, по сути дела, не подтверждена, кроме разве биографических данных, так что, в общем, я отношу это за счет ваших чисто субъективных впечатлений. Не подозревать Кедрову мы не имеем права. В создавшейся обстановке она, конечно, имела возможность сфотографировать карту инженерного обеспечения нашей фиктивной операции.

Генерал внимательно и, как показалось Астахову, строго посмотрел на него и заключил:

— Мое решение следующее: вы немедленно связываетесь с полковником Беловым и выясняете, действительно ли он поручил Кедровой фотографировать карты для фотоальбома. Если поручал — дело усложняется, если нет — немедленно арестуйте ее. По некоторым причинам я вынужден торопиться. Всё! Действуйте, товарищ капитан!

Астахов вышел от генерала с самыми мрачными мыслями. Ему почему-то показалось, что генерал почувствовал в его словах личную заинтересованность в судьбе Кедровой. Под влиянием этих подозрений Астахов решил на этот раз исполнить свой долг особенно тщательно и беспристрастно.

Однако это было не так-то просто. Он хорошо понимал, что мог ошибиться, что нельзя доверять голосу чувства, и все-таки не мог заглушить этого голоса, не мог не считаться с ним. Он, конечно, исполнит свой долг, потому что чувство долга перед Родиной было в нем самым высоким, но теперь он не мог исполнить его так же легко, как прежде. Теперь он должен был заглушить в себе еще что-то волнующее, смутное, неизведанное.

Астахов шел своим обычным крупным шагом. Он не спешил, но и не замедлял его. Он шел исполнить свой долг и хотел быть до конца твердым.

Явившись в штаб инженерных войск и застав полковника Белова в его землянке, капитан хотел сразу же приступить к существу дела, но полковник опередил его.

— По вашему мрачному и решительному виду, — заявил он, — чувствую, что вы зашли ко мне неспроста. Наверное, не ошибусь, если предположу, что вас интересует пленка с негативами двух оперативных карт, сфотографированных Кедровой. Так?

— Так.

— Удивляетесь?.. Не удивляйтесь, я еще не научился читать чужих мыслей. Просто Кедрова была у меня только что сама и обо всем доложила. Страшного ничего нет. Карты старые, и, кроме грифа “секретно”, на них теперь ничего секретного нет. Я действительно поручал ей сфотографировать их для штабного фотоальбома.

Внутреннее чувство подсказало Астахову, что это именно так и должно быть, но он понимал, что торжествовать было рано. Он все еще не имел права снять подозрений с Наташи.

Но тут неожиданно мелькнувшая догадка сразу же изменила весь ход его мыслей. Он торопливо попросился к полковнику и поспешил в свое отделение. Достав из секретного ящика карту, обнаруженную у убитого радиста, капитан принялся тщательно изучать ее через сильную лупу.

— Ну да, так оно и есть! — воскликнул он. — Как же я сразу не сообразил этого? Это же чертовски важное открытие!

Астахов поспешил к телефону. Вызвав адъютанта Погодина, он попросил его доложить генералу, что имеет донести нечто чрезвычайно важное. Погодин был занят чем-то, и адъютант не сразу смог попасть к нему.

Наконец он позвонил капитану и сообщил, что генерал ждет его. Капитан торопливо накинул шинель и поспешил к Погодину.

— Ну, что у вас нового? — спросил генерал Астахова, когда тот явился к нему.

— Я только что тщательно изучил снимок карты... — начал было Астахов.

Но генерал перебил его:

— ...и обнаружил на ней подписи Тихомирова и Белова? — Так точно, товарищ генерал, — удивленно подтвердил капитан.

— Когда вы отдали желтый клочок бумаги на анализ в лабораторию, — объяснил Погодин, — я велел после проявления его изготовить для вас копию, подлинник же забрал себе. После вашего доклада о подозрениях, невольно падавших на Кедрову, я снова принялся тщательно изучать этот документ. Наличие подписи на снимке карты ставит Кедрову вне подозрений. Она ведь не могла сфотографировать карту после того, как подписали ее генерал и полковник. По словам полковника Белова, карта после подписания ее генералом Тихомировым пролежала на чертежном столе всего несколько минут. При этом в штабе никого, кроме Тихомирова и Белова, не было.

Генерал нервным движением достал из коробки папиросу и, сунув ее в рот, зажал зубами, забыв закурить. Встав из-за стола, он медленно принялся прохаживаться по комнате. Астахов никогда еще не видел его таким взволнованным. Видно, серьезное что-то замышлялось на фронте.

— Положение, как вы видите, чрезвычайно затруднительное, — продолжал генерал. — И оно еще более усложняется тем обстоятельством, что с завтрашнего дня начнется подготовка операции фронтового масштаба. Командарм только что вернулся из штаба фронта. Он докладывал там о создавшемся положении, но командующий фронтом своего решения отменять не стал. Нам приказано срочно ликвидировать источник информации противника. Понимаете теперь, каково положение?

По последним сводкам и напряженной работе штаба армии капитан уже и сам догадывался, что назревали важные события.

Круг суживается

Астахов испытывал странное, противоречивое чувство. С одной стороны, он не мог не сознавать, что в связи со снятием подозрения с Наташи наметившийся было след потерян, что опять придется блуждать в темноте, пробираясь вперед ощупью. Но, с другой стороны, он был рад снятию подозрения с Наташи, и в этом ощущении была не только удовлетворенность безошибочностью своего предчувствия, но и глубокая заинтересованность в судьбе девушки.

Теперь все приходилось начинать заново, но это не пугало капитана — напротив, он с еще большим рвением готов был взяться за работу. Ему казалось даже, что он никогда еще не чувствовал себя более бодрым и деятельным, чем теперь. Он хотел было тотчас же приняться за работу, но вспомнил, что не завтракал еще и, кажется, опаздывал на обед. Хотя ему не хотелось есть, он все же поспешил в столовую, твердо решив ничем не нарушать своего обычного распорядка дня.

Возвращаясь с обеда, капитан увидел вдалеке женщину, идущую ему навстречу. Она была еще так далеко, что трудно было узнать ее, но сердце подсказало ему, что это была Наташа. Заметив его, она, казалось, хотела было перейти на другую сторону улицы, но Астахов ускорил шаг и окликнул ее.

Наташа остановилась и холодно поздоровалась.

— Что это у вас такой кислый вид? — весело спросил капитан. — К тому же такие воспаленные глаза, будто вы плакали.

Кедрова усмехнулась:

— Не имею обыкновения плакать, товарищ капитан. Да и отчего плакать? А вы все подшучиваете над мной... — Ну что вы, Наташа! Никогда не позволяю себе этого ни над кем, тем более над вами.

Наташа удивленно посмотрела на него и спросила:

— Разве я для вас составляю какое-нибудь исключение?

Астахов смутился и даже покраснел чуть-чуть.

— Да, — негромко отвечал он. — Составляете...

Наташа заторопилась вдруг:

— Я очень спешу, товарищ капитан. Работы сегодня много.

— Ну, у вас вечно много работы! — засмеялся Астахов. — Вот возьмите-ка лучше вашу пленку. Как видите, проявлена она по всем правилам. Все негативы контрастные.

Наташа протянула руку за пленкой и впервые улыбнулась:

— Вот за это спасибо! А то мне за нее уже досталось от полковника. Ну, я пойду. До свиданья, товарищ капитан!

Она крепко пожала руку Астахову и поспешила в штаб, а капитан, глядя ей вслед, думал: “Она мне нравится, и ничего с этим не поделаешь...”

Развлеченный прогулкой и встречей с Наташей, Астахов с новой энергией взялся за работу. Он снова принялся рассматривать раскодированную шифрограмму, но ее короткий текст, так же как и прежде, не объяснял ему, об увеличении какого давления шла речь. Он не допускал возможности условного смысла этих слов,

ибо их тогда незачем было передавать кодом; естественнее было бы предположить, что смысл этих слов буквальный. Но что означает это “давление”?

Отложив в сторону шифрограмму, капитан попытался подвести итог достигнутому за эти дни, и он оказался не таким уж жалким, как представлялось Астахову вначале. Круг, в котором было порочное звено, все более суживался. Если еще совсем недавно площадь его лежала где-то в пределах штаба армии, то теперь она сократилась до пределов штаба инженерных войск, а сегодня уже ограничилась штабной землянкой. Во времени сокращение было еще более разительным. Оно разнялось теперь всего лишь несколькими минутами, в течение которых карта лежала на чертежном столе после ее подписания.

Сфотографировать ее могли только в эти пять минут. Но как и кто?

На одно мгновение у капитана возникли подозрения, когда он вспомнил, что штаб инженерных войск размещен в землянке, которую раньше занимал штаб фашистского полка. Но подозрения эти показались ему неосновательными. Он хорошо знал эту землянку, так как тщательно обследовал ее вместе со старшим помощником Белова еще до размещения в ней штаба инженерных войск.

Астахов знал, что раскрытием секрета немецкой информации занимался не только он один. Над этим работали все старшие офицеры отдела генерала Погодина, бреди них были люди значительно опытнее его, молодого офицера, однако это не мешало ему считать себя главным лицом, от которого зависел успех или неуспех дела.

Эта убежденность побуждала капитана Астахова к самой энергичной деятельности, и он жил теперь только одной мыслью: “Я должен найти источник немецкой информации”.

Но в этом желании не было ничего эгоистического. Он просто страстно желал помочь командованию сохранить тайну готовящейся операции, помочь выиграть эту операцию. Чертежный столик

Утром следующего дня капитан Астахов пришел в штаб инженерных войск с намерением самым тщательным образом осмотреть чертежный стол Кедровой. В штабе было оживленно. Полковник Белов, обычно работавший в своей землянке, сидел за столом своего старшего помощника. Остальные офицеры тоже были все в сборе и усердно рылись в пухлых делах и справочниках. Кедрова за своим высоким чертежным столом переписывала какой-то график.

— Что это у вас сегодня с самого утра такое оживление? — весело поздравившись со всеми, спросил Астахов полковника. — Ведь вы же привыкли ночами работать.

— На фронте затишье, — отвечал полковник, — велено боевой подготовкой заниматься. Вот составляем план-программу. Но вы-то, конечно, знаете, в чем дело? — добавил он, понизив голос.

Да, капитан знал, в чем дело. Он знал, что с утра уже началась подготовка к новой крупной операции фронтового масштаба, но штабам было категорически запрещено говорить об этом. С этого дня не разрешалась телефонная, телеграфная и радиосвязь с войсками по оперативным вопросам. Рациями вообще было запрещено пользоваться. Большинство телефонов, связывающих отделы армии с корпусами и дивизиями, также было выключено. Разговаривать с войсками разрешалось только по вопросам боевой подготовки. Нужно было создать у противника впечатление перехода армии к длительной обороне.

— У меня к вам просьба, товарищ полковник, — сказал Астахов, подсаживаясь к столу Белова. — Я хочу попросить у вас схему вашего чертежного столика. Мы собираемся себе такой же соорудить. Мне кажется чрезвычайно удобной его конструкция.

— Пожалуйста. Он у нас не патентованный, — отвечал полковник. — Обратитесь к Наташе, это ее изобретение.

Капитан подошел к Наташе.

— А вы не возражаете, Наташа? — улыбаясь, спросил он. — Не бойтесь, что я присвою ваше изобретение?

— Вряд ли вы на него польститесь, — засмеялась Наташа. — Это ведь далеко не шедевр конструкторского искусства.

— А мне и не нужно шедевра. Стол ваш прельщает меня своей портативностью. Он ведь разбирается?

— Да, разбирается. Могу продемонстрировать. Помогите мне, товарищ Яценко.

— Нет, нет, товарищ Яценко, — возразил Астахов. — Занимайтесь своим делом, я сам помогу Наташе.

Вместе с Наташей он быстро разобрал чертежный столик и внимательно осмотрел все детали его, но ничто не вызвало его подозрений. Все было естественно, очень просто и удобно.

— Отличный столик! — похвалил Астахов. — Надеюсь, вы дадите мне его чертеж?

— Да, конечно. Сегодня вечером сделаю.

Когда капитан Астахов попрощался, к Наташе подошел старший сержант Яценко и шепнул:

— Что-то уж очень стал интересоваться тобою капитан... Ему этот стол нужен, как мне бальное платье. Не собирается ли он за тобою ухаживать?

— Ну что ты, Остап, чушь какую-то мелешь! — недовольно возразила Наташа и вдруг со страхом почувствовала, что краснеет. Это разозлило ее, и она добавила раздраженно: — И вообще, какое тебе дело, кто собирается за мною ухаживать?

Войска идут к фронту

Вечером, когда Астахов, по заданию генерала Погодина, выехал в штаб фронта, все основные дороги были забиты артиллерией, танками и пехотой. Под прикрытием ночи в район предстоящих крупных операций стягивались войска. Спокойные, почти безлюдные днем, дороги ожили. Мощный шум моторов, лязг металла, ржанье лошадей, человеческие голоса — все слилось теперь в сплошной глухой шум.

Астахов всегда любил наблюдать эти ночные передвижения войск, полные затаенной могучей силы. Люди, моторы, орудия — все. тут было подчинено единой непреклонной воле верховного главнокомандования. Ею все соединялось, все цементировалось, все направлялось в одну точку. И даже тогда, когда танкисты шли в пункт “А”, артиллеристы — в пункт “Б”, а пехота — в пункт “В”, — все они шли к одной общей цели.

Проникнутые той чудодейственной силой, которая в военных приказах скромно именовалась волей к победе, советские войска неумоимо шли, ехали, плыли и летели, вытаскивали из непролазной грязи машины, биением собственного сердца оживляли заглушие моторы. Их вела вперед, к победе, непреклонная воля великого человека, день и ночь бодрствующего над стратегическими картами Великой Отечественной войны.

Машина Астахова, лавировала между танковыми громадами, вползала на крутые подъемы, увиливала от страшных гусеничных тягачей и самоходок, осторожно огибала неумоимую, всюду поспевающую пехоту.

Астахов знал, что вся эта кипучая, напряженная ночная жизнь прекратится с первыми лучами рассвета. Неумолимые регулировщики перечеркнут дороги шлагбаумами и без специального пропуска не выпустят за их пределы ни одной машины, ни одной живой души. Все уйдет тогда в лес, обрастет искусственными насаждениями, зароется в землю. Заботливые руки укроют густыми ветвями стволы орудий, составят в козлы винтовки, освободят от седел коней. Остынут в густой тени деревьев горячие тела машин. На траве, на шинелях, на плащ-накидках разлягутся уставшие люди. Все заснет, притаится от хищного взгляда воздушной разведки противника, и все внешне будет казаться спокойным, неизменным, ничем не угрожающим.

А где-то там, на других участках, откуда ушли уже многие части, где все перешло к жесткой обороне, саперы будут имитировать оживление. По ночам будут загораться многочисленные костры, грохотать моторы грузовиков со снятыми глушителями, а днем будут перетаскиваться на просматриваемых участках фронта макеты танков и артиллерийских орудий.

Астахов хорошо знал всю эту многообразную военную хитрость, неистощимую выдумку и напряженную, никогда не прекращающуюся деятельность. Он любил эту тяжелую, суровую, полную опасности жизнь, требующую хороших мускулов, выдержки, мужества и ума. Здесь не было ни дня, ни ночи, тут были лишь двадцать четыре часа, одинаково заполненные напряженной деятельностью. Здесь не было скидок на времена года, хотя и тут совершался их неизменный круговорот. Весна с ее паводками и половодьями, лето с жарой и засухой, осень с дождями, зима с морозами, и снежными заносами — ничто не могло сломить волю советских воинов. Любовь к Родине и лютая ненависть к врагам делали их неумоимыми.

Астахов знал, что спустя еще несколько дней советские войска придут в район сосредоточения и станут занимать исходные позиции. На них будут падать снаряды и бомбы противника, но вновь прибывшие части должны будут ничем не выдавать своего присутствия, не отвечать на выстрелы, не обстреливать самолетов. Противник до конца, до грозного сигнала атаки должен считать, что имеет дело только с прежним и частями.

Но когда вылезут на передний край саперы и, делая вид, что минируют свои подступы, на самом деле станут проделывать проходы в минных полях для готовящихся ринуться вперед войск; когда в ночь перед наступлением поползут они к минным полям противника и, распластавшись под мигающим, недоверчивым оком ракеты, будут затем в непроглядной мгле снимать вражеские мины — тогда все вылезет из-под земли и застынет в напряженном ожидании.

Зная всю эту почти титаническую работу по подготовке к наступлению, все сложные этапы ее, Астахов мучительно остро сознавал свою ответственность, ибо не только его начальники, но и он лично должен был обеспечить сохранение тайны оперативных замыслов советского командования, не допустить проникновения сведений об этих замыслах к противнику. Он гордился этой ответственностью и был глубоко убежден, что именно в этой борьбе за сохранение военной тайны было его настоящее призвание, требующее предельного напряжения ума и чувств.

Еще одно звено

Астахов возвратился в штаб армии утром на следующий день. Он не сомкнул глаз всю ночь, и хотя генерал отпустил его отдохнуть до обеда, он и не думал ложиться спать. Перекусив наскоро, капитан поспешил в штаб инженерных войск за чертежом, который должна была приготовить для него Кедрова.

Астахов застал ее в штабе одну. Офицеры ушли на совещание к начальнику штаба, и даже Яценко вышел куда-то.

— Приветствую вас, Наташа! — весело сказал капитан, подавая Кедровой руку. — Надеюсь, вы сдержали свое обещание?

— Да, конечно, товарищ капитан. Чертеж был готов еще вчера вечером.

Кедрова протянула Астахову лист плотной бумаги, на котором очень тщательно был исполнен чертеж.

— Вот, пожалуйста, — сказала она.

— Спасибо, спасибо! — с удовольствием пожал Астахов Наташину руку, которая показалась ему холодной.

Наташа, смущенная не столько этим пожатием, сколько пристальным взглядом Астахова, спросила:

— Почему вы так подозрительно смотрите на меня, товарищ капитан?

— Меня глаза ваши удивляют. Но не смущайтесь, это не в порядке комплимента — я не специалист по этой части. У вас очень усталые глаза.

— Вы, кажется, второй раз уже об этом говорите... У меня в самом деле переутомлены глаза. И это все от лампочки, наверное. — Наташа указала на висевшую над чертежным столом лампочку.

— Что же, она очень тусклая или слишком яркая? — спросил Астахов.

— Исключительно яркая. От этого и болят у меня глаза. Я ведь больше ночами работаю...

Поговорив с Наташей еще немного, Астахов попрощался. Неподалеку от своего дома он встретил лейтенанта Ершова и приказал ему поинтересоваться электриком штаба инженерных войск.

Возвратившись к себе, капитан с удивлением увидел за своим столом генерала Погодина. Генерал сидел без шинели и, судя по окуркам в пепельнице, был здесь уже давно. Перед ним лежала его рабочая папка с документами.

— Вот, пришел вас проведать, — улыбаясь, сказал он. — Интересуюсь вашими бытовыми условиями. Что же вы стоите? Раздевайтесь, вы — у себя дома, и прошу присаживаться.

Капитан Астахов быстро разделся и сел против Погодина. Генерал бросил в пепельницу окурочек и продолжал:

— У меня начальство из штаба фронта, сам Лаврецкий. Работает у меня в кабинете, а я до вечера займу вашу избушку. Ну, что у вас нового?

— Кажется, обнаружилось еще одно звено этого таинственного круга, — отвечал Астахов. — Я начинаю догадываться об одном пункте, казавшемся мне неясным.

— О каком же? — нетерпеливо спросил генерал.

— Мне было совершенно непонятно, каким образом ночью, без магния, в столь сложной обстановке можно было производить почти мгновенную съемку в штабе инженерных войск...

— Да, это весьма важный пункт, — согласился генерал. — Я тоже думал над этим. Любопытно, до чего же вы додумались?

— Одним умозаключением я, быть может, и не пришел бы ни к какому выводу, но я обратил внимание, что у чертежницы Кедровой по утрам постоянно были воспалены глаза. И вот оказалось, что это от слишком яркого света электрической лампочки, висящей над ее столом. Сегодня вечером я постараюсь лично посмотреть на эту лампочку. Мне думается, что именно она является источником освещения при съемке.

— Вы сделали ценное открытие, — одобрительно заметил генерал. — У меня есть дополнительные данные, которые могут подтвердить вашу догадку. Мне удалось установить, что шифрограмма убитого радиста раскодирована не совсем точно. Я установил, что в ней вместо слова “давление” следует читать “напряжение”. Таким образом, у нас получается: “Нет четкости... увеличьте напряжение...” Если допустить, что в данном случае имеется в виду электрическое напряжение, то ваша догадка окажется вполне уместной.

— Это бесспорно так, товарищ генерал! — воскликнул Астахов. — Тогда ведь и весь смысл шифрограммы становится понятным. Читать ее в этом случае нужно так: “Нет четкости линий (или контуров), увеличьте напряжение тока”.

Генерал достал из папки какую-то бумажку, разгладил ее ладонью и произнес задумчиво:

— Похоже на то, что этой шифровкой дается указание шпионам делать более четкие снимки. Но при чем тут напряжение тока?..

Помолчав, генерал добавил:

— Учтите, товарищ Астахов, и еще одно обстоятельство: нашей лабораторией установлено, что снимок карты, найденный у убитого радиста, сделан под углом в семьдесят пять градусов к плоскости карты.

— Это, пожалуй, пригодится нам, — заметил капитан.

— Я тоже так полагаю, — согласился генерал Погодин. — Этот непонятный пока наклон карты играет, видимо, очень существенную роль. Скорее всего он является какой-то помехой при съемке. Обратили вы внимание, что верхние и нижние контуры снимка не имеют достаточной четкости? А ведь это свидетельство того, что условия съемки были неблагоприятны и, видимо, наклона в семьдесят пять градусов невозможно было избежать. У нас с вами, товарищ Астахов, считанные часы. Подумайте над этими семьюдесятью пятью градусами и поинтересуйтесь лампочкой.

Генерал подошел к окну, открыл форточку, глубоко вдохнул свежий воздух, ворвавшийся в комнату, и спросил:

— Кажется, хорошая погода сегодня?

— Так точно, товарищ генерал.

— Воспользуйтесь этим обстоятельством, товарищ капитан, и прогуляйтесь на электростанцию штаба инженерных войск. По моим данным, она расположена в живописном месте.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — ответил Астахов, надевая шинель. — Мне ясна ваша мысль. Я уже послал туда лейтенанта Ершова на предварительную разведку.

Взглянув на часы, капитан добавил:

— Через двадцать минут мы должны встретиться с ним в роще, неподалеку от электростанции.

Короткая аудиенция

В тот же день генерала Погодина вызвал к себе командарм. Он был задумчив и долго не начинал разговора. Хорошо зная его характер, Погодин не задавал вопросов. Он молча сидел перед столом командарма, лишь изредка поглядывая на его усталое, озабоченное лицо. Погодин знал, что две последние ночи командарм провел в своей рабочей комнате не смыкая глаз. Знал он также, что командарм только что имел разговор с начальником штаба фронта и тот поставил перед ним жесткий срок готовности армии к выполнению боевой задачи.

Положение было исключительно напряженным. Подготовка к операции уже началась. Об этом, правда, знали пока только старшие начальники, и в армейских штабах не разрабатывали еще частных задач. Но работа эта должна была начаться со дня на день.

Совсем недавно противовоздушная оборона штаба армии вела мощный зенитный огонь по вражеским самолетам. От страшного грохота все сотрясало вокруг, но теперь установилась такая тишина, что слышно было, как тяжело дышал командарм, нервно постукивая кончиками пальцев по настольному стеклу своего огромного письменного стола. Перед ним лежали стопка телеграмм и клубки телеграфных лент, которые адъютант не успел еще наклеить на бумагу.

Генерал Погодин ясно сознавал всю свою ответственность. Для него было совершенно несомненно, что на карте стояла не только личная судьба его и командарма, но и судьба всей операции. А это было поважнее их личной судьбы.

Когда певучие стенные часы неторопливо пробили девять ударов, командарм, встрепенувшись от глубокого раздумья, внимательно посмотрел в глаза Погодину и сказал:

— Ну что ж, генерал, нам, пожалуй, и не о чем говорить ... Тебе ведь и так, наверно, все ясно?

— Все, товарищ командующий.

— Завтра в восемь утра ждут моего доклада. Сможешь ты доложить мне что-нибудь к семи?

— Смогу, товарищ командующий, — отвечал Погодин.

На этом разговор был окончен. Командарм встал, протянул руку Погодину и крепко пожал ее.

— За эти годы, Михаил Алексеевич, не однажды приходилось нам рисковать головой, но никогда еще не было нам так туго. Ну, иди ... Не спрашиваю, как у тебя дела, завтра в семь утра ты сам все скажешь. Желаю успеха!

Поздно вечером

В роще, неподалеку от сарая, в котором находилась электростанция штаба инженерных войск, Астахов встретил лейтенанта Ершова.

— Узнали что-нибудь? — тихо спросил капитан.

— Так точно, — отвечал лейтенант.

Астахов повернулся, и они пошли в сторону поселка.

— Докладывайте, — приказал он Ершову.

— Мне удалось навести кое-какие справки, — сказал лейтенант. — Электрик Нефедов, обслуживающий электростанцию штаба инженерных войск, оказался не военнослужащим, а вольнонаемным. Сегодня он весь день навеселе. С некоторых пор его вообще не покидает веселое расположение духа. Где он достает водку — неизвестно. Лампочкой я тоже интересовался. Беседовал с ним по этому поводу. Уверяет, что выменял ее у электрика артиллерийского управления. Спрашиваю, как фамилия электрика. Отвечает — не знаю. А имя сообщил и внешность описал. Ходил специально по этому поводу к артиллеристам. Они тут недалеко, по соседству с инженерами. Оказалось, что у них вообще никогда такого электрика не было.

— А под каким предлогом вы с Нефедовым беседовали? — встревоженно спросил Астахов.

— Сделал вид, что хочу раздобыть хорошую лампочку. Я же понимаю, что это тонкое дело, и действовал осторожно. Предлагал ему деньги и водку. Он обещал раздобыть. Сейчас лучше не заходите к нему: это может показаться подозрительным.

Капитан Астахов и сам понимал, что сейчас не время для этого. Только дождавшись сумерек, снова направился он к электростанции. На этот раз капитан решил зайти в нее не со стороны поселка, а из рощи. Не доходя немного до сарая, в котором была электростанция, он крикнул:

— Есть тут кто?

Ему не ответили. Он постоял немного и вошел в сарай. Там тускло горела электрическая лампочка над трофейной динамо-машиной. На ящике в углу дремал человек. Это был электрик Нефедов.

Капитан внимательно осмотрелся, но все вокруг было обычным. Заглянув под небольшой верстак и в ящики с проводами и электроарматурой, он отошел к дверям и крикнул громче:

— Эй, электрик!

Нефедов открыл глаза и зевнул.

— Кого там черти носят? — спросил он сердито, но, заметив офицерские погоны Астахова, нехотя по д-
нялся с ящика. — Сюда нельзя, товарищ капитан. Не разрешается.

— У меня дело к вам, товарищ электрик, — вкрадчивым голосом произнес Астахов. — Нельзя ли под-
ключиться к вашей электростанции на сегодняшний вечер? В нашей штабной автомашине аккумуляторы сели.
Работа срочная, а мы без света.

— Ничего не выйдет, товарищ капитан, — хмуро ответил Нефедов. — Полковник Белов не разрешает
мне никого подключать к нашей линии.

— А если я получу разрешение?

— Едва ли, — усомнился электрик.

— Попробую все-таки. Как мне отсюда ближе к нему добраться?

— Крайней поселка нужно идти, — ответил Нефедов, потирая взлохмаченную голову, видимо болез-
ную после дневной выпивки.

Астахов посмотрел на небо и покачал головой:

— Темновато. Не заблудиться бы. А что, если по линии электрокабеля попробовать пойти? Куда линия -
то эта идет?

— В штаб инженерных войск. Она напрямик проложена, так что вам по кустам да по оврагам придется
карабкаться. Шли бы лучше поселком...

— Мне время дорого, — ответил на это Астахов. — Пойду по кабелю. Это ближе и надежнее.

С трудом различая провода над головой, капитан пошел по их направлению. Ему важно было выяснить
теперь, по какой местности проходит их трасса.

Идти целиной было неудобно, а возле оврага, поросшего кустарником, Астахов чуть не угодил в топкий
ручей. С трудом отыскав мостик из бревен и перейдя на другую сторону ручья, капитан стал взбираться по кру-
тому склону, цепляясь руками за кусты. В одном из них он нащупал запутанные в ветвях провода. Их было два.
Они шли откуда-то из оврага и кончались возле куста, в котором стоял шест с подвешенным электрокабелем.
Провода имели изоляцию, но оба конца их были оголены.

Хотя тут не было ничего удивительного, так как, по всей вероятности, провода оставили здесь связисты,
собираясь использовать попутный шест, но Астахову это показалось подозрительным. Заметив это место, капи-
тан двинулся дальше и вскоре без особых приключений добрался до штаба инженерных войск.

В штабе было пусто. Офицеры ушли ужинать, Наташи тоже не было. За складным походным столом си-
дел Яценко и лениво подшивал какие-то бумаги в толстую папку. Лицо у него было пасмурное, недовольное.

— Скоро ли придут офицеры? — спросил Астахов.

— Кто их знает, — неопределенно ответил Яценко. Капитан посмотрел на лампочку над чертежным сто-
лом: она горела значительно ярче всех остальных. Астахов прошелся несколько раз по землянке, то подходя, то
отходя от чертежного стола, который был залит ярким светом и, казалось, невольно привлекал внимание капи-
тана. Астахов пошатал его, то опуская, то поднимая рабочую плоскость. И тут неожиданная, смутная догадка
родилась вдруг в нем. Изменив первоначальное намерение — дожидаться кого-нибудь из офицеров, он решил
немедленно воротиться к себе, но, прежде чем уйти, спросил Яценко:

— А где же Наташа? Тоже ужинает?

— Может быть, и ужинает, — неопределенно отвечал Яценко. — Полковник ее вызвал, так что с ним,
может быть, и ужинает.

— С чего это вдруг именно с ним?

— Как с чего? Очень ее уважает полковник. С братом ее он, оказывается, хорошо знаком. К тому же,
видно, нравится она полковнику.

— Не он ли подарил ей эту великолепную лампочку, что над столом ее висит? — усмехнулся Астахов.

— Совершенно верно, — подтвердил Яценко. — Когда принес эту лампочку в штаб электрик Нефедов,
генерал хотел было себе ее забрать, но Наташа убедила полковника, что такая лампочка ей более всего необхо-
дима. И вот полковник отвоевал лампочку у генерала для Наташи, а вы понимаете, конечно, каково было ее у
генерала нашего отвоевать?

Капитан Астахов действует

На мгновение все смешалось в голове Астахова. Он шел спотыкаясь, не выбирая дороги, испытывая ле-
гкое головокружение. Уснувшие подозрения с новой силой поднялись в нем. “Неужели ошибся?... Неужели не
разгадал ее?” — тревожно думал капитан.

Однако он все еще не хотел поддаваться мрачным подозрениям. Он все еще надеялся, что тут какая-то
случайность, что не имеет Наташа никакого отношения к лампочке, висящей у нее над столом. Яценко явно не
в духе сегодня. Мог ведь он поссориться с Наташей и потом во злобе наговорить, будто специально выпросила
она эту лампочку у полковника. Стоит ли придавать такое значение его словам!

Астахов старался взять себя в руки. Теперь, когда дело шло к развязке, нельзя было терять равновесие...
Залп зенитных орудий нарушил ход его мыслей. Капитан остановился и стал прислушиваться.

Над селом кружил фашистский самолет. Пулеметы цветным пунктиром трассирующих пуль чертили не-
бо. Снаряды зениток где-то очень высоко яростно рвали непроглядную мглу. А когда замер вдалеке рокот мо-

торов и утих наконец грохот обстрела, капитан различил далекий, но уже явственно слышный шум танков и артиллерии, идущих к местам сосредоточения. Это подействовало на него отрезвляюще. Чувство долга с новой силой поднялось в нем, заслоняя и заглушая все остальное.

Астахов вызвал лейтенанта Ершова и приказал ему срочно выяснить несколько вопросов в штабе начальника связи, а сам принялся изучать чертеж стола Кедровой. Когда лейтенант возвратился и доложил, капитан облегченно воскликнул:

— Я так и думал! Теперь нам не следует терять времени, товарищ Ершов. Срочно вызовите два отделения автоматчиков и будьте наготове.

Нужно было немедленно доложить обо всем генералу. Астахов поспешил к Погодину и, пробыв у него всего десять минут, направился к полковнику Белову. Не задержался он и у Белова. Обстановка требовала решительных действий, и капитан не терял даром времени.

Спустя несколько минут он уже был в штабе инженерных войск. Все офицеры находились теперь в сборе. Наташа тоже была в штабе. Она надевала плащ-накидку, видимо собираясь куда-то.

— Похоже, что вы Кедрову отдыхать отпускаете? — спросил Астахов старшего помощника.

— Да, — отвечал майор Рахманов, — я отпускаю ее, так как она работала всю прошлую ночь.

— Жаль, конечно, срывать заслуженный отдых, но ничего не поделаешь, — заметил Астахов, — ей придется изготовить карту вот по этой схеме. — Капитан протянул майору исчерченный лист бумаги и добавил: — Это приказание полковника Белова.

В это время позвонил сам полковник и подтвердил слова Астахова.

Наташа слышала весь разговор и медленно принялась развязывать шнур плащ-накидки.

— Вам не везет, — улыбаясь, обратился Астахов к Наташе.

Наташа внимательно посмотрела на него и, резким движением сбросив плащ-накидку, пошла к чертежному столу.

— Вам придется склеить листы участка нашей армии, — продолжал Астахов.

— Какого масштаба? — спросила Наташа.

— Пятидесятидесятичного.

— У меня уже есть склеенные.

— В таком случае, нанесите передний край по последним данным, а границы корпусов и обстановку возьмите с этой вот схемы.

Астахов протянул Наташе схему, и она, беря ее, пристально посмотрела ему в глаза. Капитан был несколько смущен, но твердо выдержал этот взгляд.

— Мне почему-то кажется, — серьезно сказала Наташа, — что вы сегодня в плохом настроении.

— Напротив, у меня сегодня отличное настроение, — отвечал Астахов и, попрощавшись, вышел из штаба.

Подозрительная землянка

Как и предполагал Астахов, провода, обнаруженные им вечером, были теперь подключены к электрокабелю штаба инженерных войск.

— Будем осторожно двигаться вперед, — прошептал Астахов лейтенанту Ершову. — Держите людей на некотором расстоянии, но чтобы связь была идеальной.

Провода, скрытые кустарником, лежали почти на земле. Капитан, нащупывая их руками, медленно пошел вперед. Ершов следовал за ним. Было настолько темно, что стоило отнять руку от проводов, как терялась всякая ориентировка. Спустя полчаса Астахов и Ершов прошли склоном оврага около километра. Провода теперь круто поворачивали вправо и уходили в лес.

Хотя и раньше вокруг было очень темно, все-таки в лесу оказалось еще темнее. Ершов вынужден был держаться за полу шинели капитана, чтобы не потерять его из виду. Автоматчики цепочкой двигались вслед за ними. Тишина вокруг была настороженной. Даже артиллерийская перестрелка, доносившаяся совсем недавно с левого фланга армии, смолкла теперь. Дождичек, начавший было накрапывать и робко шуршать по листьям, тоже прекратился. Слышно было только, как равномерно дышал позади капитана Астахова невозмутимый лейтенант Ершов.

— Вам знаком этот лес? — шепнул капитан лейтенанту.

— Да, я был здесь недавно. Тут стояли когда-то немецкие части, и весь лес изрыт их землянками.

Астахов шел теперь еще медленнее и вскоре совсем остановился. Оказалось, что провода ушли вдруг куда-то в землю. Попытка откопать их оказалась безуспешной. Офицеры присели под деревом, не решаясь разговаривать. Было очевидно, что цель, к которой они двигались, находилась где-то близко.

В лесу по-прежнему было тихо. Но вот неподалеку чуть слышно хрустнула ветка, а затем послышались чьи-то шаги. Кто-то совсем близко прошел мимо. Астахов и Ершов притаились за стволом дерева. Судя по звукам шагов, человек, прошедший мимо, направился к опушке леса. Он шел спокойно, уверенным шагом, видимо не раз уже совершая эту прогулку.

Спустя несколько томительных минут снова раздались его шаги. Человек возвращался назад и остановился возле дерева, за которым сидели капитан с лейтенантом. Слышно было, как он рылся в карманах. Затем

послышался характерный звук трущегося о камень колесика зажигалки. Вспыхнуло желтое трепещущее пламя, вырвав из темноты несколько сырых, морщинистых стволов.

Астахов и Ершов, затаив дыхание, замерли за своим деревом. В свете короткой вспышки они увидели рослого человека в длинном плаще с капюшоном, стоявшего спиной к ним. Судя по отведенным в стороны и слегка приподнятым локтям, он, видимо, прикуривал от зажигалки.

Свет погас, и все снова утонуло в еще более густой и почти осязаемо плотной тьме. Человек двинулся дальше, и путь его теперь был заметен по призрачному огоньку его папиросы. Он остановился вскоре метрах в пятнадцати от Астахова и Ершова. В это время зашуршали редкие, не опавшие еще листья деревьев и хвоя на соснах под ударами первых капель снова начавшегося дождя. Огонек папиросы медленно опустился куда-то вниз и, казалось, скрылся под землей.

— Наверное, тут землянка где-то, — чуть слышно шепнул капитан.

— Будем действовать? — так же тихо спросил лейтенант.

— Нет. Подождем еще.

Дождь кончился так же неожиданно, как и начался. Спустя несколько минут снова показался из-под земли огонек папиросы и медленно стал подниматься вверх.

— Идите к вашим автоматчикам, — шепнул Астахов. — Постарайтесь бесшумно схватить этого человека, если он дойдет до опушки. Оставьте у меня конец шпата для связи. Двумя рывками я дам сигнал, что этот тип прошел мимо меня и направился в вашу сторону. Вы же дайте мне знать тремя рывками, когда все будет сделано.

Ершов ушел, а Астахов принялся напряженно следить за огоньком папиросы. Теперь он был хорошо виден, так как человек направлялся в его сторону. Он шел медленно, не выпуская папиросы изо рта. В тусклом свете ее при затяжках можно было заметить продолговатое лицо с острым носом и массивным подбородком.

Подождав, пока он пройдет мимо, капитан подал условный сигнал и стал прислушиваться. Минут через пять ему послышался придушенный хрип, несколько глухих ударов, и все стихло. Три коротких рывка шпата известили его о благополучном выполнении замысла.

Привязав шпата к дереву, Астахов направился к своей группе. Когда он добрался до места, лейтенант Ершов доложил ему:

— Все в порядке, товарищ капитан.

— Что вы обнаружили у него? — торопливо спросил Астахов.

— В кармане его плаща были резиновые перчатки. Вот, посмотрите.

Астахов, пощупав холодную резину, поднес перчатки к носу.

— Нет сомнений, — заметил капитан, — с помощью этих перчаток он подключался к электрокабелю штаба инженерных войск. Оставьте с ним кого-нибудь, остальные пусть оцепят землянку, из которой он вышел.

Лейтенант отдал приказание автоматчикам и последовал за капитаном. Они прошли несколько шагов и остановились прислушиваясь. Вокруг все было тихо.

Постояв немного, капитан стал медленно спускаться в землянку, осторожно нащупывая ступени. Лейтенант Ершов и два сержанта шли за ним следом.

На нижней ступеньке Астахов остановился и нащупал деревянную дверь. Она была плотная и не имела щелей.

Капитан приложил к двери ухо и прислушался. За дверью было тихо. Астахов осторожно надавил на нее. Она слегка поддалась внутрь, образовав щель.

В землянке был полумрак. Человек в форме советского офицера сидел за столом и наблюдал за каким-то прибором, из которого шел тусклый свет. Видимо, свежий воздух, проникший в землянку через образовавшуюся щель, привлек его внимание. Он поднял голову и взглянул на дверь.

— Кто там? — спросил он.

Капитан Астахов распахнул дверь и стремительно вошел в землянку. Свет мгновенно погас, но Ершов и сержанты, быстро вскочившие в землянку вслед за капитаном, зажгли электрические фонари и направили их на неизвестного.

Астахов счастлив

Генерал Погодин не спал всю ночь. Он взволнованно ходил по своей комнате, ожидая возвращения Астахова. Предчувствие подсказывало ему, что капитан напал на верный след.

Когда Погодину доложили о приходе капитана, он бросил в пепельницу недокуренную папиросу и велел немедленно впустить Астахова.

В нескольких словах капитан доложил о своей ночной операции. Генерал выслушал его с нескрываемой радостью и пожал ему руку.

— Ну, а теперь, — сказал он, — ступайте спать и постарайтесь отоспаться за все эти лихорадочные дни.

Астахов вышел, но не спешил отдыхать, как советовал ему генерал. Он торопливо направился к штабу инженерных войск, где еще должна была работать Наташа над ложной оперативной картой, чтобы привлечь ею внимание шпионов. Эту приманку придумал Астахов, когда стал догадываться о способе получения информации фашистами.

Никогда еще не волновался так капитан, подходя к штабу инженерных войск, хотя не был вполне уверен, здесь ли еще Наташа или, окончив работу, ушла уже. Теперь Астахов шел к ней без подозрений. Теперь он с уверенностью знал, что она непричастна ко всей этой истории.

Возле землянки штаба инженерных войск его остановил часовой. Капитан назвал пропуск и стал спускаться по лесенке. В землянке было тихо, большинство лампочек выключено. За чертежным столом склонилась Наташа. Астахов тихо подошел к ней и долго стоял, не окликая девушку. Наконец он дотронулся до ее плеча, и Наташа, вздрогнув, оглянулась.

— Простите, пожалуйста, — сказал смутившийся Астахов. — Я, наверное, напугал вас?

— Ничуть, — улыбаясь, ответила Наташа. — Получайте вашу карту, товарищ капитан, она готова. Не хочу вас ни о чем спрашивать, но у вас такое счастливое лицо, что так и хочется поздравить вас с какой-то удачей.

Капитан весело засмеялся, ничего не ответив ей, а Наташа спросила:

— Можно мне теперь идти спать?

— Да, конечно! — воскликнул Астахов и спросил, понизив голос: — Не могу ли я проводить вас? Нам ведь по пути.

— Когда к человеку пришла большая удача, не стоит доставлять ему мелкие огорчения, — смеясь, сказала Наташа. — Идемте.

Они вышли, и Астахов впервые осмелился взять ее под руку. Было свежо и необычно тихо. Легкий ветерок принес откуда-то издали нежный запах полевых цветов. Небо очистилось от облаков, и тоненький серп молодого месяца осторожно выглядывал из-за острой крыши какого-то сарая.

— Будто и нет никакой войны, — задумчиво произнесла Наташа.

Капитан шел молча. Он был по-настоящему счастлив и жалел лишь о том, что путь до квартиры Наташи был недалек, а он готов был идти с ней хоть на край света.

Система умозаключения Астахова

В семь часов утра Погодин явился к командарму.

— Вижу по твоим глазам, генерал, что ты пришел ко мне с добрыми вестями, — поднимаясь навстречу Погодину, сказал командарм.

— Да, с добрыми. Разрешите докладывать?

— Приказываю докладывать, — усмехнулся командарм.

— Этой ночью, — начал Погодин, — капитан Астахов задержал двух фашистов, великолепно говоривших по-русски и имевших безукоризненные документы. В землянке, в которой их захватил капитан, был оборудован телевизионный приемник. Шпионы были пойманы с поличным, и у них хватило здравого смысла во всем сознаться. Вот в основном и все.

— Так, значит, тут телевидение? — оживился командарм. — Видение на расстоянии? — В раздумье он постучал пальцами по столу и добавил: — Впрочем, удивительного тут ничего нет. Применяют же теперь реактивные снаряды — “летающие бомбы”, которые с некоторой дистанции начинают “видеть” впереди лежащую местность и цель. Такие бомбы выпускаются с самолетов и снабжены телевизионными передатчиками, которые автоматически передают изображение по радио на экран оператора, находящегося на самолете-матке. В принципе тут нет ничего нового. Мы ведь и похитрее кое-что придумали в этой области. Интересно, однако, как шпионам удалось осуществить телепередачу из нашего штаба?

Погодин вынул из кармана электрическую лампочку и протянул ее командарму.

— Вот эта штука, — сказал он, — оборудована специальным патроном. Шпионы рассчитывали через электрика Нефедова подвесить ее над столом генерала Тихомирова или полковника Белова, но лампочка была повешена над столом чертежницы Кедровой, и это если и не погубило все предприятие шпионов, то значительно помогло нам разоблачить их.

— Но позволь, — заметил командарм, — ведь одной только лампочки недостаточно для телепередачи? — Да, но это была не обычная лампочка — в нее были вмонтированы мельчайшие фотоэлементы и все остальные детали телепередатчика. Таким образом, лампочка освещала объект передачи, а фотоэлементы превращали освещенное изображение в электрические сигналы и передавали их по специальной проводке в землянку с приемной телеаппаратурой.

— Откуда же, однако, появилась у них эта проводка? — спросил командарм.

— Она ниоткуда не появилась. Вы же знаете, что штаб инженерных войск размещался в землянке, в которой раньше был штаб фашистского полка. Уходя, они оставили эту проводку вмонтированной в электрокабель, и поскольку кабель этот был вполне исправен, электрик штаба инженерных войск не задумываясь использовал его для освещения штаба. Точно так же была использована брошенная гитлеровцами совершенно исправ-

ная динамо-машина. Способствовал ли электрик шпионам невольно или преднамеренно, пока неизвестно. Мы уже арестовали его, но допросить еще не успели.

— Но как же все-таки удалось вам нащупать их?

Генерал Погодин достал из папки фотографию топографической карты с нанесенной обстановкой, положил ее перед командармом и стал объяснять:

— Когда мы проявили снимок, найденный у убитого радиста, о котором я вам докладывал, то нам удалось установить, что он был сделан под углом в семьдесят пять градусов. И вот капитан Астахов, занимавшийся расследованием этого дела, принялся рассуждать. Он допустил, что угол этот мог получиться при двух положениях: во-первых, если бы карта лежала на горизонтальной плоскости, а фотоаппарат при съемке был наклонен к ней под углом в семьдесят пять градусов; во-вторых, он допустил обратное положение, то-есть что аппарат при съемке мог быть строго перпендикулярен к горизонтальной плоскости, а карта наклонена под углом в семьдесят пять градусов. Результат при этом будет один и тот же.

Погодин перелистал какие-то документы в своей папке, нашел чертеж, подал его командарму и продолжал:

— Придя к такому выводу, Астахов принялся изучать вот этот чертеж стола Кедровой и обнаружил, что рабочая плоскость этого стола наклонена как раз под углом в семьдесят пять градусов; электрическая лампочка же, висевшая над столом, являлась в этом случае идеальным перпендикуляром. Это и заставило его укрепиться в подозрении, что лампочка, служа сильным источником света, являлась в то же время и телепередатчиком, то есть, по существу, выполняла роль фотоаппарата. Следует отметить, что наклон чертежного столика Кедровой очень мешал шпионам. Они уверяют, что он испортил им многие донесения.

— Молодец капитан! — восхищенно воскликнул командарм. — Вызвать его ко мне немедленно.

Так как Астахов был поблизости, то он тотчас же явился на вызов.

Командарм внимательно посмотрел в его серые твердые глаза и крепко пожал ему руку.

— Так вот вы какой, капитан Астахов, — сказал он, будто впервые увидел капитана, хотя знал его уже не первый год.

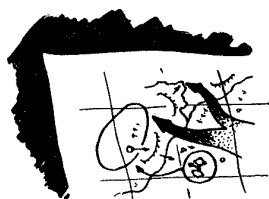
Помолчав немного, все еще пытливо вглядываясь в Астахова, командарм повернулся к генералу Погодину и заявил:

— Как хочешь, Михаил Алексеевич, а я совершенно убежден, что глубокая вера в наших генералов, офицеров и солдат очень помогла капитану Астахову верно решить задачу. Ведь если бы стал он подозревать каждого из них, кто знает, сколько бы времени это отняло и как долго смогли бы в связи с этим фашистские шпионы пользоваться своей телевизионной установкой!

Командарм снова протянул Астахову руку и энергично потряс ее:

— Ну, спасибо же, товарищ капитан!

А жизнь армии между тем шла своим чередом. По-прежнему войсковые разведчики вели наблюдение за передним краем обороны противника, войска продолжали сосредотачиваться, штабы приступали к разработке новых операций. И очень мало кто знал о ведущейся каждый день невидимой войне, в которой было не меньше напряжения и опасностей, требовалось не меньше находчивости и смелости, чем в той большой войне, которую вела вся Советская Армия и успех которой очень часто зависел от этой маленькой войны, происходящей в тишине.

ВЗРЫВ ПРОИЗОЙДЕТ СЕГОДНЯ

Предупреждение Хмелева

В дверях появился седой бородатый мужчина в брезентовом плаще. Высокий, слегка сутуловатый, он будто нес на плечах своих непосильную тяжесть. Широкое, с крупными чертами лицо его казалось усталым.

— Разрешите, товарищ Дружинин? — низким, чуть-чуть глуховатым голосом спросил он.

Секретарь райкома партии молча кивнул. Вошедший твердым шагом подошел к столу, попросил разрешения сесть.

— Да, пожалуйста, товарищ Хмелев, — с любопытством разглядывая его, ответил Дружинин.

— Я не оправдываться к вам пришел, Владимир Александрович, — взволнованно произнес Хмелев, — хотя и знаю, что мне теперь не очень-то доверяют.

Большим клетчатым платком вытер он пересеченный глубокими морщинами загорелый лоб, вздохнул и произнес, чуть понизив голос:

— Я к вам по очень важному делу ...

Помолчав, будто собираясь с мыслями, добавил:

— Пришел предупредить вас.

— Предупредить? — Владимир Александрович резко поднял брови.

Хмелев спокойно выдержал пристальный, взгляд Дружинина и спросил:

— Я знаю, что вы только что из области вернулись. Надо полагать, директивы важные привезли?

— Какое, однако, это имеет отношение к вашему предупреждению? — насторожился Дружинин.

— Прямое. Я хочу сообщить вам, что один из краснорудских заводов заминирован. А ведь они, наверное, скоро будут восстанавливаться.

— То есть как это заминирован? — удивился Дружинин.

— Фашисты поставили на одном из заводов мину замедленного действия, — пояснил Хмелев.

— Откуда вам известно это?

— Это длинная история.

— Рассказывайте.

Дружинин достал папиросы, закурил, предложил Хмелеву. Тот вежливо отказался.

— По-прежнему некурящий, значит?

— По-прежнему, Владимир Александрович. А о замысле фашистов узнал я таким образом ... Но тут мне придется рассказать вам, как я жил в те дни. В партизаны, как вы знаете, я не пошел, а остался в городе. Фашисты, видя, что человек я немолодой, беспартийный, к тому же собственный домик имею, решили меня привлечь на свою сторону. Предлагали частную мастерскую открыть или пойти работать в полицию. Хвалиться не буду — в морду за такие предложения я им не плевал, а отвечал очень спокойно, что человек я нейтральный и люблю тишину. На деле-то, впрочем, помогал я кое-чем местным партизанам ... Разные сведения полезные им сообщал, выполнял кое-какие поручения. Были бы живы командир и комиссар партизанского отряда, они бы это засвидетельствовали ...

Хмелев взглянул на Дружинина, невесело улыбнулся и продолжал:

— Вот видите: обещал не оправдываться, а не сдержался. Уж очень обидно мне, Владимир Александрович!.. Ну да ладно, не будем об этом ... А фашисты между тем меня обхаживали. Особенно обер-лейтенант Гербст старался. Он на квартире у меня стоял. Добряка передо мной разыгрывал. Похлопал раз меня по плечу и говорит: “Папаша, советской власти капут. Надо привыкать к новым порядкам. Местечко тепленькое надо себе

облюбовать, пока не поздно”. Вижу я — дело плохо. Надо или врагам служить, или в лес подаваться. Но тут Михаил Петрович, комиссар партизанского отряда, которому я обо всем докладывал, вдруг предложил: “Соглашайся на их предложение, Тихон Егорыч. Открывай частную лавочку, она будет нам хорошим прикрытием. Мы при ней явочную квартиру организуем...” Однако тут случилась беда. В тот же день в тяжелом бою комиссар погиб, не успев, видимо, сказать о своем замысле командиру отряда, — продолжал Хмелев, переведев дух. — Я, впрочем, о его смерти не знал ничего и удивлялся, почему никто из партизан ко мне не приходит. Только позже стало мне известно, что попал партизанский отряд в засаду и потерял многих своих бойцов. Я между тем дал обер-лейтенанту Гербсту согласие открыть частную кузнечную мастерскую. Гербст был инженерным офицером и имел от командования задание организовать механические мастерские. На восстановление заводов у них силенок не хватало...

Хмелев говорил все это задумчиво, низко опустив седую голову. Но вдруг он встрепенулся и тихо спросил Дружинина:

— Не длинно я говорю, Владимир Александрович?

— Нет, ничего, продолжайте.

— Ну так вот, прежде чем отпустить мне средства на предприятие, Гербст потребовал, чтобы я присягнул ему письменно. Писарь прочел мне гербовую бумагу, в которой говорилось о сотрудничестве с германским военным командованием, а обер-лейтенант протянул мне свою автоматическую ручку. Я не задумываясь отверг бы это требование Гербста, если бы не приказание комиссара соглашаться на все. И я подписал документ... Вскоре, однако, гитлеровцам стало не до частных предприятий. Дела у них на фронте с каждым днем ухудшались, а советская артиллерия гремела все ближе. И вот однажды утром узнали мы, что комендант на груженной награбленным добром машине выехал из города. Бежали вслед за ним и остальные фашисты. Только несколько небольших воинских частей да саперная рота Гербста остались в городе. Утром того же дня обер-лейтенант вызвал меня к себе.

“Хмелев, вы, кажется, работали мастером на одном из местных заводов?” — спросил он меня.

“Работал”, — ответил я.

“На каком?”

“На заводе имени Кагановича”.

“Это, кажется, один из самых крупных заводов в районе?”

“Да, самый крупный”.

“И его при случае русские будут в первую очередь восстанавливать?”

“Восстанавливать-то будут все заводы, конечно”, — сказал я, но Гербст свирепо посмотрел на меня и закричал:

“Отвечайте только на то, о чем спрашивают, черт бы вас побрал! В первую ли очередь будет восстанавливаться этот завод?”

“Полагаю, что в первую”, — ответил я, не понимая, к чему он клонит.

Обер-лейтенант не стал меня больше ни о чем спрашивать. Он набросил на плечи плащ и вышел на улицу с одним из своих унтеров. Подождав немного, я направился следом за ними, держась на приличном расстоянии. Фашисты пришли на завод имени Кагановича. Я не рискнул последовать за ними и спрятался неподалеку, за развалинами дома. Минут через десять к заводу подъехала немецкая военная машина с солдатами. Среди них я увидел ефрейтора Шретера, часто приходившего к Гербсту, и догадался, что это были саперы обер-лейтенанта. Солдаты сгрузили с машины несколько ящиков, в которых обычно паковались немецкие стандартные заряды взрывчатки. Я сообразил, что фашисты затевают что-то недоброе, и хотел было пробраться к заводу поближе, но в это время чья-то цепкая рука схватила меня за плечо. Я обернулся и увидел Гербста.

“Что вы разгуливаете по городу в такую скверную погоду?” — недовольно процедил он сквозь зубы. Потом повернулся к одному из своих подчиненных и добавил: “Ефрейтор, проводите господина Хмелева на квартиру и запирайте его там на ключ”. Я присидел взаперти до вечера.

Гербст вернулся домой усталый и злой. Мундир его был выпачкан глиной и известью. Вскоре за мной пришел денщик Ганс и повел меня в комнату Гербста.

“Хмелев, — строго сказал Гербст, — помните ту бумагу, которую я дал вам подписать?”

“Помню”, — ответил я.

“Ну, так вы теперь ею крепко связаны с нами. Мы собираемся оставить русским сюрприз — сотню-другую килограммов тола. Знайте же, что в один из ящиков с толом я положил подписанный вами документ с клятвенным обещанием служить немецкому командованию. Если кто-нибудь найдет нашу мину, он найдет и этот документ. По-моему, вам будет выгодней, если мина спокойно взорвется и уничтожит компрометирующую вас бумагу. Не так ли?”

“Да, конечно, — пришлось согласиться мне. — Но как же я буду оберегать мину, если не знаю, где она поставлена?”

“Ничего, — ответил Гербст, — вам и незачем это знать. Постарайтесь только отвлечь внимание от этой мины, если будете ее разыскивать. Это в наших общих интересах. Вам ведь не сдобровать, если найдут расписку”.

На этом наш разговор окончился. Гербст торопливо принялся писать что-то, и я подумал, что, может быть, это донесение коменданту города...

Недописанное донесение

Хмелев облизал пересохшие губы и попросил воды. Дружинин молча подал ему стакан. Хмелев отпил несколько глотков, вытер платком губы и продолжал:

— В городе между тем все чаще раздавались выстрелы. И вдруг где-то недалеко разорвалась граната.

В комнату Гербста с диким криком: “Русские автоматчики!” вбежал денщик. Обер-лейтенант выругался, скомкал бумагу, на которой писал, и сунул ее в карман. Надев шинель, он быстро вышел во двор. Денщик, схватив чемодан, поспешил за ним следом. Тут уж и я не стал больше медлить. У меня в сарае был запрятан немецкий парабеллум. Я вытащил его, проверил обойму и выбежал на улицу. В конце ее мелькали две темные фигуры. В одной из них, высокой и тощей, я узнал Гербста. За ним спешил Ганс с чемоданом. Они направлялись к зданию комендатуры, где их ожидала последняя немецкая машина, уходившая из города. Нагнав фашистов, я, почти не целясь, разрядил пистолет. Гербст упал на землю, а Ганс, бросив чемодан, скрылся за углом. Я не стал его преследовать: сумерки сгустились настолько, что трудно было ориентироваться...

— Ну, а Гербст?

— Гербст лежал без движения. Я нагнулся над ним и пощупал пульс. Пульс не бился. Торопливо обыскав карманы обер-лейтенанта, я вынул все, что там находилось. Среди документов Гербста я нашел его донесение коменданту города майору фон Циллиху...

Хмелев умолк и тяжело вздохнул.

— Что же было в донесении? — нетерпеливо спросил Дружинин.

— Все, кроме самого главного... В нем не было указано место минирования.

— Но что же там в таком случае было?

— Вес мины и время, когда она должна взорваться.

— Когда же?

— В нынешнем году.

Взволнованный Дружинин встал.

— Почему об этом вы сообщаете только сегодня? — настороженно спросил он. — О том, что один из заводов минирован, — спокойно ответил Хмелев, — я доложил, как только в город вошли наши войска. Я даже передал командиру части донесение Гербста, полагая, что оно пригодится ему.

Дружинин широкими шагами ходил по комнате, размышляя об услышанном.

— Разве воинская часть не предприняла поисков мины? — спросил он, почти вплотную подойдя к Хмелеву.

Хмелев выдержал его взгляд и спокойно ответил:

— Мину искали. Занимался этим капитан инженерных войск Овсянников. Высокий такой, красивый молодой человек. Обшарил он со своими саперами все три завода и нашел мину в канализационных трубах завода имени Кагановича. Ну, я после этого немного успокоился, решив, что опасность устранена. К тому же до сих пор мина, по сути дела, и не угрожала никому: заводов-то фактически не было. А вот сегодня, узнав, что вы вернулись из области и, возможно, привезли какую-нибудь директиву о восстановлении заводов — об этом ведь давно в городе поговаривают, — я снова встревожился и подумал, что фашисты могли, кроме канализационных труб, и еще где-нибудь мину поставить.

— А расписку-то вашу нашли саперы в трубе? — поинтересовался Дружинин.

— Не знаю... Овсянников ничего не говорил мне о ней. Не нашли, пожалуй...

Дружинин задумался, прошелся несколько раз по комнате и спросил:

— Больше ничего вы не можете мне сообщить?

— Это все, что я знаю, Владимир Александрович, — ответил Хмелев, вставая со своего кресла. — Если у вас не будет больше вопросов, я могу уйти?

— Да, конечно, можете идти. Вопросов пока больше нет.

Опасения Шубина

Секретарь Краснорудского райкома партии Владимир Александрович Дружинин давно уже с нетерпением ждал решения центра о восстановлении заводов своего района. Дождался наконец этого решения, и вот теперь вдруг такая неожиданная помеха!.. Едва сдерживая раздражение, он барабанил пальцами по настольному стеклу, не зная, что предпринять. Потом встал, открыл дверь в приемную и сказал своему секретарю Варю Воеводиной, читавшей какие-то бумаги:

— Мне нужно с тобой посоветоваться. Зайди на минутку.

Он знал Варю еще девочкой, так как она была дочерью его друга, погибшего на фронте, и по-отечески называл ее на “ты”.

— Ты ведь была в городе после ухода фашистов? — спросил он, когда Варя вошла в кабинет.

— Была, Владимир Александрович.

— Не слыхала ли разговоров о том, что фашисты будто бы заводы заминировали?

— Нет, не слыхала. А что, разве есть такое опасение? — встревожилась Варя.

Дружинин кратко сообщил ей о своем разговоре с Хмелевым и тотчас же строго предупредил:

— Только ты об этом никому ни слова!

— Понимаю, Владимир Александрович, не маленькая.

Заметив, что Варя слегка побледнела, Владимир Александрович спросил:

— Чего же ты разволновалась так, Варя?

— Как же не волноваться, Владимир Александрович! — Воеводина подняла удивленные глаза на Дружинина: — Ведь дело идет о судьбе краснорудских заводов, значит и о нашей с вами судьбе. Что за жизнь в городе, да и во всем районе, без этих заводов? Дружинин успокоил ее:

— Не волнуйся, Варя, страшного тут ничего нет. Если мина и стоит где-нибудь, она не ускользнет от нас. Сегодня же мы начнем искать ее, и это не должно отразиться на восстановительных работах. Забот только у тебя теперь прибавится. Адреса всех бывших инженеров, техников и кадровых рабочих краснорудских заводов завтра должны быть у меня на столе. Справишься?

— Так точно, Владимир Александрович.

Дружинин улыбнулся:

— А ты у меня молодец, Варя! По-военному отвечаешь. Это хорошо. Мы ведь теперь солдаты восстановительной армии, и все у нас должно быть, как на войне, — быстро и четко. Договорились?

Варе нравился этот большой, беспокойный человек. Он был неутомим в работе и от других требовал того же, однако с ним легко и весело было делать любую, даже самую трудную работу.

— Получай тогда, — весело продолжал Дружинин, — еще одно задание: срочно пригласи ко мне капитана Шубина.

...Начальник районного отделения государственной безопасности капитан Шубин зашел к Дружинину спустя полчаса. Это был высокий, худощавый человек с резкими чертами лица. Поздоровавшись с Владимиром Александровичем, он пристально посмотрел на него.

— Чувствую, что вы неспроста меня пригласили, Владимир Александрович. Серьезное что-нибудь? — спросил он, закуривая папиросу.

Дружинин сообщил ему все, что узнал от Хмелева. Капитан слушал его внимательно, делая глубокие затяжки и нервно покусывая кончик папиросы. Сообщение Хмелева заинтересовало его. Когда Владимир Александрович кончил свой рассказ, Шубин спросил:

— Ну, а что вы сами об этом думаете? Как по-вашему: хитрит или не хитрит старик?

Дружинин ответил не сразу. Помолчав, произнес задумчиво:

— Может быть, и мало оснований доверять Хмелеву, но мне почему-то кажется, что он не обманывает. И в самом деле могло так случиться: старик помогал партизанам, был строго законспирирован, знал об этом всего один человек, и вот его не стало. Ведь комиссар местного партизанского отряда действительно погиб незадолго до освобождения города.

— Все это верно, — подтвердил Шубин. — Я допускаю такую возможность, но есть одно обстоятельство, которое заставляет меня насторожиться.

— Что именно?

— Все, что вам рассказал Хмелев, он сообщил и мне еще в прошлом году, однако почему-то умолчал о mine, и это мне кажется подозрительным.

— А мне нет, — возразил Дружинин. — Он не сказал вам о ней потому, что считал ее неопасной.

— А теперь?

— Теперь другое дело. Раньше почти не было риска, если бы она и взорвалась. Развалины от этого не очень пострадали бы. Я даже допускаю, что он, если так можно выразиться, надеялся на взрыв вхолостую: взрыв уничтожил бы неприятный для него документ. Ведь после смерти комиссара Хмелеву нелегко было бы оправдаться. Но когда до него дошел слух, что заводы хотят восстанавливать и взрыв будет угрожать уже не развалинам, а строительству, людям, занятым стройкой, в нем сказался наш, советский человек. Выходит, он пренебрег личными интересами. — А может быть, он просто пошел на провокацию?

— На провокацию? — удивился Дружинин.

— Да, на провокацию, — повторил Шубин. — Хмелев мог просто пустить слух о mine, чтобы взвинтить наши нервы, посеять страх перед возможным взрывом, затормозить восстановление заводов.

Шубин задумался, скомкал окурок и добавил, чуть понизив голос:

— Ведь если к делу подойти с психологической точки зрения, то миной замедленного действия может оказаться сама выдумка Хмелева о нависшей над нами опасности.

Шубин налил в стакан воды из графина, но, так и не выпив ее, снова заговорил возбужденно:

— Все это, может быть, очень тонко задумано, так как уличить его в обмане почти невозможно. Он ведь ничего не говорит наверняка, ничего не утверждает. Он только высказывает предположение, но вы уже сомневаетесь, уже не можете быть спокойным. А как будут работать на строительстве инженеры и рабочие, все время чувствуя себя на пороховой бочке, которая вот-вот взорвется?..

— Но для чего же тогда понадобилось ему рассказывать историю о компрометирующем его документе? — спросил Дружинин.

— Для убедительности. Это ведь тоже чисто психологический прием.

Владимир Александрович задумчиво прошелся по комнате, заложив руки за спину.

— Нет, — заявил он, остановившись перед Шубиным, — не убедили меня ваши доводы. И дело тут вовсе не в моей романтичности, а в простой логике. Кто такой был Тихон Хмелев до войны? Старый, потомственный рабочий, один из лучших кузнечных мастеров на заводе...

Был, значит, честным советским человеком. И вот он оказался в городе, оккупированном фашистами... Вы человек осторожный, недоверчивый, и вам кажется, что Хмелев поддался уговорам врага и стал предателем, а по-моему, он не мог пойти на это.

Шубин закурил новую папиросу и, посмотрев на Дружинина, сказал:

— А вы думаете, Владимир Александрович, меня самого не огорчает мысль, что он, может быть, провокатор? Однако я должен предусмотреть и эту возможность, тем более что знаю некоторые черты характера Хмелева.

— Что-нибудь порочащее его? — спросил Дружинин.

— Нет, всего лишь болезненное самолюбие. Но в условиях оккупации фашисты могли сыграть и на этом.

— Не думаю, чтобы это было так, — сомнительно покачал головой Владимир Александрович. — Я знал его как одного из лучших кадровых рабочих завода. Мы ведь не раз премировали его...

— Да-да, все это так, — перебил Дружинина Шубин. — Он на самом деле хорошо и добросовестно работал и других учил своему мастерству. Это я по собственному опыту знаю. Я ведь до того, как меня в органы НКВД откомандировали, кузнецом был и мастерству кузнечному у Хмелева учился. Мастер он был первоклассный. Это я сразу увидел, но увидел также и кое-что другое. Был он человек старого закала, делал все больше по старинке, новые приемы осваивал туго. Его ведь многие молодые стахановцы с гораздо меньшим производственным опытом часто позади оставляли. И это крепко задевало Хмелева...

Шубин вспомнил наконец о воде, налитой в стакан, и жадно выпил ее.

— Чем дальше, тем больше обиды скопилось в сердце старика, — продолжал он после небольшой паузы. — Помню, кто-то из руководителей завода посочувствовал Хмелеву: не трудно ли, мол, работать кузнецом в такие годы? Не пора ли на пенсию? А он понял это так, что им вроде пренебрегают, что он уже не нужен на заводе, и оскорбился, стал мрачен, замкнут. Ну, а тут оккупация... Всякие похвалы и посулы со стороны фашистов. Это, пожалуй, могло его подкупить. “Вот когда оценили меня по достоинству!” мог подумать старик и попасться на удочку. Я рад был бы ошибиться в таком предположении, но бдительность вынуждает меня взять под сомнение его слова.

Дружинин долго ходил по комнате, наконец заметил:

— Вы правы, конечно. Хладнокровие и беспристрастность тут необходимы. Хмелевым нужно заняться. Однако мину все-таки начнем искать, и немедленно, сегодня же. Есть ведь у нас в городе саперные части.

— Всего один саперный взвод во главе с полковым инженером. Я знаком с ним. Синицын — его фамилия. Совсем еще молодой человек. Боюсь, что невелик у него военно-инженерный опыт, а ведь мины замедленного действия чертовски замысловатые штуки.

— Конечно, тут опытный человек нужен, — согласился Дружинин. — Но что поделаешь! Пока запрошишь специалиста, много времени потеряешь. Придется пока поручить это дело Синицыну.

Поиски начались

После переговоров с командиром полка в распоряжение Дружинина было послано три отделения саперов во главе со старшим лейтенантом Синицыным. Синицын в самом деле был очень молод и почти не имел боевого опыта, так как попал на фронт из военно-инженерного училища незадолго до окончания войны.

Владимир Александрович объяснил ему задачу и отпустил лишь после того, как убедился, что он понял серьезность создавшейся обстановки.

Мину начали искать одновременно на всех заводах. И лейтенант и его солдаты работали с большим рвением, однако вечером Синицын доложил Дружинину, что обнаружить пока ничего не удалось.

Владимир Александрович был очень озабочен этим обстоятельством и решил посоветоваться с председателем райисполкома о дальнейших действиях. Он уже взялся за телефонную трубку, но тут в его кабинет вошла Варя Воеводина.

— Владимир Александрович, — сказала она, — могу я сегодня уйти пораньше?

— Случилось что-нибудь? — спросил Дружинин. — Вид у тебя какой-то странный.

Варя засмеялась:

— Не странный, Владимир Александрович, а счастливый! Телеграмму мне только что принесли. Алеша с девятичасовым поездом приезжает.

— Алеша? — задумчиво произнес Владимир Александрович. — Это кто же такой — Алеша?

— А вот вспомните-ка, Владимир Александрович! Дружинин наморщил лоб.

— Алеша... — повторил он. — Позволь, это не муж ли твой?

— Он самый, Владимир Александрович, — счастливо засмеялась Варя. — Алексей Воеводин, мой муж.

— Рад за тебя, Варя! — весело отозвался Дружинин. — Поздравляю. Надеюсь, ты познакомишь нас? Я ведь Воеводина только по твоим рассказам знаю. Ну, спешу на вокзал, до прихода поезда полчаса осталось.

Когда Варя была у дверей, Дружинин вдруг окликнул ее:

— Постой-ка, Варя! Воеводин-то твой, кажется, сапер? Капитан инженерных войск?

— Майор инженерных войск, — с гордостью поправила Варя.
— Тот самый майор Воеводин, о котором в газетах писали, как он разминировал Ольшанские шахты?
— Тот самый, Владимир Александрович. — И он надолго к тебе?
— Нет, наверное, не надолго. На месяц, не больше, — ответила Варя, вдруг сообразив, почему Дружинин спрашивает об этом. И улыбка невольно сбежала с ее счастливого лица. — Не везет мне, Владимир Александрович, — печально добавила она. — Только-только замуж вышла — война началась. И вот с тех пор, как Алексей ушел на фронт, так и не виделись ни разу...
— Ну-ну, — дружески хлопнул ее по плечу Владимир Александрович, — не огорчайся, насмотришься еще на своего Алешу. Я на него посягать не собираюсь, хотя, по правде тебе сказать, такой человек сейчас мне очень пригодился бы. Ну, торопись! Времени до поезда в обрест. Машину мою можешь взять, она мне пока не нужна.

Майор Воеводин

На следующий день утром, как только Дружинин вошел в кабинет, Варя спросила его:
— Владимир Александрович, когда вы Алексея принять сможете?
— Какого Алексея? — не понял Дружинин. — Твоего, что ли?
— Моего.
— А почему ты таким официальным тоном спрашиваешь? В любое время приму. Вот в выходной день хотя бы, у себя дома.
— Да нет, Владимир Александрович, я о деле говорю. По делу когда вы его принять сможете?
— Ах, по делу! — воскликнул Дружинин. — Выходит, не выдержала, рассказала ему обо всем?
— Рассказала, Владимир Александрович.
— И решили, значит, вы... — начал было Дружинин, но Варя не дала ему договорить:
— Решили приняться за дело. Иначе и быть не могло. Лучшего специалиста по минам вам ведь и в военном округе не сыскать.
— А ты, значит, Алешу своего опять целыми днями видеть не будешь? Или ему отпуск большой дали?
— Да где там! — вздохнула Варя. — Всего две недели. Меньше, чем думала. Но что поделаешь!.. Если не возражаете, Алексей сейчас к вам явится.
— Как, уже сейчас? — удивился Дружинин.
— Ну да, он в приемной ждет.
Дружинин хлопнул ладонью по столу:
— Молодец ты у меня! Приглашай своего Алексея!
Вошел высокий и, как показалось Дружинину, немного неуклюжий офицер, с большими руками и добродушной улыбкой.
— Разрешите представиться? Гвардии майор Воеводин.
Владимир Александрович приветливо протянул ему руку.
— Будем знакомы. Дружинин, — весело сказал он и добавил, усмехаясь: — Подполковник запаса. Присаживайтесь, пожалуйста.
Воеводин сел. Дружинин посмотрел на его добродушное, с крупными чертами лицо и спросил:
— Где воевали?
— Под Сталинградом, Белгородом, Невелем. Последние годы в Прибалтике. — Знакомые края, — заметил Дружинин, — тоже довелось там побывать. В каком соединении служили?
— У генерала Черкасова.
— Давно в армии?
— Можно сказать, со школьной скамьи. Прямо из семилетки — в военно-инженерное училище. Войну начал командиром взвода. Теперь вот саперный батальон получил.
— Извините, что так экзаменую, — улыбнулся Владимир Александрович. — Серьезная работа предстоит, вот и интересуюсь, с кем придется работать. Знаете, надеюсь, в чем дело?
— Так точно. Варя рассказала мне.
Длинными узловатыми пальцами майор взял папиросу, закурил и добавил:
— Я навел уже кое-какие справки. Познакомился с полковым инженером, старшим лейтенантом Синицыным. Не с того конца, по-моему, принялся он за дело. Приборами такую мину трудно обнаружить. Фашисты, несомненно, поставили химический взрыватель замедленного действия. А такие взрыватели обычно из пластмассы изготавливаются, так что миноискатели против них бессильны.
— Чем же тогда разыскивать их? Ведь не шупами же?
— Собаками-миноискателями, — ответил Воеводин. — Они себя великолепно в этом отношении зарекомендовали. В полку, к счастью, есть несколько таких собак. Если заряд состоит из тола или мелинита и зарыт неглубоко, собаки должны почувствовать его. Но, может быть, фашисты применили вещество повышенной мощности, например тетрил, не имеющий запаха, или гексоген, не имеющий ни запаха, ни вкуса.
Откинув голову на спинку кресла, Воеводин глубоко втянул в себя папиросный дым. Дружинин внимательно присмотрелся к посетителю. Какое-то противоречивое впечатление производил на него этот майор. Ко-

гда он улыбался или отвечал на обычные вопросы, то казался простоватым, не совсем ловким и даже несколько стеснительным человеком. Когда же речь заходила о вещах, видимо очень хорошо знакомых ему, как, например, о подрывной технике, все в нем преображалось вдруг: лицо становилось сосредоточенным, серьезным, менялась даже интонация голоса; движения больших и по виду не очень ловких рук обретали, казалось, не свойственную им точность, жесты делались выразительными.

Владимир Александрович, всегда немного спешивший делать заключения о людях по первому впечатлению, на этот раз благоразумно воздержался от преждевременных выводов.

— Позвольте задать вам вопрос? — обратился к нему Воеводин: — Когда вы намерены приступить к восстановлению заводов?

— Немедленно, — ответил Дружинин. — Но вы, конечно, сами понимаете всю сложность положения. Ведь если один из заводов в самом деле заминирован, то взрыва можно ожидать каждый день, каждый час, а я не могу рисковать людьми. Какое ваше мнение о сроке замедления мины?

Майор бросил окурок в пепельницу и сказал:

— У всех известных нам типов мин замедленного действия наибольший срок замедления не превышает двенадцати месяцев. Вообще же замедление можно продлить и на несколько лет. Фашисты ушли из Краснорудска в 1943 году; следовательно, мина находится под замедлением почти три года. Срок, конечно, критический.

Дружинин одобрительно кивнул. “Майор, кажется, неплохо разбирается в тонкостях подрывной механики”, подумал он и, поднявшись с места, протянул Воеводину руку:

— Не буду вас больше задерживать, Алексей Сергеевич. Я позвоню сейчас начальнику местного гарнизона и попрошу его временно подчинить вам саперный взвод. Ставьте меня в известность о всех ваших мероприятиях. Желаю успеха!

Предложение Воеводина

Вечером Алексей зашел к Дружинину доложить, как идут дела.

— Очень кстати! — оживленно произнес Владимир Александрович, направляясь навстречу Воеводину. — Давно вас ожидаю.

— Зайти раньше не имел возможности: весь день работал с собаками на заводах.

— А миноискатели или другие приборы совсем, значит, непригодны?

— Если бы был установлен взрыватель с часовым механизмом, могли бы пригодиться пьезос тетоскопы или даже миноискатели. Но, мне думается, нам могут помочь только собаки, если, конечно, заряд находится неглубоко. Они ведь очень чувствительны к запаху тола.

— А может случиться, что и собаки не помогут?

— Может.

— Что же тогда?

— Останется предположить, что заряд или зарыт слишком глубоко, или его нет вовсе.

Дружинин сделал энергичный жест рукой и поднялся с кресла:

— Для меня нет этого “или-или”. Все, в конце концов, зависит от точки зрения. Наша точка зрения такая: нужно исходить из худшего, то есть предположить, что минирование произведено.

— Ну, а если предположить, — заметил Воеводин, — что просто пущен слух, будто где-то что-то заминировано и должно взорваться?..

Спокойным тоном Дружинин ответил:

— Мы сделали и это предположение, но худшее все-таки взрыв. Есть у вас запасный ход на тот случай, если собаки ничего не найдут?

— Да, есть. Мы прибегнем тогда к детонации.

— Объясните.

Воеводин взял со стола лист бумаги и быстро набросал схему:

— Мы заложим несколько небольших зарядов, расположим их вот таким образом в разных местах фундамента и произведем взрыв. От этого должна детонировать, то есть взорваться от сотрясения, вызванного взрывной волной, и сама мина, если только она окажется неподалеку.

Дружинин внимательно слушал майора. Предложение Воеводина показалось ему заслуживающим внимания, хотя и не было пока необходимости им воспользоваться.

— Это избавляет нас, — продолжал майор, — от дамкловла меча — постоянной угрозы взрыва, препятствующей восстановительным работам.

— А эти детонирующие взрывы придется производить на всех трех заводах? — спросил Владимир Александрович.

— Может быть, и на всех трех.

Дружинин задумался. Помолчав, заметил:

— Не спорю, возможно это и неплохое средство, однако сначала необходимо обследовать внимательно завод имени Кагановича.

— Но ведь я же докладывал вам, Владимир Александрович, что мы уже обследовали завод и ничего там не нашли, — удивился Воеводин.

- Где же вы искали мину?
- В подвалах и вообще на всей территории завода.
- А в канализационных трубах?
- В канализационных трубах не искали, но вы подали хорошую мысль. Завтра же займемся этим.

Странный читатель

В это утро читальный зал районной библиотеки был почти пуст. За одним из столиков у окна сидел широкоплечий седой старик, перед которым лежала стопка книг. Неподалеку от него молодой человек, видимо студент, просматривал комплект газет, то и дело с любопытством поглядывая на старика, поведение которого казалось ему очень странным. Старик брал по очереди каждую из книг, лежавших перед ним, торопливо перелистывал ее, откладывал в сторону и что-то отмечал на листке бумаги. Когда вся стопка оказывалась просмотренной, он относил книги дежурному библиотекарю, заменяя их новыми. Затем повторялось то же самое — книги перелистывались и возвращались.

Старик прекратил свое непонятное занятие только в два часа дня. Попрощавшись с библиотекарем, он ушел, предупредив его, что зайдет после обеда. По днялся и молодой человек, читавший газеты.

— Странный читатель, — кивнул он в сторону только что ушедшего старика.

— Очень странный, — согласился библиотекарь. — Просит Короленко. Даю ему новенький экземпляр, а он... не берет, требует старое издание. И вообще, чем потрепанней книга, тем больше она ему нравится.

— Да ведь он и не читает их вовсе, а лишь перелистывает, — сказал молодой человек.

— Я тоже это заметил. Вообще непонятный какой-то старик. Не совсем нормальный, по-моему.

Взяв газеты, молодой человек вышел из библиотеки, походил немного по улицам города и направился в районное управление государственной безопасности. Подойдя к кабинету Шубина, он постучал в дверь.

— Войдите! — раздался голос капитана.

Молодой человек вошел в кабинет и вытянулся по-военному:

— Разрешите доложить, товарищ начальник?

— Докладывайте, товарищ лейтенант.

— Старик был сегодня в районной библиотеке. Так же как и в городской, он брал книги, перелистывал их и возвращал.

— Делал он при этом какие-нибудь выписки?

— Нет. Только всякий раз, прежде чем взять новую партию книг, сверялся с какой-то запиской.

— Какими же книгами он интересовался?

— Художественной литературой старых изданий.

— Дореволюционными или довоенными?

— И теми и другими.

— Любопытно, — задумчиво произнес Шубин. — Ну, а какой же вы делаете вывод из этого? — обратился он к лейтенанту.

— По-моему, он ищет что-то.

— Это совершенно бесспорно, — согласился капитан. — Сможете вы достать список тех книг, которые он уже просмотрел?

— Попытаюсь.

— Узнайте также, откуда эти книги поступили. Местные библиотеки были ведь разграблены фашистами и комплектовались заново совсем недавно. — Слушаюсь, товарищ начальник, все будет выполнено, — ответил лейтенант...

В тот же день Шубин встретился с Владимиром Александровичем Дружининым.

— Удалось вам узнать что-нибудь новое о Хмелеве? — спросил Владимир Александрович.

— Пока нет, — ответил Шубин. — Роль Хмелева а дни оккупации все еще неясна нам. Формально, правда, как будто не к чему придраться, однако многое в поведении Хмелева вызывает подозрение. Ну вот, к примеру, хотя бы его заявление о том, что он сообщил воинским частям, освободившим город, о минировании заводов. Части эти, по свидетельству краснорудцев, в самом деле производили разминирование, но они в основном снимали мины-сюрпризы на перекрестках дорог и в городских зданиях. О поисках же мин замедленного действия никому в городе не известно.

— Я согласен с вами, — заметил на это Дружинин. — Обстановка замысловатая. Но ведь не бывает такого положения, которое нельзя было бы распутать, если смотреть на дело трезво. Хмелев говорил мне, что саперы нашли мину в канализационных трубах завода имени Кагановича. Завтра проверим, так ли это. Следы разминирования, если оно действительно было произведено, должны ведь остаться.

В канализационной трубе

На следующий день утром помощнику Воеводина удалось раздобыть в городском коммунальном отделе схему давно уже бездействующей канализационной системы завода, и саперы тотчас же приступили к раскопке труб. Когда работа была в полном разгаре, один из сержантов доложил Воевдину, что его хочет видеть какой-то старик. Майор хотя и удивился этому, но приказал пропустить его. Старик был рослый, бородатый, держался непринужденно.

— Думается мне, что вы канализационную трубу разыскиваете, в которой немецкая мина была поставлена? — спросил он Воевдину.

— А вам-то какое до этого дело? — нахмурясь, спросил майор.

— Я, видите ли, Хмелев, — спокойно заявил старик, — и вы обо мне, должно быть, уже слышали. Позвольте мне указать вам канализационную трубу, в которой когда-то нашли мину. Ход в нее, прорытый нашими саперами, обрушился во время весенней распутицы, так что найти его теперь не легко.

— А откуда вы знаете, что мы ищем именно эту трубу? — подозрительно покосился майор на Хмелева.

— Потому знаю о ней, товарищ майор, — ответил Хмелев, — что о трубе этой я же и сообщил товарищу Дружинину. А что вы теперь именно ею интересуетесь, нетрудно было сообразить. Я ведь живу недалеко отсюда и видел, как в сторону завода имени Кагановича проехала машина с вашими саперами. Ну, так как же, позвольте мне трубу вам показать?

— Ну хорошо, показывайте, — согласился Воевдин и последовал за Хмелевым мимо разрушенных стен.

Старик шел уверенно: видимо, местность была ему хорошо знакома. Возле неглубокой воронки, поросшей сорной травой, он наконец остановился и произнес:

— Вот, товарищ майор, тут был когда-то ход к центральной трубе заводской канализации.

— Спасибо, — поблагодарил его Воевдин. — Можете теперь быть свободны, дальше мы сами разберемся.

— Счастливо оставаться! — Хмелев по-военному козырнул майору и не спеша стал выбираться из развалин.

Солдаты Воеводина между тем расширили воронку, указанную Хмелевым, и вскоре добрались до канализационной трубы, в которой имелось небольшое отверстие, ведущее внутрь. Майор зажег электрический фонарь, приказал двум самым опытным саперам взять миноискатели и щупы и полез в трубу.

Центральная труба была довольно широка, однако не настолько, чтобы в ней можно было свободно двигаться. Приходилось сгибаться почти пополам, с трудом преодолевая каждый метр. Видимость тоже была неважная: серая поверхность трубы поглощала свет, и луч фонаря не мог пробить густую мглу. Он освещал лишь ближайшие два-три метра и терялся в темнота. Саперы тщательно прослушивали и ощупывали каждую пядь пути.

Во многих местах верхняя часть трубы была повреждена, и в образовавшиеся отверстия просыпалась земля. Она лежала кучками на дороге, мешая движению. Длинные полосы теней возникали на пути луча за каждой такой кучкой.

Сержант Полунин был ростом меньше других. Ему не приходилось так сгибаться, как остальным, поэтому и идти было легче.

— Впереди что-то виднеется, — вдруг взволнованно сказал он.

Майор поднял фонарь выше и увидел квадратные предметы. Когда подошли ближе, на дне трубы нашли стандартные ящики из-под толовых шашек. Воевдин тщательно осмотрел их, определил размеры и приказал вынести все наружу, а сам начал измерять длину, диаметр и глубину залегания трубы под фундаментом завода. Потом, сделав какие-то расчеты в своем блокноте, ушел в райком партии.

Следы минирования

Капитан Шубин сидел в кабинете секретаря райкома и нетерпеливо посматривал на часы.

— Вы, значит, надеетесь, что это даст нам что-нибудь? — с сомнением спрашивал он Владимира Александровича.

— Надеюсь, что даст, — отвечал тот. — Если в трубе обнаружат следы минирования — значит, фашисты в самом деле собирались ее минировать и в словах Хмелева есть, стало быть, доля правды.

Они сидели некоторое время молча, но каждый из них думал об одном: удалось ли майору Воевдину узнать что-нибудь новое?

— Вы, конечно, понимаете, товарищ Шубин, как для нас это важно, — произнес наконец Дружинин. — Из обкома я получил разрешение отозвать к себе инженеров, техников и квалифицированных рабочих, работавших раньше на краснорудских предприятиях, если они, конечно, будут согласны. Во время войны многие из них перебрались в другие города, но я уже списался с некоторыми, чьи адреса удалось раздобыть. И вот теперь представьте себе положение: инженеры, техники и мастера увольняются с работы и едут ко мне, а я вдруг заявляю им: “Извините, товарищи, вам придется отдохнуть некоторое время — заводы наши, к сожалению, нельзя еще восстанавливать...”

— Будем надеяться, что этого не случится, — заметил Шубин. — Воеводин производит впечатление опытного специалиста. Если ему не удастся найти следов мины — значит, ее не было вовсе и Хмелев просто провоцировал нас.

— Я все еще не думаю этого, — ответил Дружинин. — Однако проживем — увидим.

— Вы, конечно, поставили обком в известность об этой мине? — немного помолчав, спросил Шубин.

— А как же иначе? — удивился Дружинин. — Доложил в тот же день, как только самому стало кое-что известно.

— Ну, а какое это там произвело впечатление?

— Спросили о наших планах. Предлагали помощь, но я заявил, что справимся собственными силами...

В это время отворилась дверь, и Варя доложила:

— Воеводин.

— Наконец-то! — воскликнул Дружинин и пошел навстречу майору.

Воеводин не сразу начал свой рассказ. Он молча сел в кресло против Дружинина и достал из планшетки блокнот. Владимир Александрович и Шубин внимательно следили за его неторопливыми движениями и терпеливо ждали.

— Канализационную трубу завода имени Кагановича действительно кто-то минировал, — произнес наконец Воеводин.

— Ну, я так и думал! — с облегчением проговорил Дружинин.

— Я нашел в ней шесть пустых ящиков из-под шашек, — продолжал Воеводин. — Ящики стандартные. Вмещается в них по сто сорок четыре германских подрывных шашки, весом в двести граммов каждая, или по двести сорок буровых шашек, весом по сто граммов каждая. Всего, стало быть, либо сто семьдесят три килограмма, либо сто сорок четыре. Вот и судите: можно ли таким количеством взорвать завод?

— А что, разве этого мало? — поинтересовался Шубин.

— Мало, — ответил Воеводин. — Взрывчатки по требовалось бы для этого гораздо больше. — Но, может быть, там были еще ящики? — предположил Дружинин. — Часть их могли ведь вынести при разминировании.

— Едва ли, — усомнился майор. — Их очень неудобно вытаскивать через то отверстие в трубе, которое проделали саперы, снимавшие мину. Фашисты же внесли их туда каким-то другим ходом.

— Какой же вывод из этого? — спросил Дружинин.

— Вывод таков: либо фашисты начали минировать трубу, да передумали, найдя другой, более удобный объект; либо произвели это ложное минирование для отвода глаз, чтобы отвлечь внимание от главного объекта.

— Значит, и в том и в ином случае мину нужно искать в другом месте? — снова задал вопрос Дружинин.

— Да, — твердо ответил Воеводин.

Наступило короткое гнетущее молчание; слышен был только скрип сапог Владимира Александровича, ходившего по кабинету. Воеводин задумчиво курил папиросу, Шубин машинально вертел в руке карандаш.

— А что, если это все же трюк Хмелева? — произнес вдруг капитан. — Может быть, для большей убедительности своего рассказа, он сам втащил в трубу пустые ящики из-под взрывчатки?

Дружинин задумался. До войны он хорошо знал Хмелева, и ему казалось — он имеет основание судить о нем. Не верилось, что старый кузнечный мастер обманывает его. Не убедил Дружинина в этом даже “психологический анализ”, сделанный Шубиным несколько дней назад. Дистанция между уязвленным самолюбием и предательством была огромной. Владимир Александрович не стал, однако, высказывать своих сомнений, он лишь спросил Воевину:

— А вам, Алексей Сергеевич, не кажется, что это лишь трюк Хмелева? Мог он один проделать все это?

— Дело нехитрое, — сказал майор. — Мог и он начинить трубу пустыми ящиками, но я не думаю, чтобы это было так.

— Почему же?

На вопрос Дружинина майор ответил вопросом:

— По словам Хмелева, минирование производил, кажется, обер-лейтенант Гербст?

— Совершенно верно.

— Мне довелось уже познакомиться с каким-то Гербстом, вернее с его работой, в Ольшанских шахтах. Там место установки мин тоже было ложными следами запутано. Так что маневр с фиктивным минированием вполне в его стиле.

— Значит, по-вашему, поиски мины нужно продолжать? — спросил Шубин.

— Непременно.

— Как же вы намерены искать ее теперь?

— До сих пор мы искали в местах, наиболее вероятных для минирования, — ответил майор. — Теперь начнем сплошное обследование.

— А это надолго?

— Да, дело нескорое. Территория заводов очень захламлена, работать на ней нелегко. Боюсь, что времени на это понадобится много.

— А нам дорога каждая минута! — возбужденно воскликнул Дружинин. — Завтра начнут прибывать строительные рабочие. Уже сегодня придет бывший главный инженер одного из наших заводов. Вскоре ожидается и начальник восстановительных работ, назначенный министерством. Мне бы, очень не хотелось охлаждать их пыл. Нельзя ли как-нибудь ускорить поиски этой проклятой мины?

— Тогда позвольте осуществить мой проект с детонирующими взрывами, — предложил Воеводин. — Я полагаю, что теперь это дело решенное, — подумав немного, заявил Владимир Александрович. — Ваш проект осложнит восстановление и вызовет дополнительные расходы, но ждать больше невозможно. Действуйте, Алексей Сергеевич!

Еще одна неудача

У окна в приемной райкома за небольшим письменным столом сидела Варя и разбирала какие-то документы. Вошедший в приемную майор Воеводин с удовольствием смотрел на ее золотившиеся на солнце густые волосы. Видя, что Варя не обращает на него никакого внимания, он подошел ближе и, улыбаясь, произнес:

— Ты так увлеклась своей работой, что даже меня замечать перестала.

Варя подняла голову, улыбнулась:

— Ничего удивительного в этом нет, Алеша. Мы так редко видимся, к тому же ты ухитряешься так перепачкаться в заводских подвалах, что сразу узнать тебя, право, мудрено.

— Мы же условились не упрекать друг друга, — смущенно проговорил Алексей. — Не делать того, что я делаю, не могу, да и не имею права, ты это прекрасно понимаешь...

— Я не о том, Алеша, — перебила его Варя. — Искать мину, конечно, нужно, но ведь ты обещал мне найти ее быстро.

— Что поделаешь, Варя! — вздохнул Алексей, — Я и так стараюсь изо всех сил. Доложи-ка обо мне Владимиру Александровичу.

Варя застала Дружинина у телефонного аппарата. Он разговаривал с секретарем обкома партии.

— Все в порядке, товарищ Егоров! — кричал Владимир Александрович в трубку. — Нет, нет, никакой помощи не требуется. У вас ведь и своих хлопот достаточно. Справимся своими силами. Сегодня мы должны поднять эту мину на воздух...

Он слушал некоторое время, поддакивая собеседнику, и вдруг оживился:

— Как, уже приехали?! Кто?.. Инженер Серов?.. И Демченко тоже?! Это здорово! Немедленно направляйте их ко мне!.. Квартиры?.. Да, все готово. Можете не беспокоиться. Всего хорошего, товарищ Егоров!

Дружинин положил трубку и весело взглянул на Варю:

— Ну, как дела с квартирами?

— Все в порядке, Владимир Александрович. Тимофеев просил доложить вам, что все готово. Да я и сама их осматривала. Не очень шикарно, конечно, но уютно.

Дружинин потер руки;

— Очень хорошо! А где же Тарасенко?

— На совещании в горсовете.

— Вернется — пусть ко мне зайдет. Да, передай еще Ковалевой, что совещание агитаторов проведем завтра. Пусть она зайдет ко мне.

— Разрешите доложить... — вспомнила Варя об Алексее, но Дружинин перебил ее:

— погоди! Позвони в горно и скажи, что я жду Иванова в девятнадцать ноль-ноль. Из горторготдела мне снова звонили. Опять у них с промтоварами неладно. Передай Свирскому: пусть сегодня же разберется во всем. Ну, что там у тебя?

— Майор Воеводин пришел.

— Воеводин? Да что ж ты об этом сразу не сказала, ведь он мне нужен вот так! — Дружинин провел ладонью по горлу и добавил: — Зови же скорее! Майор, громко стуча каблуками, вошел в кабинет. Сегодня он шел как-то особенно неуклюже.

Дружинин пристально всматривался в лицо Воеводина, пытаясь по выражению его угадать, с какими новостями явился майор.

— Ну-с, чем порадуете? — нетерпеливо спросил он.

— Радовать нечем, — мрачно ответил Воеводин. — Плохо дело...

Дружинин заметно изменился в лице:

— Вы, значит, произвели уже детонирующие взрывы?

— Произвел.

— На всех трех заводах?

— На всех трех.

— И?..

— Никакого эффекта. Дружинин нахмурился.

— Может быть, Хмелев в самом деле решил поиздеваться над нами? — раздраженно произнес он и бросил давно уже потухшую папиросу. — Но нет, не выйдет это, — добавил он уже спокойно.

Вошла Варя.

— Владимир Александрович, — сказала она, — к вам Строгановы — отец и сын.

— Вот это здорово! — Дружинин повернулся к Воевину: — Вы знаете, кто такие Строгановы? Это лучшие в области специалисты по монтажу заводского оборудования. Мастера высокого класса. Артисты!.. Зови их, Варя!

Воевин поднялся, собираясь уйти.

— Нет, нет! — запротестовал Дружинин и, взяв его за плечи, усадил на место. — Я прошу вас остаться. Не мешает и вам послушать наших кадровых рабочих.

Совет Строгановых

Распахнулась дверь. Вошли рослые, широкоплечие отец и сын Строгановы.

— Иван Прокофьевич! Илья Иванович! — радостно воскликнул Дружинин. — Вот спасибо! Спасибо, что не забыли. Откуда же вы? Я адреса вашего раздобыть не мог. Ходили даже слухи, будто погибли вы на фронте,

Строганов-старший сказал степенно, с легкой усмешкой:

— Погибать-то погибали, и не раз, да вот, как видите, не погибли. Я партизанил, а Илья в армии был. Гвардии старшина, полный кавалер ордена Славы. Можете поздравить.

Владимир Александрович крепко пожал руку Илье Строганову, и тут взгляд его упал на Воевина, о котором он совсем было забыл.

— Прошу познакомиться, — обратился он к Строгановым, делая жест в сторону Алексея: — гвардии майор Воевин.

Строгановы пожали майору руку.

— Ну, а теперь присаживайтесь и рассказывайте, — оказал Дружинин, подвигая Строгановым стулья.

— Мы к вам, Владимир Александрович, прямо из областного центра, — начал Иван Прокофьевич. — Только что кончили там монтаж оборудования. Работа, скажу я вам, была мелкая, а мы прямо-таки истосковались по большому делу.

Илья Строганов поддержал отца:

— Что верно, то верно. Уж я бывало на фронте не раз бойцам своим о вас рассказывал. Вспоминал горячие денечки, когда вы на трансформаторном секретарем парткомитета работали. Боевое было время!

— Верно говоришь, — подтвердил Строганов-старший и обратился к Дружинину: — Вот и теперь, Владимир Александрович, хотим мы так поработать. Узнали, что вы всем районом командуете, и решили к вам податься. Пошли в обком, думали — драться придется за путевку к вам, а нам говорят: “К Дружинину? Пожалуйста!”

Владимир Александрович улыбнулся и спросил с любопытством:

— Ну, а как догадались-то, что у меня дело большое? Говорят, что ли, много об этом в области?

Илья Строганов собрался ответить, но отец опередил его:

— Да что говорить! И без того каждому ясно. Сами посудите: заводы у нас в Краснорудске транспортного машиностроения. А на транспорт в послевоенной пятилетке отпущена одна шестая всех капиталовложений в народное хозяйство. Как же тут не сообразить, что заводы эти будут в первую очередь и в широком масштабе восстанавливаться? — Старик подкрутил усы и усмехнулся: — Мы ведь в политике малость разбираемся.

— Всё, значит, будем на ноги ставить? — удалось наконец Илье вставить словечко. — Всю районную промышленность?

— Всё и всю, — весело ответил Дружинин. — Но только теперь придется работать еще быстрее, чем до войны.

— Когда прикажете в строй становиться? Мы готовы, — серьезно ответил Строганов-старший.

— Успеете еще, — уклончиво ответил Владимир Александрович. — Устраивайтесь пока с квартирами.

— Да что нам устраиваться-то? Мы уже у родичей своих определились.

— Устраивайтесь, устраивайтесь обстоятельнее. С работой все равно придется повременить.

— Как же это так — повременить? — удивился Иван Строганов.

— Не в вашем это характере, Владимир Александрович — поддержал отца Илья. — Непонятно это...

Иван Прокофьевич нахмурился и сказал строго:

Вы уж выкладывайте лучше все начистоту. Мы свои люди, скрывать от нас нечего. Поговаривают, будто фашисты с заводами что-то натворили. Мины вроде поставили. Правда это, Владимир Александрович?

— Правда, — угрюмо ответил Дружинин, — Один из заводов враги заминировали. Пока не отыщем мину, работу начинать нельзя. Я не могу рисковать людьми.

— А ее ищут?

— Ищут. Да вот майор Воевин со своими саперами ищет.

— Очень хорошо, — одобрительно отозвался Строганов-старший. — Искать ее, конечно, нужно, но зачем же восстановительные работы из-за этого приостанавливать — непонятно. Выходит, нас мина страшит? А

разве не ходили мы в годы войны по минным полям? Не таскали этих мин в вещевых мешках, уходя на боевые задания в тыл противника?

Дружинин повернулся к окну, избегая взгляда Ивана Прокофьевича.

— Оно, может быть, и негоже простому рабочему самого секретаря райкома партии учить, — продолжал взволнованно старик, — но я тебе все же, как коммунист коммунисту, скажу: собери ты, Владимир Александрович, народ, скажи ему прямо, что завод заминирован, и предложи идти работать тем, кто не боится этой мины. Вот увидишь — все пойдут! А майор между тем пусть делает свое дело.

Дружинин протянул руку Строганову:

— Спасибо, Иван Прокофьевич, спасибо за совет! Поверьте моему слову — недолго осталось ждать. Вспрос всего нескольких дней.

Илья легонько толкнул отца локтем:

— Не пора ли нам?

Иван Прокофьевич решительно поднялся:

— Ну, мы пойдем. Извините, если чего лишнего наговорили, но ведь мы свои люди, на нас нельзя быть в обиде. А совет наш помните.

Проводив Строгановых до дверей, Дружинин вернулся к Воеводину и сказал восхищенно:

— Какой народ! Да ведь с таким народом черт знает что можно совершить! Разве испугаешь его какой-то вражеской миной?

По-прежнему все в тумане

Следующий день был спокойным. С утра Дружинин ездил в горсовет по неотложным делам, потом совещался в райисполкоме с прибывшими инженерами, принимал у себя заведующего горно. А когда наконец немного освободился и взялся за газеты, вошла Варя и доложила, что пришел инженер Орликов.

— Сергей Сергеевич? — удивился Дружинин. — Да ведь он был у меня сегодня! Что там у него такое?

— Говорит, по неотложному делу.

— Ну что ты будешь делать со стариком! — вздохнул Дружинин. — Пригласи его.

Пожилый, седоволосый инженер Орликов вошел, слегка прихрамывая и опираясь на толстую палку с массивным набалдашником.

— Извини, Владимир Александрович, что я надоедаю, — густым басом начал он, — но я к тебе с жалобой на саперов. Что же это такое! Оцепили все заводы и никого не подпускают. Как же я смету составлять будущую?

— Ну-ну, успокойся! — улыбнулся Дружинин. — Раскипятился! Ничего, дорогой Сергей Сергеевич, не поделаешь. Ты же знаешь, что заводы заминированы и могут в любой момент взорваться?

— Ну так что ж из того, что заминированы? — не успокаивался Орликов. — А когда я мост через Дон строил, так нас день и ночь бомбили и обстреливали, а я его все-таки построил. И ничего, жив-здоров, как видишь.

— Ну, тогда была война, а теперь другое дело, — заключил Дружинин.

— Как “другое дело”? Разве дух боевой уже выветрился?

— Не узнаю тебя, Сергей Сергеевич! Очень ты ершистым стал, — засмеялся Дружинин и серьезно добавил: — Дело тут, конечно, не в боевом духе, а в простом благоразумии, так что ты два-три дня воздержись от посещений заводов. Я тебе просто запрещаю это. И не будем больше портить настроение друг другу. У тебя всё?

— Всё, — мрачно отозвался Орликов.

Дружинин подал ему руку;

— Ну, будь здоров!

Когда инженер ушел, Владимир Александрович снова взялся за газеты. Но тут Варя доложила о приходе капитана Шубина.

Хмурое лицо капитана не предвещало ничего хорошего. Это отметил Дружинин еще до того, как Шубин вымолвил слово.

— Ну, что новенького? — спросил его Владимир Александрович и, не дождавшись ответа, сказал: — По-прежнему, значит, плывем в тумане? Интересно все-таки, как же Хмелев ведет себя теперь?

— Очень странно, — ответил Шубин, закуривая папиросу. — Все свободное время проводит в библиотеках, хотя, по наведенным мною справкам, он никогда особенно не увлекался чтением.

— Что же привлекает его в библиотеках, какая литература?

— Берет разнообразные книги по какому-то списку, перелистывает их и, не читая, возвращает.

— Да... — согласился Дружинин. — В самом деле, все это странно!

Что ищет Хмелев?

Владимир Александрович давно уже не имел представления об отдыхе. Ему даже казалось, что он не нуждается в нем. Он терпеть не мог безделья. А теперь, в дни великой восстановительной страды, выходные дни были особенно тягостны для него. Дружинину тяжело и больно было смотреть на остановившиеся станки, опустевшие комнаты учреждений. Ему начинало казаться тогда, что все замерло вокруг, перестало двигаться и совершенствоваться.

Первое время он просиживал в райкоме все выходные дни. Но, видя, что его примеру последовали и другие работники, стал работать дома, запретив и остальным заниматься в райкоме в дни отдыха. Теперь же, когда возникла угроза взрыва, Владимир Александрович забыл не только об отдыхе, но и о сне. Он видел в mine коварного и хитрого врага, который не наносил пока осязаемого удара — он лишь ежечасно, ежеминутно грозил им, но уже и в одной только этой угрозе таилась опасность.

Дружинин был волевым, темпераментным человеком; Он принимал всегда быстрые и смелые решения, но теперь нужна была другая тактика. Он обязан проявить особую осторожность, выдержку и тщательно проанализировать создавшуюся обстановку. Владимир Александрович хорошо понимал необходимость этого, но сильно досадовал на то, что приходилось терять драгоценное время.

В газетах уже сообщалось о первых успехах соседних промышленных районов. Во всех уголках страны шла стройка, а в Краснорудске работа застопорилась из-за угрозы взрыва. Дружинин верил в искусство Воеводина и не сомневался, что рано или поздно он найдет мину. Вопрос только в том — когда?

Шубин шел к той же цели своим путем. Он видел разгадку тайны в самом Хмелеве, который не договаривает чего-то. Дружинин был с ним отчасти согласен в этом, но ему казалось, что Шубин ошибается, исходя из одних только подозрений. Владимир Александрович решил сходить к Хмелеву и вызвать его на откровенный разговор.

Небольшой аккуратный домик бывшего кузнечного мастера находился в конце тихой, безлюдной улицы. Владимир Александрович вышел из машины домов за пять от него и пошел дальше пешком. Еще издали увидел он сидевшего у окна Хмелева. Подойдя поближе, Дружинин заглянул в низкое окошко. Его удивил беспорядок, царивший в комнате: пол ее был завален книгами, тетрадями и какими-то бумагами.

“Уж не сошел ли с ума старик?” мелькнула вдруг у Владимира Александровича мысль. Он хотел было отказаться от своего намерения зайти в дом, но в это время старый мастер поднял глаза и увидел Дружинина. Хмелев поспешно вскочил на ноги и, крикнув что-то, побежал открывать дверь.

— Здравствуйте, Владимир Александрович! — приветливо сказал он. — Заходите, пожалуйста. Вот уж не ожидал вас у себя увидеть! Премного вам за это благо дарен.

— Вы ведь не знаете, зачем я пришел к вам. Может быть, зря благодарите-то, — заметил Дружинин.

Хмелев улынулся:

— Если бы кто-нибудь другой пришел, я бы не решился, пожалуй, так вдруг благодарить, а вас вот благодарю.

— Почему же?

— Я знаю, мне теперь не доверяют. Поверить мне в самом деле нелегко. Однако таким людям, как вы, легче, чем другим, разобраться — сломлен во мне дух советский или не сломлен. Вам, мне кажется, знать человека глубже полагается, чем другим, и верить в него крепче, чем другим.

— Любопытно рассуждаете, — произнес Дружинин, дивясь неожиданной логике Хмелева. — Вот только ведете себя не совсем понятно. Если бы дух советский не был в вас сломлен, вы не примирились бы с недоверием, которое к вам питают, старались бы рассеять его. — Он обвел глазами пол, заваленный книгами, и добавил раздраженно: — Черт знает, что у вас тут творится! Прямо-таки погром какой-то...

Хмелев, казалось, не обратил никакого внимания на это замечание и спросил:

— А откуда это видно, что дух советский во мне сломлен? Нет, Владимир Александрович, я еще не отказался от надежды защитить свое достоинство. Ход мыслей у меня такой: перво-наперво нужно было решить, что у нас сейчас самое главное. Прикидывал я и так и этак, и выходило, что главное сейчас — это судьба заводов. Значит, если я помогу решить главное, то буду действовать по-советски, а люди потом пусть уж сами решают, что я за человек. Короче говоря, хочу я помочь мину найти, а что при ней могут документы, порочащие меня, оказаться, так это уж дело второстепенное.

Увидев, что Дружинин все еще стоит посреди комнаты, Хмелев спохватился вдруг и подал ему стул,

— Садитесь, пожалуйста, — смущенно проговорил он. — Простите, что сразу не предложил вам присесть. Тяжело мне, Владимир Александрович, на старости лет недоверие видеть... Об этом день и ночь неотступно думаю, потому, может быть, чудачком стал казаться. Вот эти книги почему разбросаны? Перевод донесения Гербста ищу. Оно ведь по-немецки было написано, и я не мог разобраться в нем. Попросил племянника, ученика восьмого класса, перевод сделать. Он перевел донесение на русский язык, а я для памяти записал все на бумажку и, помнится, сунул ее в какую-то книгу. У меня ведь целая библиотека после сына осталась. Совсем недавно я передал ее горсовету на пополнение городских читален, разграбленных фашистами. Вот и хожу теперь по библиотекам, ищу свои книги, а в них листок с переводом. Подлинник-то я капитану Овсянникову передал, когда он стал мину разыскивать. Донесение хотя и не дописано, но в нем есть кое-какие цифры, которые, возможно, пригодились бы.

— Что же это за цифры? Вы разве не помните? — спросил Дружинин.

— Нет, не помню. Забыл за три года.

Владимир Александрович посмотрел на часы и поднялся со стула.

— Ну, мне пора, Тихон Егорович, — произнес Дружинин. — Листок тот, если вы его найдете, покажите мне обязательно.

— А как же иначе, Владимир Александрович! — возбужденно воскликнул Хмелев. — Для чего же тогда и искать его?

Взрыв произойдет сегодня

Едва Владимир Александрович пришел в райком, как к нему явился капитан Шубин.

— Вы, кажется, от Хмелева только что? — спросил он.

— А вы откуда знаете?

— У секретаря вашего навел справку, — ответил капитан. — Любопытно, что поведал вам старик?

Владимир Александрович рассказал ему о встрече с Хмелевым. Выслушав его, Шубин неторопливо развернул какую-то бумажку и произнес:

— Ну, я, кажется, опередил Хмелева, раньше его нашел перевод донесения.

— Неужели уже нашли? — удивился Дружинин. — Но как же вы догадались, что он именно перевод донесения разыскивает?

— Должен вам признаться, я об этом и не догадывался вовсе. Ясно мне было лишь, что Хмелев упорно разыскивает что-то в книгах, которые, как нам удалось выяснить, сам же пожертвовал местным библиотекам. Раздобыв список всей пожертвованной им литературы, мы по абонементным листкам Хмелева установили, какие из своих книг он уже просмотрел, а остальные перелистали сами. И вот в одной из них нашли донесение Гербста.

— Выходит, что Хмелев не обманывал нас, — с облегчением сказал Дружинин, но так как Шубин ничего не ответил на это, спросил: — Вы разве еще сомневаетесь в чем-то?

— Я просто не тороплюсь с таким выводом. Если перевод донесения Гербста поможет нам отыскать мину, никаких сомнений у меня уже не останется. Не думаю, впрочем, что можно будет извлечь что-нибудь из этих скудных данных. Вот, взгляните-ка сами.

С этими словами капитан протянул Дружинину листок бумаги. Владимир Александрович подошел к окну и не без труда прочел потускневшую от времени карандашную запись:

“Господину майору фон Циллиху.

В соответствии с вашим распоряжением, минирование произведено 12 мая 1943 года. Поставлено 168 кг взрывчатого вещества (6 зарядов по 28 кг). Замедление взрывателя рассчитано на три года. Исходя из идеи вашего замысла и будучи уполномочен на самостоятельные действия, я решил...”

На этом донесение обрывалось. Дружинин дважды перечитал его и вдруг воскликнул:

— Позвольте, какое же у нас сегодня число? Двенадцатое мая? Черт побери, как раз ровно три года с тех пор, как была установлена мина! Взрыв-то, значит, произойдет сегодня?..

Снова поиски

Варя, взволнованная и возбужденная, встретила Воеводина у дверей приемной.

— Как хорошо, что ты пришел, Алеша! А я уже хотела тебя разыскивать.

— Случилось что-нибудь? — спросил Воеводина.

— Я не знаю подробностей, — ответила Варя, — но то, о чем говорили при мне Владимир Александрович и Шубин, показалось мне очень важным. Тебя они пока не спрашивали, но я не сомневаюсь — ты им скоро понадобишься. Подожди минутку, я доложу о тебе.

Оказалось, Воеводина в самом деле был очень нужен Дружинину, и он приказал тотчас же пригласить его. Поздоровавшись, Владимир Александрович коротко ввел Алексея в курс дела и подал донесение обер-лейтенанта Гербста.

— Сможет это пригодиться вам? — спросил он.

Майор внимательно прочел донесение. Подумав немного, ответил:

— Пригодится, конечно. Я попытаюсь сделать кое-какие расчеты, хотя должен признаться, что и на этот раз общий вес зарядов меня очень смущает.

Дружинин взволнованно ходил по комнате. Шубин сидел у окна. Возле него стояла пепельница, переполненная окурками.

— В конце концов, обстановка, по-моему, разряжается, — произнес наконец Дружинин. — Пусть эта мина, черт бы ее побрал, взрывается сегодня! С этим, видно, ничего не поделаешь, но зато завтра мы сможем спокойно приняться за работу.

— Не думаю, чтобы она взорвалась так скоро, — заметил Воеводина.

— Как? Вы разве сомневаетесь в точности даты? — удивился Шубин.

— Нет, дело тут не в точности даты, — ответил Воеводина. — Если бы взрыв должен был произойти ровно через три года, то он уже произошёл бы еще одиннадцатого мая, так как из этих трех лет один год был високосным. Но дело в том, что Гербст вообще не мог указать точного срока взрыва. Это ведь совершенно невоз-

можно. Двенадцатое мая может быть только теоретической датой. Практически же совершенно неизбежны отклонения в сторону уменьшения или увеличения этого срока.

— Это ваше предположение? — спросил Шубин. — Или существует какая-то закономерность?

— Нет, не предположение. Даже такие точные взрыватели, как, например, часовые, имеют отклонение в ту или иную сторону, — пояснил Воеводин. — Финский восьмисуточный взрыватель с часовым механизмом имеет точность установки плюс-минус один час. У немецкого часового двадцатисуточного взрывателя при установке его на предельный срок точность хода плюс-минус шесть часов. А в электрохимическом взрывателе при установке его на сто двадцать суток возможно отклонение до пятнадцати процентов в сторону увеличения этого срока. Вот и судите, каково может быть отклонение при трехгодичном сроке замедления.

— Давайте все-таки хладнокровно во всем разберемся, — предложил Дружинин. — Выходит, что взрыватель на заминированном заводе должен сработать двенадцатого мая или в промежутке между двенадцатым мая и, допустим, двенадцатым августа. Так?

— Да, так, — поддержал его Воеводин.

— Если бы он сработал сегодня или завтра, — произнес Владимир Александрович, — это еще полбеды. Но ждать три месяца, три месяца жить в неизвестности, в ожидании взрыва — невозможно. Что же делать в таком случае?

— Искать, — твердо ответил Воеводин. — Снова искать!

— Но как же мы будем теперь искать? — спросил Дружинин.

— Теперь искать будет легче, — убежденно заявил Воеводин.

— Почему же легче?

— Потому, Владимир Александрович, что у нас есть сейчас некоторые данные: количество установленных зарядов и их вес. Сложное уравнение со многими неизвестными превращается, таким образом, в уравнение с одним неизвестным. Я тотчас же приступлю к его решению и, если у вас нет ко мне больше вопросов, прошу отпустить меня.

Майор ушел. Следом за ним поднялся и Шубин. Дружинин остался один. Невесело думал он о сложившейся обстановке. Ну чем, в самом деле, могут помочь Воеводину эти жалкие данные?..

Размышления Дружинина неожиданно прервала Варя. Она вошла со стаканом чаю и бутербродом.

— Вы ведь не пообедали сегодня, Владимир Александрович, — сказала она, ставя стакан на стол. — Выпейте хоть чаю.

— Спасибо, Варя! С удовольствием выпью. Никакие потрясения не убивают во мне аппетита.

Он отпил несколько глотков горячего чая и, остановив Варю, направившуюся к двери, спросил:

— Знаешь, как дела-то обстоят?

— Догадываюсь.

— Выходит, в самом деле эта проклятая мина стала нам поперек дороги. Но, чорт побери, не так-то просто нас остановить! Ты раздобыла подробные схемы наших заводов?

— Раздобыла, Владимир Александрович, — ответила Варя. — Пришлось все архивное управление перевернуть и переругаться со всеми архивариусами, но схемы я все-таки отыскала. Сейчас принесу их.

Спустя несколько минут Варя принесла три больших, сильно помятых свертка и положила перед Дружининым. Владимир Александрович развернул их и с интересом стал рассматривать. Варя, смотревшая на них через плечо Дружинина, заметила:

— А что, если мы дадим эти схемы Алексею? Ведь тут все мельчайшие детали видны.

— Это идея, — согласился Дружинин. — Непременно нужно передать их ему. Поезжай немедленно.

У рыбака Рощина

Капитан Шубин продолжал напряженно обдумывать создавшееся положение, хотя ему и казалось, что теперь он мало чем может помочь Воеводину.

Еще вчера он вызвал всех своих оперативных работников и дал им задание: расспросить краснорудцев, проживающих в районе заводов, не замечали ли они немецких солдат на заводской территории в день эвакуации фашистов из города.

Помощники Шубина навели необходимые справки. Выяснилось, что никто из краснорудцев не видел в тот день на территории заводов немецких солдат. Более того, некоторые из опрошенных уверяли даже, что сами бродили в этот день по заводам в поисках топлива и, следовательно, не могли не встретиться с фашистами, если бы они там находились.

Сведения оказались малоутешительными. Но это не остановило Шубина. Несмотря на неясность обстановки, капитан решил действовать. После разговора в кабинете секретаря райкома партии он вызвал одного из своих офицеров.

— Помнится, товарищ Никитин, — обратился он к нему, — вы докладывали мне о рыбаке Рощине, у которого гитлеровцы отобрали лодку в тот день, когда эвакуировались из города. Как по-вашему, для чего она могла им понадобиться в такой момент?

— Да уж не для увеселительной прогулки, конечно, — ответил Никитин. — Старик Рошин, вспоминая об угнанной лодке, говорил, что фашисты на ней куда-то поспешно направились. Я слышал об этом от его сына.

— Не удирать же они на ней вздумали? — продолжал размышлять Шубин. — Река-то на восток течет, и им, стало быть, не по пути. — Так точно, товарищ капитан. Река течет на восток, и фашистам это явно не по пути было, а против течения грести просто нелепо, — заметил Никитин.

— Где живет Рошин, вы знаете? — спросил Шубин.

— Так точно, знаю. Пригласить его?

— Нет, зачем же старика беспокоить. Мы сами поедем к нему. Вызовите мою машину.

...Рошина Шубин застал за просушкой сетей на берегу реки. Старик приветливо поклонился ему, сняв белый парусиновый картуз.

— Ну, как жизнь, папаша? Как рыбачите? — приветствовал его капитан.

— Ничего себе, жаловаться не на что.

Присмотревшись, Шубин заметил старую лодку, до половины вытасценную на берег, и сказал сочувственно:

— Лодочка у вас плоховата.

— Верно говорите, — согласился старик. — Хорошую-то фашисты угнали при отступлении. Офицер и хний вдобавок еще по зубам надавал.

— А зачем же им лодка понадобилась?

— А кто их знает! Ящиками они ее какими-то нагрозили. Помнится, очень уж осторожно они их укладывали, будто посуду хрупкую. Я так и подумал тогда: не иначе, как добро награбленное куда-то переправляют.

— Ну, а еще у них было что-нибудь, не помните? Может быть, инструменты какие-нибудь?

— Было, кажись, и еще что-то, да я уж запомнил. А вот ящики запомнились, потому как уж больно они церемонились с ними.

Капитан Шубин слушал рыбака, задумчиво прохаживаясь вдоль развешанных на шестах сырых сетей. Остановившись перед стариком, он спросил:

— А направились-то они куда: вниз или вверх по течению?

— Вниз, — уверенно ответил рыбак. — Это я точно помню.

— Ну, спасибо, папаша! — Шубин протянул Рошину руку. — Извините за беспокойство.

В поисках решения

За столом, заваленным справочниками, таблицами и номограммами, сидел майор Воеводин. На книгах лежала целая стопа исписанной бумаги, но дело не шло на лад. Расчет на подрывание заводов совершенно не совпадал с цифрами отчета, составленного Гербстом. Вес зарядов был ничтожно мал. Что можно взорвать таким количеством взрывчатки? К тому же было непонятно, почему поставлено именно шесть зарядов одинакового веса.

В подрывном деле есть свои жесткие правила, пренебречь которыми может только человек, не знакомый с техникой подрывания. Но Воеводин знал: минирование производил саперный офицер, к тому же немец, следовательно он должен был с особенной педантичностью соблюдать эти законы. Не мог же он начинить фугас 168 килограммами взрывчатого вещества и рассчитывать на разрушение мощного заводского корпуса? Чтобы подорвать завод, ему потребовались бы многие сотни килограммов. Даже если допустить, что он применил взрывчатые вещества повышенной мощности, как, например, гексоген, то и этого оказалось бы недостаточно. Гексоген лишь в два раза сильнее тола и хотя химически довольно стоек, но зато весьма чувствителен к удару и трению.

“Нет, — решил майор, — так далеко не уйдешь. Вес нужно пока оставить в покое...”

И снова принялся размышлять о количестве зарядов. Целесообразно ли было минировать завод шестью одинаковыми по весу зарядами? Майор развернул схемы и попытался разместить в фундаменте завода шесть зарядов, но убедился в полной неосуществимости этой затеи. Да и вообще, был ли смысл так расставлять их? Воеводин знал все способы подрывания каменных и железобетонных зданий, но способ, примененный Гербстом, был беспремерным. Он больше подходил к минированию мостов.

И тут на мгновение мелькнула мысль: “А что, если в самом деле мост?”

Нет, это нелепо... Какой мост? Река огибала город в двух километрах от его восточной окраины, и лишь в трех местах ее стояли деревянные четырехпролетные мосты. И затем, какое отношение имели мосты к заводам? Нет, уж если допустить, что заминировано что-то другое, то оно непременно должно иметь отношение к заводам. В противном случае данное предположение лишалось смысла.

Чем больше думал об этом Воеводин, тем очевиднее казалось ему такое допущение. К тому же, если тут действовал тот же самый Гербст, со стилем которого он познакомился в Ольшанских шахтах, то именно так запутанно обер-лейтенант и заминировал бы все: разными хитрыми ходами отвел бы он внимание от главного. Ведь скольких трудов стоило тогда, в Ольшанских шахтах, нащупать участки минирования! Вначале все казалось очень простым. Были и следы какие-то и очевидцы, уверявшие, что именно здесь саперы зарывали что-то. А на деле мины оказались совсем в другом месте. Надо, значит, и теперь идти не прямым, а окольным путем...

Телефонный звонок нарушил ход мыслей Воеводина. Он снял трубку и услышал голос Шубина:

— Ну, как у вас дела, товарищ Воеводин? Все еще не удалось решить задачу? А у меня догадка одна мелькнула. Не допускаете ли вы возможности, что минированы не заводы, а что-то другое, имеющее к ним прямое отношение? Я проверю еще кое-что и заеду к вам, выскажу свои соображения поподробнее.

“Выходит, что и Шубин пришел к такому же заключению, — подумал майор, вешая трубку. — Не случайно это...”

Конечно, и здесь Гербст пошел на хитрость. Но что же все-таки он заминировал? Воеводин перебрал в памяти все предприятия города, однако не нашел ни одного, имеющего непосредственное отношение к заводам. Майор, впрочем, плохо знал Краснорудск.

Он хотел было позвонить Дружинину и посоветоваться с ним, но тут внимание его привлек шум машины. Воеводин подошел к окну и увидел автомобиль, остановившийся у его дома. Дверца его открылась, и вышла Варя.

— Варя! — окликнул ее Алексей и поспешил ей навстречу. — Уж не за мной ли ты?

— Ну, как у тебя дела? — спросила Варя, входя в комнату.

— Без изменений.

— Хотя ты перепробовал все на свете и поставил на ноги всю свою военно-инженерную науку? — Варя села ближе к столу. — Как таинственно и страшно все получается! Ведь где-то там, под землей, спрятана смерть. Я бы даже сказала, консервированная смерть...

— В mine — консервированная смерть! — воскликнул Воеводин. — Ты очень метко выразилась.

— Эта смерть притаилась, — продолжала Варя, — и ждет своего часа. Никто не знает, когда он пробьется, и это делает смерть особенно страшной. Но ты должен схватить ее за горло. И схватишь, я уверена в этом!

— Конечно, я схвачу ее, — убежденно заявил Воеводин. — Ведь в противном случае она схватит за горло меня. И не только меня, но и будущий завод, его машины, людей... Этого, Варя, я никогда не забываю.

Сжав его руку, Варя вдруг прильнула к нему и прошептала:

— По правде сказать, я очень боюсь за тебя, Алеша. Мина ведь может взорваться совсем неожиданно. Разве могу я не думать об этом каждый день, каждый час?..

Воеводин нежно обнял ее и ласково утешил:

— Ну-ну, Варюша, не будем говорить об этом... Я ведь не первую снимаю. Все будет хорошо.

И, чтобы успокоить ее, он стал рассказывать, как снимал мины на переднем крае обороны и в глубине позиций противника. Его бомбили, обстреливали из минометов, а он лежал на сырой земле и ночью на ощупь вырывал жало у злых, настороженных мин. Одно неверное движение — и все было бы кончено. Не только собственная жизнь, но и успех готовящейся операции зависел от его умения. Подорвись он на минах — враги тотчас поняли бы, что делается проход в минном поле и, значит, готовится наступление. И он научился быть безошибочно точным, научился находить мины шестым чувством сапера.

Однажды фашисты заминировали городской театр. Предполагалось, что они поставили мину замедленного действия. В помещении театра нужно было срочно разместить бойцов, а в батальоне вышли из строя все стетоскопы, которыми такие мины обнаруживаются. И вот тогда, без приборов, обдирая в кровь уши и щеки, почти целые сутки прослушивал он стены театра и уловил наконец стук часового механизма. Стук этот был так тих, что ощутил он его скорее сердцем, чем ухом.

— Ну, а теперь-то как же? — спросила Варя, взволнованная рассказом мужа. — Теперь-то не поможет разве сердце?

Она посмотрела Алексею в глаза и, не дождавшись ответа, протянула ему длинный сверток плотной бумаги:

— Вот, привезла подробные схемы заводов. Пригодятся они тебе?

Воеводин развернул схемы, внимательно просмотрел их и ответил:

— Если бы ты мне подробный план города и его окрестностей раздобыла, он, пожалуй, больше бы мне пригодился. Я ведь мало знаком с Краснорудском.

— Зачем же план? — удивилась Варя. — Ведь это мой родной город, и я в нем каждую улицу, каждый дом знаю. Девочкой я бегала по этим улицам, училась здесь и никогда отсюда не выезжала. Все заводы, все большие здания на моих глазах строились. Это же совсем молодой город, почти ровесник мне. С чего же начать, Алеша?

— Перечисли все предприятия города.

— Хорошо, начнем с предприятий. В окрестностях у нас две крупные мельницы, элеватор, три МТС... Дай-ка мне лист бумаги. Я тебе все сейчас наглядно изображу.

Воеводин подал ей лист трофейной топографической карты и предложил писать на оборотной его стороне.

Варя старательно вычертила границы города, широкой линией обозначила реку и сказала:

— В пяти километрах от города, на реке, вот в этом месте примерно, гидроэлектростанция.

— Гидроэлектростанция?! — воскликнул Воеводин. — А ты была на ней после войны?

— Конечно, и не раз. Ее ведь восстановили сразу после освобождения города.

— Плотину ее помнишь?

— Помню. Очень красивая плотина, совсем как...

— А сколько бычков у этой плотины? — нетерпеливо перебил ее Алексей. — Ну, этого я не знаю точно. Пять или шесть, кажется. Но что же ты так разволновался, Алеша?

Воеводин, не ответив, спросил ее:

— Не могу ли я воспользоваться машиной? Мне срочно нужно побывать на этой электростанции.

— Машина Владимира Александровича, — ничего не понимая, сказала Варя. — Но если она нужна для дела, то я беру на себя смелость разрешить тебе воспользоваться ею. Поезжай!

Подвиг Воеводина

Спустя пятнадцать минут майор Воеводин был уже за городом. Машина почти на полной скорости неслась по шоссе вдоль реки. Было около шести часов вечера, и Алексей торопился. Конечно, невероятно, чтобы мина взорвалась именно двенадцатого мая, но чем черт не шутит!..

Воеводин всегда ругал шоферов за лихачество, но сегодня ему казалось, что машина идет недостаточно быстро. От волнения ему стало душно. Он снял фуражку. Ветер, со свистом врываясь в кабину, ожесточенно трепал его волосы. Склонявшееся к закату солнце, ударяя в ветровое стекло машины, слепило глаза. Река сверкала золотой чешуей легкой зыби.

— Эх, и денек сегодня, товарищ майор! — восхищался шофер.

— Да, денек... — согласился Воеводин и вытер платком потный лоб.

Наконец показалось белое здание Краснорудской гидроэлектростанции. Майор на ходу сосчитал количество бычков плотины. Их было шесть.

— Стоп! — крикнул он шоферу, когда они поравнялись с электростанцией.

Выскочив из машины, Воеводин поспешил к дежурному инженеру.

— Какова толщина бычков вашей плотины? — без всякого предисловия начал он.

— Четыре метра, — ответил инженер, с удивлением смотря на майора. — Но зачем это вам?

— Одну минутку! — взволнованно произнес Воеводин и поспешно раскрыл блокнот.

Формулу расчета сосредоточенного заряда Алексей знал на память. На чистом листе блокнота он написал: $C = \alpha R^3$. "C" — это вес заряда. Воеводин обозначил его через x и начал расшифровывать вторую половину уравнения. Ему был известен радиус бычка плотины: он составлял два метра. Кубическая степень его равнялась числу 8. Коэффициент α для бетонной кладки бычка при двухметровом радиусе был равен 3,5.

Каково же значение коэффициента α ? Воеводин задумался. Какой могла быть забивка и как расположены заряды? Несомненно, немецкие саперы должны были избрать самый верный способ: заряд в центре бычка и обязательно с забивкой. Тогда коэффициент α должен быть равен единице.

Майор быстро заменил в своей формуле буквы цифрами:

$$X = 3,5 \times 1 \times 8 = 28 \text{ кг.}$$

Это и был вес зарядов, указанный в донесении обер-лейтенанта Гербста. Теперь не могло быть сомнений: он стоит на верном пути. Воеводин с облегчением вздохнул и тут только заметил, с каким изумлением смотрит на него инженер.

Все еще не объясняя ему, в чем дело, он попросил разрешения позвонить и побежал к телефону, но в дверях почти столкнулся с капитаном Шубиным. — Как, и вы здесь?! — удивился Воеводин.

— Да, как видите, — ответил тот с улыбкой. — Я хотя и не сапер, но тоже почувствовал, что тут что-то есть. Кому звонить собираетесь?

— Дружинину, да и саперов своих хочу вызвать.

— Саперов вызывайте, а Дружинину я уже позвонил, — сказал Шубин.

Воеводин торопливо набрал нужный ему номер. Подошедшему к телефону командиру взвода приказал немедленно выслать на машине два отделения саперов с инструментами...

Саперы прибыли первыми, за ними — Дружинин и Варя.

В нескольких словах Воеводин рассказал Владимиру Александровичу о своем намерении обследовать бычки плотины.

— Вы полагаете, что заминирована только плотина? — спросил его Шубин.

— Судя по указанному в донесении количеству и весу зарядов — да. Им, собственно говоря, и незачем было минировать здание электростанции — все равно оно без плотины никуда не годится. На всякий случай мы проверим, конечно, всю территорию.

— Мне непонятно одно, — заметил Дружинин: — как же они заминировали плотину, когда она, так же как и электростанция, была взорвана нашими саперами при отступлении?

— А по-моему, тут все ясно, — ответил Воеводин. — Плотину взрывали наши саперы. Они учитывали, что рано или поздно нам же придется все это восстанавливать, поэтому взрывали только верхнюю часть бычков, а фашисты заложили мины в уцелевшую нижнюю часть.

— Тогда позвольте еще один вопрос, — продолжал Дружинин: — как получилось, что речь все время шла о заводах, а заминированной оказалась электростанция?

— И это объясняется просто. Ведь нам ничего определенного не было известно об объекте минирования. Мы только знали, что заводы находятся под угрозой взрыва. Так оно и было в действительности. Судьба заво-

дов, в случае если бы они были восстановлены, зависела бы от состояния питающей их электростанции. Теперь все понятно, но для этого нам пришлось размотать весьма запутанный клубок.

— Выходит, Гербст неточно выполнил приказание Циллиха?

— От него и не требовалось точного выполнения, — заявил Воеводин. — Ведь Циллих поручил ему произвести минирование по собственному усмотрению.

Когда Дружинин с Шубиным отошли немного в сторону, Варя с тревогой спросила Алексея:

— Что же ты намерен теперь делать?

— Вскрою бычки и обезврежу взрыватель мины.

— Это опасно?

— Как тебе сказать...

Варя нахмурилась и строго прервала его:

— Только говори всю правду, как другу. Я хочу знать, опасно ли это.

— Опасно.

— Мина ведь должна взорваться, кажется, сегодня? Можно ли трогать ее в такой момент?

— Она может взорваться и через три месяца.

— Ты не отвечаешь на мой вопрос. Разрешается проводить разминирование в такой критический момент?

— Видишь ли...

— Ты же всегда говорил мне правду, — снова перебила его Варя.

— Разрешается ли разминирование?

— Не разрешается. — И ты будешь разминировать ее сам?

— А кто же? — удивился Алексей. — Кому я доверю это дело? И как ты можешь меня спрашивать об этом?!

— Не кричи на меня, — еле сдерживая слезы, прошептала Варя. — Я твоя жена и хочу знать, на что ты идешь. Это не значит, что я удерживаю тебя. Ты здесь лучший сапер, значит тебе и идти на этот подвиг...

Между тем саперы обнаружили в нижней части бычков плотины неоднородность кладки. Прослушивание подозрительных участков пьезостетоскопами не дало никаких результатов, и Воеводин приказал осторожно проделать брешь.

Лишь спустя час во всех шести бычках удалось разобрать заделку. Когда все приготовления были закончены, Воеводин пробрался к первому бычку. В углублении его лежала мина замедленного действия. Она была заключена в желтый деревянный ящик. Он протянул к нему руки, но взял не сразу. Одного прикосновения могло оказаться достаточно, чтобы все мгновенно взлетело на воздух.

Конечно, было страшно. Но разве мог Воеводин допустить взрыв плотины, не попытавшись спасти ее? Разве он мог допустить, чтобы город снова погрузился во тьму, как в мрачные дни фашистской оккупации, чтобы остановились уже начавшие действовать предприятия и затормозилось восстановление краснорудских заводов?..

Собрав все свое мужество, с затаенным дыханием Воеводин осторожно приподнял ящик. Руки его дрожали, и он ничего не мог с этим поделать. Челюсти сами собой стиснулись, и на скулах вздулись мускулы. Во рту пересохло. Он опирался правым коленом о край выемки, проделанной саперами в стене бычка, левую ногу держал на выступе, почти у самой воды. Река, переливаясь через плотину, шумела за спиной, обдавая его холодными брызгами, от которых мороз пробегал по коже. Мина была теперь у него в руках, груз тянул их вниз, а Алексею нужно было сделать движение на себя, чтобы вытащить мину из ниши. Дорога была каждая секунда, но он будто окаменел от напряжения.

По заранее обдуманному плану, он должен был впустить мину на плотик, привязанный у основания бычка, и пустить его вниз по течению, чтобы саперы расстреляли мину из винтовок вдали от гидростанции.

Желтый ящик, который Воеводин держал в руках, был плотно закупорен, но майору казалось, что он отчетливо видит цилиндрический корпус взрывателя с до отказа завинченной крышкой, раздавившей ампулу с кислотой. Едкая жидкость, в течение трех лет разъедавшая металлический стержень, вот-вот завершит свою долгую работу. Боевая пружина взрывателя расправит тогда стальные суставы, готовясь вонзить жало ударника в капсюль-воспламенитель...

Часы или минуты оставались до взрыва — узнать невозможно. Ясно одно: время до этого рокового мгновения сокращалось с каждым ударом сердца, бившегося все учащеннее.

Сделав над собой усилие, Воеводин стал медленно поворачиваться всем корпусом. Будто сведенные судорогой, окостеневшие руки, описав дугу, медленно вынесли мину из ниши. Теперь нужно было осторожно снять колено с упора и, выпрямив ногу, поставить ее на самый нижний выступ бычка.

То, что так легко проделал бы Воеводин без мины, теперь казалось почти неосуществимым. Тяжелая ноша тянула вниз, нарушая равновесие. Скользили намокшие подошвы сапог. Рябило в глазах от быстро текущей

воды. Хотелось разжать руки и бросить мину в воду, но майор, стиснув зубы, страшным напряжением воли подавил минутную слабость.

Плотно прижавшись боком к стенке бычка, Воеводин медленно сполз вниз. Вскоре он уже сидел на корточках, и мина была теперь у самой воды. Не разжимая рук, майор осторожно опустил ее на плотик и тогда только перевел дыхание и рукавом гимнастерки вытер со лба холодный пот.

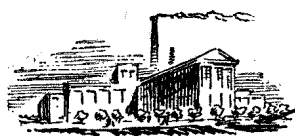
Остальные мины Воеводин извлекал уже спокойнее. Движения его стали решительнее, точнее. И хотя, поскользнувшись, он чуть было не упал в воду с третьей миной, уверенность в окончательной победе больше его не покидала. Только после того как все было сделано, он почувствовал вдруг, что колени его подгибаются и руки трясутся мелкой, противной дрожью.

После он вспомнил: первой к нему подбежала Варя, но что она говорила, что он отвечал ей — не осталось в памяти. Никто, кроме Вари, не заметил, как Алексей волновался.

На другой день Дружинин пригласил к себе Хмелева и сообщил ему, что нашлась наконец злосчастная мина. Старый мастер вздохнул облегченно и спросил:

— А как же документ немецкий с моей подписью? Нашли его, Владимир Александрович?

— Э, да черт с ним, с этим документом! — весело ответил Дружинин. — Не нашли мы документа. Да, видно, и не клали его туда фашисты, а хотели только запугать вас. Они надеялись, что страх заставит вас оберегать их тайну. Ничего не вышло. Дух советский победил в вас этот страх. — И он крепко пожал руку старому кузнецу.

ПО СВЕТЛОМУ СЛЕДУ

Неожиданная поездка

Евгений Курганов проснулся в этот день раньше обыкновенного. Не вставая, он смотрел на белую стену своего маленького домика из местного пористого камня, по которой медленно перемещался отпечатанный солнцем переплет окна.

Несколько дней назад экспериментальную базу, на которой Курганов работал старшим научным сотрудником, посетила специальная комиссия Бакинского энергетического института, которому база была подчинена. С тех пор и Антон Кириллович Сарычев, начальник базы, и Дмитрий Астров, молодой талантливый инженер, которого Сарычев считал своим учеником и последователем, как-то изменились вдруг. Дмитрий, впрочем, всегда был не очень разговорчив, а теперь ему было над чем подумать, так что молчаливость и задумчивость его имели хоть какое-то основание. Но почему Сарычев стал таким раздражительным? Почему с такой неохотой отвечал на вопросы Курганова?

Евгений напряженно думал обо всем этом, когда кто-то довольно бесцеремонно постучал в стекло. Приподнявшись на локтях, он увидел сухощавое пасмурное лицо Сарычева, просунувшееся в открытое окно.

— Собирайтесь, Евгений Николаевич, — хмуро произнес он. — На совещание в район нужно ехать. Забыл вчера предупредить вас об этом.

— На какое совещание? — удивился Евгений.

— По вопросу орошения, — ответил Антон Кириллович, пожевывая и потирая свежесбрившиеся щеки. — Райком партии его проводит. Приглашают персонально меня, вас, Астрова. Придется ехать. Собирайтесь, Евгений Николаевич, буду вас ждать в машине.

Минут через пятнадцать Курганов был готов к отъезду. Его механик Асмар Рагимов был лучшим шофером на базе, и когда Сарычеву предстояла длительная поездка, он всегда брал его с собой. Решил он взять Рагимова и на этот раз.

Курганов ничего не имел против, приказал только Асмару вывести из фокуса свою параболическую установку — солнечную машину, собирающую с помощью огромной вогнутой зеркальной чаши отраженные солнечные лучи узким пучком на гелиокотле, дающем пар высокого потенциала.

Асмар выключил поворотный механизм параболической чаши, автоматически подставляющий зеркальную чашу параллельно солнечным лучам, и она потускнела вдруг, потеряв весь свой блеск и величие. Когда Евгений подошел к автомобилю Сарычева, Дмитрия в нем еще не было.

— Разве Астров не собрался еще? — удивленно спросил Евгений.

— Он и не собирается, — ответил Антон Кириллович, и в голосе его почувствовалось легкое раздражение. — Не могу же я приостановить все работы на базе из-за этого совещания? Вы ведь знаете, как занят сейчас Дмитрий Иванович.

— А он знает об этом совещании?

— Знает, — будто сквозь зубы, процедил Антон Кириллович, — но ему не до того теперь.

— Совещание пошло бы ему на пользу, — заметил Курганов, садясь в машину.

— Вам-то оно на руку, конечно, — слегка понизив голос, проворчал Сарычев, — а ему — еще как сказать...

Евгений резко повернулся к Антону Кирилловичу и, едва сдерживая возмущение, заявил:

— Совещание это прежде всего на руку колхозному хозяйству района.

Сарычев поморщился, но ничего не ответил.

— Поехали, Асмар! — скомандовал он шоферу.

Минут пять ехали молча, затем Антон Кириллович повернулся к Курганову и спросил:

— Не понимаю, зачем мы с Астровым понадобились на это совещание? Вы коммунист, для вас присутствие на нем в обязательном порядке, но мы-то с Дмитрием Ивановичем люди беспартийные, зачем же нас на совещание в районный комитет партии потребовали?

— Кто потребовал, Антон Кириллович? — возмутился Евгений, сердито сдвинув брови. — Вас пригласили, но вы могли бы и не ехать, если полагаете, что вопросы орошения колхозных полей — дело сугубо партийное. По-вашему выходит, видимо, что к беспартийным ученым, работающим в засушливом районе Азербайджана, вопросы эти не имеют никакого отношения?

— Ну и колючий же вы человек! — проворчал Сарычев и недовольно отвернулся от Курганова.

Но у Евгения все бушевало внутри, и он не собирался кончать разговор.

— Нет, уж позвольте мне высказать все, Антон Кириллович, — раздраженно продолжал он. — Вы думаете, я не понимаю, почему с некоторых пор вы изменили отношение ко мне? Простить не можете, что, по моему заявлению, комиссия из института приезжала? Но разве это было неожиданностью для вас? Разве я не требовал от вас того же, что потребовала комиссия?

Сарычев молчал, сердито насупившись, а Евгений все еще не унимался и продолжал горячо обвинять Антона Кирилловича:

— И я и другие сотрудники нашей базы не раз предлагали вам вывести наши солнечные машины из “тепличных” условий экспериментальной базы на широкий простор колхозных полей и там завершить их испытание, но разве вы послушались нас?

— Вы добились своего, — отозвался наконец Сарычев. — Кончилась по вашей милости научная работа. Превратимся мы теперь из ученых-экспериментаторов в колхозных практиков.

— Ну, я вижу, с вами совершенно невозможно сегодня разговаривать, — сердито заметил Евгений, откинувшись на спинку сиденья, и не промолвил более ни слова во все остальное время пути.

Молчал и Антон Кириллович. Только Асмар вполголоса напевал какую-то азербайджанскую песню. Он, казалось, был совершенно спокоен, хотя Курганов хорошо знал, как близко принимал Асмар к сердцу все, что касалось экспериментальной базы.

Самед Мамедов мечтает о золотом ишаке

К зданию районного комитета партии Сарычев с Кургановым подъехали около десяти часов. Первый секретарь райкома Джафаров весело приветствовал их:

— А, ученые мужи! Салам алейкум! Вовремя приехали. Пойдемте, пора начинать совещание.

Их пригласили в президиум. Курганов сел рядом с Джафаровым, и секретарь райкома шепотом давал ему краткие характеристики каждого оратора. Когда на трибуну вышел председатель колхоза “Первое мая” Самед Мамедов, Джафаров заметил:

— Очень интересный человек. Лучший в области селекционер хлопка.

Самед Мамедов, высокий плотный мужчина, поправил пеструю пубетейку на бритой голове, достал из кармана гимнастерки военного образца какую-то бумажку, но, так и не взглянув на нее ни разу, стал горячо рассказывать о борьбе своего колхоза за выведение скороспелых сортов хлопка. Собрание услышало волнуемую повесть о том, как были превзойдены качества знаменитых сортов египетского хлопка “пима” и “маарад”, как “шредер” год за годом сдавал свои позиции новым, советским сортам хлопка, более скороспелым, более урожайным и имеющим большую длину волокна.

— Сейчас мы испытываем совершенно новый сорт хлопка, — с воодушевлением рассказывал Самед Мамедов. — Это питомец нашего колхоза. Он должен перевернуть все существующие представления об урожайности, но вот беда — ему грозит засуха. Мы орошаем хлопковые поля из местного озера, которое еще совсем недавно высыхало от частых засух. Теперь мы защитили его посадками деревьев. Уровень озера стал подниматься из года в год, но воды в нем все еще мало, и она не идет на хлопковые поля самотеком. Много сил приходится тратить, чтобы подавать ее в арыки. А этот год особенно жаркий. Мощную водокачку нужно ставить, чтобы вдоволь напитать поля водой. Такой водокачки нет пока под рукой. Плохо дело получается! Без воды хлопок может остаться. Что делать, спрашивается? Как спасти поля? Чем поднимать воду из озера?

Собрание слушало Мамедова внимательно. Чувствовалось, что и у других была такая же беда — лето в самом деле стояло исключительно засушливое, и почти все колхозы ощущали недостаток в воде.

— Вот и выходит, — продолжал Мамедов, — что не видать нам устойчивой урожайности без надежной системы орошения. Лесопосадки сберегают нам воду. Вода у нас есть, но подавать ее на поля не так-то просто. Долго мы ломали голову над тем, как это лучше и дешевле сделать, но вот недавно разговорились с одним ученым человеком о своей заботе, а он и говорит: “Дадим вам воды на поля сколько угодно”. — “Кто даст?” удивляемся мы. “Солнце даст”, отвечает ученый человек. “Солнце?! — кричу я. — Солнце, от которого сохнут наши поля?! Ты смеешься, наверное?” Но он не смеялся. Он сказал, что есть такие машины, солнечные машины, которые будут поднимать воду и орошать наши поля. Чем сильнее будет палить солнце, тем лучше будут работать эти машины!

Поправив черные с легкой проседью усы, Самед Мамедов сияющими глазами обвел зал, любуясь впечатлением, которое произвели его слова на собрание, и торжественно добавил:

— Солнечные машины вскипятят воду, дадут пар, а пар приведет в действие насосы, которые поднимут воду высоко в горы, на самые засушливые участки, и сделают их плодородными.

Джафаров, улыбаясь, легонько толкнул Курганова локтем под бок и прошептал:

— Понимаете теперь, зачем вы здесь нужны?

А Самед Мамедов вдохновлялся все больше и больше. Размахивая руками, он чуть не сбросил с трибуны стакан с водой.

— Наше азербайджанское солнце, — говорил он, — может, оказывается, честно работать на наши азербайджанские колхозы. Фрукты нам сушить надо? Пожалуйста, солнце это сделает — для этого есть солнечные сушилки. Вода нужна для бани? Есть и солнечная баня, самая дешевая на свете. Кипяток нужен для чайханы? Пожалуйста — солнечные кипяильники имеются. Плов сварить нужно? Опять солнце поможет: солнечная кухня существует. Заморозить мясо или рыбу требуется? Солнце холод сделает: холодильник солнечный люди придумали. Разве это не чудеса?

Самед Мамедов торопливым движением застегнул ворот гимнастерки, будто ему сразу стало холодно. Обведя всех торжествующим взглядом, он продолжал:

— Но это не всё. Солнце может дать нам и электрический свет. В каждом доме своя электростанция будет. Установят на крыше специальные батареи, питаются они днем солнцем, а ночью электрический свет дадут. Вот, оказывается, какая сила в солнце! И ученые наши заставили эту силу служить нам. Они приручили дикое наше солнце. В уздечке оно будет теперь ходить, как добрый золотой ишак.

Слушатели довольно улыбались, речь Самеда Мамедова им понравилась. Какой-то старичок возбужденно воскликнул:

— Хороший ишак в хозяйстве всегда нужен! Давайте его нам поскорее, товарищи ученые!

В бурю

На следующий день, когда Сарычев и Курганов возвращались к себе на базу, в пути их захватил ураган. Совещание закончилось еще вчера, но Сарычев заезжал к своей семье, жившей в районном центре, и Евгений вынужден был задержаться из-за этого. Едва они выехали за город, как небо быстро заволокло тучами. Частыми яркими вспышками сверкали молнии, за которыми тотчас же следовал сухой треск грозových разрядов, словно кто-то совсем рядом сбрасывал бомбы, пытаясь подбить машину.

Горы, обычно хорошо видимые, затянуло густой, непроглядной синевою. Ветер бушевал со страшной силой. Давно уже в этих краях не было такого урагана. Казалось, вот-вот оторвет он машину от шоссе и швырнет в сторону. А Асмар, не сбавляя газа, все неся вперед, будто хотел обогнать бурю.

Евгений невольно представил себе энергетическую базу: свою параболическую установку, возвышающуюся над плоской площадкой; огромные участки стеклянных секций водонагревателей; похожие на гигантские попирты кипяильники на металлических подставках... Ветер бушевал теперь среди этих сооружений. Успеют ли сотрудники базы укрепить их, прижать ниже к земле, принять меры предосторожности?

За параболической он не боялся. Параболической должен выстоять: он испытывался еще в модели на очень сильную ветровую нагрузку. Но вот удержат ли тормоза его поворотный механизм?

— Может быть, переждем ураган? — не оборачиваясь к Курганову, спросил Сарычев.

— Чего пережидать? — удивился Евгений. — Такая буря может беды натворить на базе. Спешить надо!

В это время на крутом повороте шоссе сильный порыв ветра так свирепо обрушился на машину, что развернул ее поперек дороги. Сарычев ударился головой о ветровое стекло и, ругаясь, воскликнул:

— Стой! Никуда больше не поедem.

Он приказал Асмару остановиться, сердито распахнул дверцу и вылез из машины.

— Перепугался начальник, — усмехаясь, негромко произнес Асмар.

Курганов тоже вышел из машины и решительно заявил Сарычеву:

— Вы можете оставаться здесь и пережидать бурю — это дело ваше, а мне позвольте ехать на базу.

Не отвечая на вопрос Евгения, Сарычев крикнул шоферу:

— Асмар, отведи машину в надежное место!

— Нет тут надежного места, Антон Кириллович, — ответил Асмар. — Вперед нужно ехать. Километров через пять поселок будет.

Сарычев выругался, плюнул с досады и вернулся в машину.

— Только ты не гони так, Асмар, — сказал он строго и повернулся наконец к Курганову. — Не думаете ли вы, Евгений Николаевич, что я меньше вас беспокоюсь за судьбу вверенной мне базы? — спросил он с иронией.

— Нам нужно торопиться, Антон Кириллович, — твердо заявил Курганов. — Такой силы ветер может многие наши солнечные установки повредить, а мы именно теперь должны быть во всеоружии нашей техники. Надеюсь, после этого совещания вы поняли, чего ждут от нас колхозы? Разве не ясно теперь, что самая главная, я даже сказал бы, священная, наша задача — всеми средствами помочь местным колхозам? Это и будет лучшим аттестатом зрелости для всех наших солнечных машин.

— У нас нет пока средств для серьезной помощи колхозам, — недовольно ответил Сарычев.

— Нет, есть, Антон Кириллович! — горячо возразил Евгений. — Это ведь признано комиссией.

— Да что вы на каждом слове апеллируете к авторитету этой комиссии? — вспыхнул Сарычев, повернув к Курганову бледное, злое лицо. — Не потому ли, что она вынесла решение в вашу пользу?

Кровь бросилась Евгению в голову, но он лишь крепко, до боли сжал зубы и произнес почти спокойно:

— Меня не выведут из терпения ваши оскорбления, Антон Кириллович. Не в личных интересах теперь дело. Нужно помочь колхозу, готовящему первосортные семена для хлопководческих районов Азербайджана.

— Помочь! — всплеснув руками, воскликнул Сарычев. — Чем помочь? Разве заняться установкой одного только вашего параболоида? Но для этого нужно будет забросить все остальные научные работы. Нет, на это я не согласен. Я ученый, и моя главная задача — экспериментировать, искать новые технические средства, а готовые машины пусть устанавливают в колхозах или в других местах инженеры-практики.

— Как же вы будете искать новые технические средства, — заметил Евгений, — если вы не знаете, в каких новых средствах нуждается наше народное хозяйство? Извините меня за резкость, но вы просто отстали от жизни на вашей базе, заплесневели... Всем ясно, и, видимо, Астрову в том числе, что фотоэлектрические батареи, в которые вы так влюблены, не могут пока дать большего, чем они дают на сегодняшний день. Этого, конечно, мало, но и этому уже можно было бы найти практическое применение. А вы знать ничего не хотите, о протестовали мнение комиссии, отказываетесь выполнять ее решения...

— Да, отказываюсь! — почти выкрикнул Сарычев, нервно передернув плечами. — Вы читали, что пишут иранцы об Астрове в своем журнале “Рей оф лайт”?

— Нет, я не читаю этого не очень почтенного иранского журнала, — презрительно ответил Евгений. — Да и иранский ли он, судя по его английскому названию?

— Иранцы дали ему английское название, — ответил Сарычев, — в знак признательности американской фирме, субсидирующей их научно-техническое общество. Но не в этом дело. В одной из последних статей о проблеме использования солнечной энергии они очень высоко оценили фотоэлектрические батареи Дмитрия Ивановича Астрова, с которыми познакомился автор статьи, крупный иранский ученый Шарифи, побывавший, как вы знаете, у нас на базе весной этого года. Имя Дмитрия Астрова поставлено в его статье рядом с именем знаменитого американского инженера Орсона Клиффорда.

— Ну и что же? — спросил недоумевающий Евгений.

— Как “что”? Не ясно разве, что иностранная наука капитулирует перед достижениями нашей научно-технической мысли, раз вынуждена признать наши достижения в области использования солнечной энергии?

— Вы так это понимаете? — удивился Курганов.

— А как же иначе! — нахмурился Антон Кириллович и даже приподнялся слегка с сиденья. — Нашему институту нужно было бы учесть такое обстоятельство и сделать все, чтобы прочно завоевать наш приоритет в области использования солнечной энергии с помощью фотоэлектрического эффекта, а мы вместо этого вынуждены почти прекратить все работы над батареями Астрова и заняться благоустройством колхозов!

С удивлением смотрел Евгений на Сарычева. Непонятна была ему логика Антона Кирилловича; ему казалось, что миновало то время, когда некоторые советские ученые преклонялись перед заграничными авторитетами, но вот Сарычеву было приятно, оказывается, что Астрова хвалили в иностранном журнале и ставили рядом с Орсоном Клиффордом.

Ничего не ответил Евгений Антону Кирилловичу. Ему все большего труда стоило сдерживать свое раздражение. Отвернувшись к окну машины, он рассеянно смотрел, как ветер гнал по дороге листья платанов и вырванные с корнем кусты полыни и лакрицы. Гром все еще громыхал изредка, но дождя не было, и воздух стал тусклым от пыли. Буря поднимала с земли не только песок, но и мелкий гравий, швыряя его на крышу и в борта машины.

— Вот там, за скалой, подветренное место, — обратился к Сарычеву Асмар. — Если хотите, переждать можно, только опасности для машины нет никакой. Я еще и не в такую бурю ездил.

— Мне дела нет, в какую бурю ты ездил! — сердито отозвался Сарычев. — С твоим темпераментом ничего не стоит насмерть загнать машину. Ставь-ка ее в затишье! Нечего лететь очертя голову.

Асмар подчинился приказанию Антона Кирилловича, и машина простояла минут тридцать за высокой скалой. Евгений вышел из нее и с тревогой наблюдал, как неслись по небу растерзанные бурей облака, закрывая временами солнце, потускневшее от пыли.

“Если тормоз не выдержит напора ветра, — взволнованно думал он, — параболоид развернется по солнцу и начнет нагревать котел, а в котле почти нет воды. Мы ведь перекрыли его питательные трубы...”

— Похоже, что спадает ветер, — заметил Асмар. — Поедем, может быть?

Евгению тоже показалось, что ветер дул уже не с такой яростью, как прежде. — Беспокойная у тебя душа, Асмар, — проворчал Сарычев. — Заводи машину.

Когда Асмар снова выехал на шоссе, не было уже никаких сомнений, что буря унималась, хотя ветер все еще гнал по дороге опавшие листья и колючие ветки кустарника, захлестывая крупным песком окна машины.

Однако ехать пришлось недолго. Машина снова вдруг остановилась.

— Что такое? — заворчал было Сарычев, но и без ответа шофера все было ясно: впереди все видимое пространство шоссе было залито водой. — Что за наваждение такое? — продолжал удивляться Сарычев.

— Не наваждение, а форменное наводнение, — ответил Асмар. — Ливень был в горах, и река, через которую мы должны переезжать, разлилась. Теперь нужно ждать, пока войдет в норму.

Асмар отвел машину в сторону и заглушил мотор. Затем подошел к кромке воды и сделал отметку.

— У нас часто так бывает, — успокоительно заметил он. — Кавказские реки горячий темперамент имеют.

Пришлось снова ждать. Евгений нетерпеливо стал прохаживаться по шоссе. Сарычев остался в машине. Подняв воротник плаща и надвинув шляпу на глаза, он, казалось, задремал.

Между тем Асмар, все время наблюдавший за своей отметкой у границы воды, весело крикнул:

— Нагулялась река, домой пошла!

Вода в самом деле стала медленно отползать, оставляя позади себя нервно вздрагивающие лужицы в выбоинах асфальта да влажный след на сером полотне дороги.

— Ну как, поехали? — спросил Асмар, открывая дверцу машины и обращаясь к Сарычеву.

— Поехали, — ответил Антон Кириллович.

Вечером после бури

Подъезжая к экспериментальной базе, еще издали увидел Курганов на сером фоне горных хребтов ослепительное сверканье своего параболоида. Его огромная чаша, обращенная к солнцу зеркальной поверхностью, была высоко поднята над землей стальной мачтой на железобетонном постаменте.

Сарычев спросил о чем-то Евгения, но тот был так обеспокоен сиянием параболоида, что не понял даже, о чем спрашивает Антон Кириллович. Сердце сжалось тревожно от предчувствия беды. Он готов был крикнуть Асмару, чтобы тот ехал быстрее, но механик и сам погнался вдруг машину с предельной скоростью.

Обернувшись к Курганову, он произнес взволнованно:

— Не беспокойтесь, Евгений Николаевич: в котле должен быть большой запас воды. К тому же кто-нибудь на базе должен же догадаться открыть питательные трубы! Не волнуйтесь, пожалуйста...

Асмар, видимо, хотел успокоить Курганова, но голос его так дрожал, что это обеспокоило Евгения еще больше.

Но вот наконец машина миновала каменную ограду базы, обогнула огромные стеклянные секции солнечных водонагревателей и остановилась возле дома Сарычева. Евгений выскочил из машины одновременно с Асмаром, и они, обгоняя друг друга, побежали к параболоиду. Однако еще издали Евгений заметил, что гелиокотел над зеркальным отражателем параболоида слегка парил.

“Выходит, что в котле в самом деле есть вода”, — с облегчением подумал он.

Асмар в это время был уже у питательной трубы параболоида и радостно закричал:

— Все в порядке, Евгений Николаевич! Правильно я говорил — есть вода в паровом котле.

Асмар теперь только перевел дух и вытер мокрый лоб, вспотевший, видимо, не столько от бега, сколько от волнения.

Гелиокотел был гордостью энергетического института. Его конструировали вместе с Кургановым еще несколько молодых инженеров, бывших однокурсников его по факультету гелиоэнергетики. Проблема создания такого котла возникла у них давно, почти одновременно с проблемой собирания с помощью параболоидных зеркал солнечной энергии в одну точку — в фокус, как принято было говорить.

Вопрос о том, как сохранить солнечное тепло, был не из легких. Тепловая энергия, как известно, самая неустойчивая, ее нелегко уберечь от потерь. Долго бились над этой задачей молодые конструкторы, прежде чем разработали надежную систему самоизоляции.

Гелиокотел они построили по принципу абсолютно черного тела, которое полностью поглощает все падающие на него лучи любой длины. В природе такого тела не существует. Даже сажа, кажущаяся глазу совершенно черной, отражает все же некоторое количество света. Абсолютно черное тело создано физиками искусственно. Оно представляет собой непрозрачный полый шар, внутрь которого через маленькое отверстие падает свет. Попав на внутреннюю полость шара, луч частично поглотится ею, частично отразится и попадет на другую стенку, где с ним произойдет то же самое. И так до тех пор, пока все лучи не окажутся поглощенными. Обратного пути световому лучу из этого шара нет.

По принципу такой своеобразной мышеловки и построили молодые советские гелиоэнергетики свой солнечный котел. Поверхности нагрева они расположили в нем таким образом, что тепловая энергия, попав в котел, уже не могла найти пути назад. Тепло, которое терялось в нем одной поверхностью, поглощалось другими поверхностями и не проникало за пределы котла, а целиком уходило на образование пара из воды, поступающей в котел по питательным трубам.

Буря чуть не погубила этот труд, но теперь все, кажется, обошлось благополучно, и Евгений вздохнул облегченно.

Солнце между тем склонилось к закату. Горы помрачнели, стали суровыми, резкие тени легли в их расщелинах, заострились контуры. Жара начала спадать, но параболоидное зеркало все еще продолжало автоматически вращаться вслед за солнцем, будто огромные пригоршни, подставляя свою вогнутую поверхность потоку солнечных лучей.

Только когда солнце совсем скрылось за горами, потускнел, потух и параболоидный отражатель. В нем не стало уже того блеска, того ослепительного сияния, которое делало его величественным. В вогнутой зеркальной поверхности его причудливо отражались теперь только горы, резко очерченные лучами зашедшего за них солнца, да пурпурные облака вечернего неба.

Исчезновение Астрова

Домик Астрова был метрах в трехстах от параболоида Курганова. Евгений хорошо видел издали его открытую настежь дверь, распахнутые окна. Ему странным показался этот необычайный вид, и он поспешил к домику Дмитрия.

— Дмитрий! — окликнул Евгений Астрова, подойдя к окну. Никто не отозвался. Курганов вошел в домик и на пороге комнаты, в которой Дмитрий работал, споткнулся об опрокинутый стул. На столе была разлита тушь, на полу валялись чертежи, газеты и еще какие-то бумаги. Дмитрия в комнате не было. Евгений прошел во вторую, где Астров обычно отдыхал, но и там его не оказалось. Это удивило Евгения.

Обеспокоенный отсутствием Дмитрия и странным беспорядком в его домике, Курганов хотел уже было выйти наружу, как вдруг в открытом окне увидел взволнованное лицо помощника Астрова, техника Караулова.

— Здравствуйте, Евгений Николаевич! — поздоровался он и торопливо добавил: — Знаете, Дмитрий Иванович пропал...

— Как “пропал”? — не понял Евгений.

— Во время бури исчез куда-то. Мы всю территорию базы и даже окрестности обыскали — и никаких следов!

Новость была так неожиданна, что Курганов даже растерялся.

— Когда же вы видели его в последний раз? — спросил он наконец, начиная понемногу приходить в себя.

— Утром сегодня, — ответил Караулов. — А когда разразился ураган и мы все бросились спасать стелы, перекрытия водонагревателей и сушилок, Дмитрия Ивановича среди нас не было.

— Куда же он мог деться? — спросил Евгений. — Есть у вас хоть догадка какая-нибудь?

— Положительно ничего придумать не могу, — ответил техник, и по мальчишескому веснушчатому лицу его видно было, что он встревожен. — Уж не случилось ли с ним чего?..

Пока они разговаривали, к домику Астрова подошел инженер Гасан Назимов, смуглый молодой человек, учившийся вместе с Астровым в энергетическом институте.

На экспериментальной базе он занимался солнечными установками, получающими тепло низкого потенциала.

— Здравствуй, Женя, — протянул он руку Курганову. — Слышал уже, что Митя пропал? Утром завтракали вместе, и вдруг как сквозь землю провалился! Мы его, правда, хватились уже после аврала, который был на базе во время урагана, но дядя Рустам уверяет, будто до урагана Митя не выходил из своего домика. Уйти же с базы во время бури, сам посудите, нелепо.

Назимов был контужен на фронте, и когда нервничал, у него слегка подергивалась левая щека. Чтобы скрыть это, он медленными движениями ладони массировал лицо. Сегодня инженер почти не отнимал руки от щеки.

— Боюсь, не приключилось ли с ним чего серьезного, — продолжал Назимов, усаживаясь в плетеное кресло. — Уж очень Митя угрюм был в последние дни. А вчера на целый день уезжал куда-то. Он, правда, любил иногда выезжать в горы или соседние колхозы, но не делал никогда из этого секрета, а вчера почему-то не сказал мне, куда ездил.

— Странно! — задумчиво заметил Евгений.

— Очень странно! — возбужденно повторил Назимов и усердно потер щеку. — Попробуй, Женя, спросить дядю Рустама. Видишь, он радиомачту поправляет. Может быть, ему известно, куда ездил вчера Дмитрий.

И, не ожидая согласия Евгения, Назимов высунулся в окно и крикнул коменданту базы Рустаму Садыхову, прозванному Пехлеваном, то есть богатырем, за его атлетическое телосложение:

— Дядя Рустам, зайди, пожалуйста, на минутку! Спусти несколько минут огромная фигура коменданта с трудом втиснулась в окошко домика Астрова.

— Салам алейкум, Женя! — приветствовал Курганова дядя Рустам, называвший всех на базе, кроме начальника, по имени.

— Алейкас салам! — отозвался Евгений и спросил, не знает ли дядя Рустам, куда ездил вчера Астров.

— Не знаю, — ответил Рустам. — Утром оседлал я Мите Мюнаджима, а вечером принял его обратно. Ни Мюнаджим, ни Митя не сказали мне ни слова, куда ездили, — усмехнулся комендант.

Мюнаджимом, или Звездочетом, звали любимого коня Астрова, на котором он часто выезжал на прогулку в горы.

— Ты не шути, дядя Рустам, — серьезно заметил Евгений. — Митя ведь пропал куда-то.

— Знаю, — ответил Рустам и нахмурился. — Сам искал его по всей базе. Даже в соседних колхозах навел справки. А вчера очень странным мне показалось, что не сказал Митя, куда ездил. Даже на вопрос мой не ответил. Очень задумчивый был. Не расслышал, наверное, о чем я его спрашивал. Больше того тебе скажу: всю ночь не спал Митя. До утра огонь в его окне горел. Никогда раньше не сидел так поздно.

Все услышанное Кургановым от Караулова, Назимова и Рустама серьезно обеспокоило его, и он решил немедленно идти к Сарычеву.

Откровенный разговор

Было уже темно. В квартире Антона Кирилловича горел свет. Он писал что-то за своим огромным письменным столом, уставленным разными безделушками. Через окно Курганову было видно его сухое, узкое лицо, склонившееся над какой-то бумагой.

Евгений постучал в оконное стекло. Сарычев вздрогнул и, шуря близорукие глаза, стал всматриваться в темноту.

— Кто там? — спросил он. — А. это вы, Евгений Николаевич? Заходите, пожалуйста.

Курганов вошел. Антон Кириллович предложил ему камышовое кресло и коротко спросил:

— По поводу Дмитрия Ивановича?

— Да, — ответил Евгений, все еще не сядя в предложенное кресло. — Что бы это могло значить, Антон Кириллович?

У Сарычева было бледное лицо, в глазах светился какой-то тревожный огонек.

— Ничего не могу понять... — растерянно проговорил он.

— Но все-таки, — настаивал Курганов, — есть же у вас какое-нибудь предположение? Он ваш ученик, так что вы лучше других должны его знать. Кроме того, в последние дни...

— Вот именно, “в последние дни”! — вспыхнул вдруг Сарычев. — Не результат ли это “последних дней”?

— Объясните яснее, — нахмурился Курганов, не совсем еще понимая мысль Сарычева, но уже догадываясь, к чему он клонит.

Антон Кириллович ответил не сразу. Помолчав, он произнес медленно, с трудом подбирая нужные слова:

— Я полагаю, что его сильно обидело решение комиссии. Совершеннейшей бестактностью было с их стороны заявить Дмитрию Ивановичу, что он занимается бесплодными экспериментами...

— Зачем же вы утрируете так заявление комиссии? — возмутился Евгений. — Никто не говорил Дмитрию о бесплодности его экспериментов. Ему лишь посоветовали не спешить с постановкой новых опытов, а серьезно изучить уже достигнутые результаты и попытаться использовать для практики все, что уже возможно. Я лично считаю это мудрым советом. Ведь в последний год Дмитрий почти не продвинулся вперед в своих поисках сверхсветочувствительного металла для фотоэлементов. Он попросту топтался на месте, нервничал и, видимо, совершал ошибки. Ему нужно было переменить тактику в достижении своей главной цели: заняться временно другим делом, попытаться реализовать уже достигнутые результаты, и кто знает, может быть это подсказало бы ему новое, более удачное решение трудной задачи. Что же обидного в таком совете комиссии?

Антон Кириллович нервно теребил какую-то бумажку. Не глядя на Курганова, он заметил раздраженно:

— Вам не понять этого, Евгений Николаевич, а я это очень остро чувствую... Когда я в одиночку трудился над этой проблемой, надо мной чуть ли не посмеивались, обрекая всю мою идею на полную неудачу. Вы представить себе не можете, как это было обидно!..

Антон Кириллович резко поднялся, прошелся по комнате и выпил залпом полстакана воды.

— Но в отношении меня это еще было понятно, — продолжал он, немного успокоившись. — Я достиг лишь ничтожных результатов: коэффициент полезного действия моих фотоэлектрических батарей составлял не более полутора-двух процентов. Но ведь Астров добился большего! Он уже аккумулирует с помощью фотоэлементов электрический ток довольно значительной силы и достиг бы вскоре еще больших успехов.

Антон Кириллович тяжело вздохнул и добавил, понизив голос:

— И вот, вместо того чтобы поддержать талантливого ученого, ему становятся поперек дороги...

— Кто становится?! — почти выкрикнул Евгений, начиная терять терпение. — Что за ересь вы несете, Антон Кириллович! Честное слово, у меня такое впечатление, что вы сами кружите голову Астрову. Во что бы то ни стало хотите вы доказать всем, что идея использования солнечной энергии с помощью фотоэффекта чуть ли не единственно верная и, главное, легко осуществимая. Воспользовавшись первыми успехами Астрова, вы уже видите скорую и полную победу, суетитесь, спешите, торопите Дмитрия. Но ведь это же несерьезно!

Сарычев сидел нахмурившись, ссутулясь и как-то вдруг постарев. Он хотел возразить Курганову, но Евгений решительно перебил его:

— Нет, уж вы выслушайте меня до конца. Не часто случается такой откровенный разговор. Мне кажется, что ошибка ваша в том, что вы единолично хотите решить эту трудную проблему; отсюда, видимо, и спешка ваша, и суета, и даже, пожалуй, обидчивость. Вас ведь, по-моему, в этом именно и обвиняли всегда, а вовсе не в том, что вы взялись за безнадежное дело. Мне кажется, что решение этой задачи посильно только большому дружному коллективу. Ведь ясно уже теперь, что не обойтись вам без опытных химиков в поисках светочувствительных металлов для фотоэлементов. Да и многие другие вопросы гораздо легче было бы решать сообща. Вы-то этого, может быть, уже и не в состоянии понять, но Дмитрий поймет рано или поздно. Откровенный разговор с председателем комиссии, мне кажется, открыл ему глаза на многое. Не сгущаете ли вы краски, предполагая, что он обиделся на что-то...

— Я не предполагаю, — раздраженно перебил Евгения Сарычев, — я убежден в этом! Он имел намерение поехать в институт и лично директору высказать свое возмущение.

— Он намередвался или вы пытались внушить ему такую мысль? — с усмешкой спросил Евгений. Сарычев резко ударил рукой по столу: — Да что это такое, в конце концов!.. Что за допрос такой?..

Голос его прерывался от волнения. Пальцы рук заметно дрожали, и он убрал их со стола.

— Вы не смеете так разговаривать со мной! — продолжал Антон Кириллович, доставая из кожаной папки, лежавшей перед ним, какую-то бумажку. — Вот текст телеграммы, которую я послал в институт. Астров мог уехать к ним с дневным поездом и к вечеру быть в Баку. Значит, ночью или завтра у тром мы уже можем получить сообщение, что он в институте.

— Вас успокаивает такое предположение? — спросил Евгений, пристально посмотрев в глаза Антону Кирилловичу.

— К сожалению, это единственное, что можно предположить, — ответил Сарычев.

— А меня не успокаивает это, — решительно потрянул головой Евгений и встал с кресла. — Не могу я поверить, чтобы Астров уехал тайком, не сообщив никому о своем отъезде, не оставив даже вам записки об этом.

Направляясь к двери, он добавил:

— Прошу вас, Антон Кириллович, как только придет ответная телеграмма из института, поставить меня в известность об этом.

Никаких следов Астрова

Секретарь партийной организации экспериментальной базы несколько дней назад срочно уехал к директору института, и Курганов временно замещал его. Он хорошо понимал, какая ответственность ложилась на него в связи с исчезновением Дмитрия Астрова, и готов был действовать самым решительным образом. В тот же вечер Евгений имел обстоятельный разговор почти со всеми сотрудниками базы, но это ничего не прибавило нового к тому, что он уже знал сам.

Было совсем поздно, когда Евгений направился к своему домику. Он уже открыл дверь и перешагнул через порог, когда его окликнул комендант базы:

— Подожди минутку, Жень! Серьезный разговор есть.

Евгений обернулся и еле различил в темноте мощную фигуру Рустама.

— Давай сядем, — предложил Рустам, опускаясь на скамеечку под молодой чинарой, росшей возле домика Курганова. — Вопрос к тебе сначала будет: узнал ты что-нибудь новое о Мите?

— Нет, не узнал, — ответил Евгений, сядя рядом с Рустамом.

— Вот что я тебе тогда скажу, — почему-то понизив голос, произнес комендант: — если Митя ушел куда-нибудь, то ушел до урагана.

— Почему ты так думаешь? — удивленно спросил Евгений.

— Плащ его в шкафу висит. Не мог он без плаща уйти в бурю.

— Разве дождь был?

— Зачем дождь? Не было дождя. Солнце почти все время светило. Зато пыль была сильная. От пыли он обязательно надел бы плащ. Ты учти это... Ну, а я пойду, начальник приказал на телеграф ехать. Телеграмму какую-то никак не может дожидаться.

В плохом настроении вошел Евгений в свою комнату. Было уже поздно, но он не лег спать. Он просто не смог бы заснуть в таком состоянии. Очень скверно было на душе. Не верилось, чтобы Дмитрий мог тайно сбежать куда-то, затаив обиду. Антон Кириллович надеялся, что он уехал к директору института, а Евгений все больше сомневался в этом. Но где же он в таком случае? Куда исчез так таинственно?

Евгений стал перебирать в памяти все события сего дняшнего дня. Вспомнилась невольно комната Дмитрия, в которой царил странный беспорядок. Возможно, конечно, что просто ветер во время бури ворвался в открытое окно. А может быть, приключилось другое что-нибудь? Он попытался представить себе, что же еще могло произойти в домике Астрова, и у него тревожно заныло вдруг сердце.

Заснул он поздно, во втором часу ночи. Спал беспокойно, видел нелепые, отрывочные сны. Проснувшись ранним утром, поспешно умылся и вышел на небольшое крылечко. Солнце только всходило из-за горных вершин. Косые лучи его были нежны и не несли еще испепеляющего зноя, а параболическое зеркало уже жадно ловило их, автоматически поворачиваясь вслед за солнцем, подобно гигантскому гелиотропу.

Оторвав наконец взгляд от параболической установки, Евгений посмотрел на дорогу, пролежавшую в километре от энергетической базы. Дорога вела на горные пастбища, и по ней величественно двигались один за другим двугорбые верблюды. Они шли размеренным широким шагом, торжественно, как на параде, и сложная система колокольчиков на гордо выпяченных шеях животных мерно покачивалась в такт их движениям.

Залюбовавшись этой экзотической картиной, Евгений постоял немного в задумчивости, вспоминая события вчерашнего дня, и решил снова зайти в комнату Дмитрия. Нужно было точно установить, чем был вызван беспорядок в его комнате. Однако, подходя к дому Астрова, еще издали он заметил, что кто-то побывал в нем. Окна теперь оказались закрытыми, дверь захлопнута. Внутри тоже все было приведено в порядок: стул поднят, разлитая тушь вытерта, бумаги и чертежи положены на место.

Евгению казалось, что если Дмитрий действительно уехал, то должен был оставить хоть записку какую-нибудь. Он стал торопливо рыться в ящиках письменного стола Астрова, перелистывать страницы его настольного блокнота и календаря, но все было тщетно.

Когда полчаса спустя Курганов выходил из домика Дмитрия, он чуть было не столкнулся с Карауловым.

— Здравствуйте, Семен Петрович, — приветствовал он техника. — Не вы ли это навели порядок у Дмитрия Ивановича?

— Нет, — ответил Караулов. — Был тут чуть свет сам начальник, товарищ Сарычев, а затем дядя Рустам приходил. Видимо, Антон Кириллович приказал ему убрать квартиру Дмитрия Ивановича.

Он хотел, наверно, расспросить Курганова, узнать его мнение о непонятном исчезновении Дмитрия, но Евгений и сам знал об этом не более Караулова и не пришел еще ни к какому заключению. Он поспешил попрощаться с техником и торопливо пошел к своему параболоиду, чтобы дать указания механику Асмару о ремонте поворотного механизма.

Асмар был уже на месте и регулировал тормозную систему. Обычно очень разговорчивый и веселый, он теперь показался Евгению задумчивым и хмурым. Сдержанно поздоровавшись, он снова принялся крепить какую-то гайку, не задав ни одного из своих бесконечных вопросов, которыми обычно засыпал Курганова во время работы.

Евгений даже вспомнил, как сильно был удивлен однажды Асмар, узнав, что коэффициент полезного действия солнечного параболоида составляет девяносто процентов. “Быть этого не может!” — изумленно воскликнул он.

“Почему же?” — спросил Евгений, довольный эффектом, произведенным на своего впечатлительного механика.

“Ведь наш гелиокотел — попросту говоря, паровая машина, нагревающая воду солнцем, а все паровые машины очень неэкономичны. Коэффициент полезного действия лучших паровозов не превышает восьми-девяти процентов. В лучших стационарных паровых котлах он равен четырнадцати процентам и даже в дизелях — всего тридцати девяти. А у нас девяносто?! Прямо чудо какое-то!”

“Какое там чудо! — рассмеялся Евгений. — Просто удачное осуществление принципа “самоизоляции”. Вы же знаете, как устроен наш солнечный котел?”

И вот, когда сегодня Евгений подошел к механику и спросил: “Что это вы скучным таким стали, Асмар?” — тот серьезно ответил:

— Никак в себя прийти не могу после урагана. Такой замечательный солнечный котел изобрели люди, и чуть-чуть не погиб он...

— Но ведь все обошлось благополучно, — попытался Евгений утешить механика.

Асмар только вздохнул тяжело и ничего не ответил.

— Расскажите лучше, как обстоит дело с заданием, которое я дал вам вчера? — спросил Курганов.

— Все сделал, как вы велели, — ответил Асмар. — Был на автобусной станции, расспрашивал и начальника Джангирова и кассиршу Иззету. Говорят, что ни в тот день, ни позже не видели Дмитрия Ивановича. А их станция самая ближняя к нам, до следующей километров пять будет.

— Странно! — пробормотал Евгений.

— Очень странно, — согласился Асмар. — Не пошел же Дмитрий Иванович пешком, когда по шоссе автобусы ходят? А если его автобус не устраивал, мог бы лошадь взять. Накануне он ездил ведь куда-то на Мюнаджиме.

Евгений промолчал, а Асмар добавил:

— Да и не мог он пешком уйти незамеченным. Ему обязательно нужно было бы мимо домика Алима пройти, и тот бы его непременно заметил: у него пес очень злой и на всех прохожих обязательно бросается. Недаром старик Алим прозвал его Фаррашем — полицейским, значит.

— Ну, а насчет телеграммы как, поинтересовались? — спросил Курганов.

— Поинтересовался. Не получил еще Антон Кириллович ответа из института.

Курганов сделал несколько распоряжений Асмару и пошел помочь остальным работникам базы, приводившим в порядок солнечные машины.

Вчерашний ураган был необычен по силе для здешних мест, но он не причинил на базе больших разрушений. Немного пострадало от него только солнечное хозяйство инженера Назимова, которое состояло из самых разнообразных систем водонагревателей, кипятильников и горячих ящиков, наружные поверхности которых составляли стеклянные перекрытия общей площадью в несколько сот квадратных метров.

Солнечные установки Назимова получали тепло до двухсот сорока градусов, которое называлось теплом низкого потенциала, в отличие от высокопотенциального тепла параболоида Курганова, достигавшего более тысячи градусов.

Принцип, с помощью которого инженер Назимов улавливал солнечную энергию, был очень прост, но хитер. Назимов ловил солнце так же ловко, как птицелов птичек. Даже лучше, безошибочнее. Силок у него был самый незатейливый: обыкновенный ящик больших размеров с черной внутренней поверхностью, а сверху самое обыкновенное оконное стекло. Оно свободно пропускало солнечные лучи с длиной волн в пределах от 0,4 до 2,5 микрона. Лучи эти, попав затем на зачерненное дно ящика, нагревали там водяные трубы до 100 и более градусов. Это вызывало тепловое излучение с длиной волны от 3 до 6 микрон, то есть сверх той нормы, которую пропускало стекло. Солнечная энергия, таким образом, попав в горячий ящик, не находила выхода назад и оказывалась в ловушке.

Таков был принцип почти всех солнечных установок Гасана Назимова, имевших уже довольно широкое применение в народном хозяйстве страны. С их помощью можно было кипятить воду для самых разнообразных целей, варить пищу, сушить фрукты и овощи, отапливать здания, производить искусственный холод для охла-

ждения помещений и складов со скоропортящимися продуктами. На экспериментальной базе теперь только усовершенствовали эти машины и комбинировали с другими гелиоустановками.

Евгений Курганов искренне любил разнообразное солнечное хозяйство своей базы. Все его товарищи по работе были здесь ловцами солнечной энергии, но каждый ловил ее своим собственным способом, и каждый способ был по-своему остроумен. Гелиоэнергетики базы экспериментировали над солнечными лучами так же, как в биологических лабораториях экспериментируют над кроликами и морскими свинками. Они то заточили солнечный луч в стеклянные клетки, то собирали в ослепительные пучки зеркальными линзами; выжимали из него то тепло, то холод, заставляли его нагревать воду и давать пар, бежать по проводам в виде электрического тока...

В последнее время Курганов был так занят своим параболоидом, что почти не интересовался состоянием всего хозяйства энергетической базы в целом, но теперь, помогая своим товарищам ликвидировать последствия урагана, он как-то особенно ясно почувствовал, как много ими уже сделано.

Евгений ходил теперь мимо всей этой техники, и ему досадно становилось, что она все еще числилась только экспериментальной. А ведь совсем рядом были колхозы, которые остро нуждались в такой технике и послужили бы для нее той питательной средой, без которой она могла захиреть здесь, в “тепличных” условиях экспериментальной базы.

Будто прочитав мысли Евгения, инженер Назимов, находившийся неподалеку, подошел к нему и заметил раздраженно:

— Закиснем мы тут, Женя. Положительно не понимаю, почему Сарычев противодействует нашему “выходу е люди”. Мне даже кажется, что Антон Кириллович побаивается этого выхода, так как по натуре он типичный кабинетный ученый. Видно, поэтому стадия эксперимента всегда затягивается у нас удивительно долго, я бы даже сказал — преступно долго. Надо бы взять старика за бока!

Курганов не успел ответить Назимову, так как в это время подбежал к нему Рустам и сообщил, еле переводя дух:

— Телеграмма пришла из института! Наверно, важное что-то.

— Прости меня, Гасан, — поспешно извинился Евгений. — Поговорим об этом попозже. Мне сейчас срочно нужно к Сарычеву.

И Курганов торопливо зашагал к дому Антона Кирилловича. Курганов принимает решение

Лицо Антона Кирилловича показалось Евгению бледнее обыкновенного. В руках он держал распечатанный бланк телеграммы и, видимо, хотел спрятать его в ящик письменного стола, когда неожиданно вошел Курганов.

— Ну, что они пишут? — нетерпеливо спросил Евгений.

— Оказывается, не прибыл еще в Баку Дмитрий Иванович, — ответил Антон Кириллович, и Курганов почувствовал смущение в его голосе.

— То есть как это “не прибыл еще”?! — воскликнул Евгений. — Он десять раз за это время мог прибыть к ним, если бы на самом деле собирался туда.

— А я уверен все-таки, что он именно туда уехал, — хмуро ответил Антон Кириллович. — Не успел, наверное, зайти пока к директору. Я домой к нему, матери его, дополнительную телеграмму послал.

Но Курганов не хотел уже больше ничего слушать. Ни малейшего сомнения не оставалось у него теперь в том, что Астров не уехал в институт.

— Нет, уж вы не придумывайте больше никаких объяснений, — убежденно заявил он. — Не мог Дмитрий тотчас же не зайти к директору или хотя бы позвонить о своем приезде. Быть этого не может!

— А я повторяю, — заметно нервничая, произнес Антон Кириллович: — это единственное объяснение отсутствия Дмитрия Ивановича. Он не мог поступить иначе. Ведь вы причинили ему глубокую обиду, Евгений Николаевич!

— Как, и я тоже причинил ему обиду? — удивился Евгений. — Уже не только комиссия, но и я, значит?

— Да, в какой-то мере, — не совсем уверенно ответил Сарычев. — То, что комиссия высоко оценила не его, а именно вашу солнечную установку, не могло не обидеть Дмитрия Ивановича. Ведь его решение проблемы гораздо оригинальнее вашего, хотя оно и не завершено пока.

— Так вот вы, оказывается, с какой точки зрения смотрите на поступки Дмитрия? — задумчиво произнес Евгений и удивленно посмотрел на Сарычева. — Недалеко же вы уйдете в поисках его, исходя из таких предположений.

— Можно подумать, что вам пришла более удачная догадка, — кисло усмехнулся Антон Кириллович.

— Нет, мне не пришлось еще удачной догадки, — спокойно ответил Евгений, — но я пришел к твердому убеждению, что нужно немедленно ехать в район и поставить в известность о случившемся и райком партии и органы милиции.

— Ну что же, поезжайте, — равнодушно отозвался Сарычев. — Только я полагаю, что все это напрасно.

Курганов не стал его больше слушать, открыл дверь и торопливо сбежал вниз по ступенькам веранды. Разыскав Асмара, он приказал ему немедленно приготовить машину для поездки в районный центр.

Когда спустя несколько минут Евгений садился в машину, к нему поспешно подошел Назимов.

— Ты куда, Женя? — спросил он. — Не в город ли?

— В город.

— Насчет Мити?

Курганов утвердительно кивнул головой.

— Правильно! — одобрил Назимов решение Евгения и протянул ему свою смуглую руку. — Поезжай обязательно. Как вспомню я иранский журнал, в котором Дмитрия хвалили, всякие подозрения в голову лезут. Припоминается мне, что этот иранский ученый Шарифи, автор статьи об Астрове, уж очень увивался вокруг него, когда нашу базу посетил. Похоже, что интересуются Дмитрием за границей, как ты полагаешь?

— Похоже, — согласился Евгений.

— Сам ведь знаешь, международная обстановка-то какая! — взволнованно продолжал Гасан Назимов. — Не нравится мне любопытство этих иностранцев к работе Дмитрия Астрова. Ты обрати внимание кого следует на это обстоятельство. Понял?

— Понял, Гасан.

— Ну, поезжай тогда. — Назимов снова протянул руку Евгению. — Желаю успеха!

Совет Джафарова

В полдень Курганов прибыл в районный центр и, оставив машину у знакомого инженера, пешком пошел в районный комитет партии. Джафаров принял его с обычным своим радушием:

— Привет, привет покорителю солнца! Так и знал, что скоро заглянете. Ну, с чем приехали? Как решение совещания выполнять собираетесь? В какой колхоз пошлете на практику ваших солнечных питомцев?

— Столько вопросов, что не знаю, на какой раньше ответить, — пошутил Евгений.

— Чаще приезжайте — меньше вопросов будет, — засмеялся Джафаров. — А пока вы с мыслями соберетесь, прошу новый сорт местного вина отведать. Только что были у меня эксперты-дегустаторы, дали высокую оценку.

На столе секретаря райкома стояли большой кувшин и два стакана. Джафаров осторожно, стараясь не капнуть на стол, наполнил их густой темно-красной жидкостью и, чокнувшись с Кургановым, воскликнул:

— За успех внедрения солнечных машин в хлопководческие колхозы! Ну как? — с любопытством спросил он, когда Евгений отпил несколько глотков.

Вино Курганову понравилось, и он похвалил его.

— А ведь мы освоили его из самого захудалого сорта винограда, — улыбнулся Джафаров. — Все специалисты в один голос заявляли, что не годится такой виноград для хорошего вина. А вот наши колхозные селекционеры-мичуринцы нащупали в нем хорошие стороны, развили их и вывели новый сорт, так что мы теперь дадим государству не только самое дешевое, но и очень хорошее вино из этого когда-то никудышного винограда.

Позвав девушку из соседней комнаты, Джафаров попросил ее убрать вино и обратился к Курганову:

— Ну, а теперь жду ответов на мои вопросы.

Курганов был смущен. Стыдно было признаваться секретарю райкома, что ничего еще не сделано, но Евгений подробно рассказал о положении на экспериментальной базе и попросил совета и помощи в поисках Астрова. Джафаров выслушал его внимательно, прошелся в задумчивости по кабинету и спокойно заметил:

— Об иранском журнале, в котором упоминается имя Астрова, знаю. Мне думается, что автор статьи об Астрове, инженер Шарифи, побывавший уже у вас на базе, собирается что-то выведать у него. С этой-то целью и расточаются, видимо, похвалы по адресу Астрова на страницах журнала “Рей оф лайт”.

Джафаров снова принялся прохаживаться по комнате, сосредоточенно наморщив лоб. Евгений молчал. Слова секретаря райкома не успокоили его — напротив, еще больше усилили тревогу.

— И знаете, что еще заставляет меня насторожиться? — спросил Джафаров. — Американский инженер Орсон Клиффорд, имя которого в статье Шарифи стоит рядом с именем Астрова, находится, оказывается, в Иране и работает теперь вместе с Шарифи над конструкцией какой-то новой солнечной машины. Не нравится мне это!

— Так вы полагаете, — еле сдерживая волнение, спросил Евгений, — что исчезновение Астрова находится в какой-то связи...

— Нет-нет, я пока этого не могу утверждать, — торопливо перебил Курганова Джафаров.

Секретарь райкома помолчал немного, соображая что-то, и заявил решительно:

— Вот что нужно сделать: следует посоветоваться с Керимовым. Керимов — это начальник районного отделения Министерства государственной безопасности. Попробую пригласить его сюда, если только он у себя сейчас.

Джафаров снял трубку и попросил нужный ему номер телефона. По разговору его Евгений догадался, что Керимов у себя и обещает зайти к секретарю райкома.

Минут через пять в кабинет Джафарова вошел высокий смуглый мужчина в военной форме.

— Капитан Керимов, — представил его секретарь райкома Курганову.

У Керимова были строгие, внимательные глаза с лучиками морщинок на скулах. Он слушал Курганова сосредоточенно, делая изредка какие-то пометки в своем блокноте.

— Мы займемся этим делом, — сказал он наконец и, задав Курганову несколько вопросов, попрощался и ушел.

А Джафаров все еще ходил по комнате, размышляя о чем-то.

— Это, конечно, хорошо, что мы сообщили обо всем Керимову, — задумчиво произнес он. — Только мне кажется, что, может быть, мы не с того конца ищем Астрова. Я, правда, очень мало его знаю, но кажется мне почему-то, что он не только талантливый, но и душевно хороший человек. Так это?

— Да, конечно, — горячо подтвердил Курганов. — Дмитрий безусловно хороший, честный человек.

— Значит, в характере его, как я понимаю, должна преобладать светлая линия?

— Вне всяких сомнений.

— Так, очень хорошо! — оживился секретарь райкома. — А как же вы искали Астрова до сих пор? Ведь искали его, исходя из теневых линий характера.

— Не совсем понимаю вас, товарищ Джафаров.

— Вы полагаете, что он обиделся на что-то. А верное ли это предположение, если Астров действительно хороший, подлинно советский человек?

— Но ведь не все так думали, — возразил Евгений. — Это Сарычев только так думал.

— Думали-то, может быть, и не все, — заметил Джафаров, — а искали все, исходя только из этого предположения. Так ведь?

— Да, пожалуй, — смущенно признался Евгений.

— В том и была, по-моему, главная ваша ошибка, — продолжал развивать свою мысль Джафаров. — В поисках Астрова правильнее, видимо, исходить из другого принципа. Нужно не на эгоизм его ориентироваться, не на обиду, а на иные, светлые чувства. Может быть, он для пользы общего дела предпринял что-нибудь.

Джафаров снова посмотрел на Евгения, улыбнулся и спросил:

— Знаете, о ком я сейчас невольно подумал? О Самеде Мамедове. Интересует меня, кто зародил в нем мечту о солнечных машинах? Я не говорил с ним об этом. Вы тоже, кажется, не беседовали? Сарычев давно не снизошел бы до такого разговора с председателем колхоза. В книгах он тоже, пожалуй, этого не вычитал. К тому же мне показалось, что Мамедов имел в виду именно вашу энергетическую базу. Вот я и думаю после этого: не Астров ли заразил его этой мечтой?

— Хорошая мысль! — воскликнул Евгений. — Астров ведь любил ездить по колхозам. И хотя он не очень разговорчив, но когда дело доходит до гелиотехники, становится настоящим поэтом, любого может своими идеями заразить.

Джафаров, улыбаясь, слушал Курганова. Он был доволен, что подсказал ему удачную мысль.

— Я ведь всего только один раз видел вашего Астрова, — заметил он, — но сразу как-то почувствовал, что человек он хороший. Послушайтесь моего совета, товарищ Курганов, поезжайте к Мамедову: может быть, он расскажет вам кое-что об Астрове и поможет разыскать его.

Евгению понравился совет Джафарова, и он пообещал съездить в колхоз Самеда Мамедова.

На базу Курганов возвращался поздно вечером. Дорогой он обратил внимание на необычную задумчивость Асмара.

— О чем это вы размышлялись, Асмар? — спросил он.

— Очень таинственная история получается, — ответил механик.

— Еще одна таинственная история или все та же?

— Еще одна. Помните, когда мы вернулись на базу, за параболоид очень беспокоились: боялись, что питательные трубы закрыты и котел без воды может расплавиться? А потом оказалось, что пустил в него кто-то воду. Я думал сначала, что кто-нибудь из работников, базы, но когда расспросил всех, оказалось, что никто не делал этого.

Курганов очень удивился этому сообщению Асмара и спросил:

— Не могли ведь вентили питательных труб открыться сами? Не допускаете же вы чуда, Асмар?

— Зачем допускать чудо! — усмехнулся механик. — Чуда нет, но непонятно очень. Я подумал даже, что, может, Дмитрий Иванович трубы открыл, но дядя Рустам уверяет, что Дмитрий Иванович ушел с базы еще до урагана. Тогда совсем непонятно получается, кто вентили открыл.

Всю остальную дорогу почти не разговаривали. А когда приехали на базу, было уже совсем темно.

У Самеда Мамедова

На следующее утро Курганов попросил коменданта оседлать ему того самого коня, на котором любил ездить Дмитрий.

— Далеко собрался? — любопытствовал комендант.

— Да так, прогуляться немного, — осторожно ответил Евгений, решив пока не посвящать Рустама в свои планы.

Выбравшись за пределы энергетической базы, довольно крутой извилистой тропинкой поднялся он вверх по склону горы и выехал вскоре на хорошую дорогу, по обочинам которой росли молодые чинары. Дорога вела прямо к колхозу “Первое мая”. Асмар, бывавший в этом колхозе, подробно рассказал о ней Курганову. Путь был не ближний, но Звездочет шел доброй рысью, и Евгению показалось даже, что он хорошо знает эту дорогу.

В колхозе первым заметил Курганова рослый парень в золотистой тюбетейке, распрягавший ослика возле дома с надписью “Правление колхоза”.

— Салам алейкум! — приветствовал он Евгения и, кивнув в сторону его коня, добавил: — Эта лошадь нам знакома. Салам алейкум, Мюнаджим! — И он потрепал сильной ладонью по широкой холке коня, которого и в самом деле звали Мюнаджимом.

Евгений хотел было спросить парня, откуда он знает коня, но тут с шумом распахнулось вдруг окно правления колхоза и в нем показалась уже знакомая Курганову бритая голова Самеда Мамедова.

— Здравствуй, солнечный мастер! — весело крикнул председатель колхоза. — А Дмитрий почему не приехал?

— Он бывал, значит, у вас? — обрадовался Евгений.

— А как же! Мы старые друзья с ним. Прошу заходить! Сейчас будем чай пить. Вы, наверное, Курганов будете?

— Курганов. А вы откуда меня знаете? — удивился Евгений, входя в контору правления колхоза.

— Во-первых, на совещании в райкоме видел; во-вторых, Дмитрий много рассказывал, — ответил Мамедов.

— А когда он был у вас в последний раз? — спросил Евгений, еле сдерживая волнение.

— Дня три назад, когда я с совещания вернулся, — ответил председатель колхоза, приглашая Евгения присесть.

— А до этого бывал?

— Был и до этого. Два раза всего был, но мы с ним настоящими друзьями стали. Хорошим человеком Дмитрий оказался. Сначала он за советом к нам приехал. Рассказал о такой солнечной машине, что у колхозников даже дух захватило: электричество эта машина из солнца вырабатывает. Дмитрий объяснил нам, как все механизмы в колхозе можно будет с ее помощью на электрическую тягу перевести, и спрашивает: очень ли нужна колхозам такая машина?

Самед улыбнулся, поправил усы и продолжал с чувством: — “Что за вопрос! — говорим. — Очень нужна такая машина!” — “Будет такая машина”, пообещал тогда Дмитрий. Мы от радости бросились качать его, но тут один аксакал, седобородый, почтенный человек, спрашивает: “А скоро ли дашь?” Дмитрий вроде смутился немного и говорит: “Через год-два, пожалуй”. Все приуныли сразу от этих слов. Разочаровал он нас таким ответом. Думали, есть уже такая машина, а она у него в голове только.

Мамедов, спохватившись вдруг, извинился и вышел куда-то. Евгений слышал, как он крикнул несколько раз:

— Фирюза!

Потом Самед вернулся в комнату и, улыбаясь, осторожно взял Евгения под руку:

— Прошу чай наш попробовать, пожалуйста. Я тут рядом живу, в двух шагах всего.

— Жара ведь страшная... — попытался Евгений отказаться от чаепития, так как в самом деле было нестерпимо жарко.

— Чай — лучшее средство от жары, — убежденно заявил Мамедов, увлекая Евгения в зеленый дворик, почти примыкавший к зданию правления колхоза.

Курганову пришлось подчиниться. Мамедов, распахнув калитку, ввел его во двор. Там под густым пологом тутовых деревьев стоял самовар и несколько широких чашек — пиал. Усевшись на коврик, Самед Мамедов кивнул красивой девушке с густыми длинными косами:

— Угощай гостя, Фирюза!

Лукаво подмигнув ей, он добавил весело:

— Между прочим, это друг Дмитрия. Привет тебе от него привез.

Девушка смутилась и покраснела.

— Спасибо за привет, — негромко сказала она и улыбнулась.

Евгений тоже улыбнулся ей и был смущен не менее ее. К счастью, девушка вскоре ушла куда-то, и Евгений, опив несколько глотков ароматного чаю, спросил Самеда:

— Ну, и чем же кончилась поездка Дмитрия в ваш колхоз?

— Дмитрий, конечно, приуныл немного, заметив, как мы расстроились, когда узнали, что еще нет у него солнечной машины, — неторопливо продолжал свой рассказ Самед Мамедов. — А я к тому же взял да и рассказал ему о своей беде с орошением хлопковых полей. “Мало вы думаете о нас, товарищи ученые”, заметил ему кто-то из колхозников, когда он уезжать собрался. Дмитрий обиделся даже от этих слов. “Как же, — говорит, — не думаем? Не только думаем, но и делаем для вас многое”. И рассказал о вашей солнечной машине, товарищ Курганов, и о других машинах. Тут уж и я не выдержал и спросил с досадой: “И все это добро киснет, значит, там, у вас на базе?” Ничего не ответил на это Дмитрий, попрощался сумрачно и уехал.

Самед Мамедов налил Евгению еще чаю, пододвинул поближе тарелку с засахаренными фруктами:

— Кушайте, пожалуйста!

Потом он крикнул что-то дочери по-азербайджански и продолжал свой рассказ:

— А когда в последний раз Дмитрий к нам приехал, совсем другим человеком нам показался: веселым, разговорчивым стал. Попросил озеро показать, откуда воду берем для поливки полей, хлопковые поля пошел смотреть, всем колхозным хозяйством интересовался. А потом и говорит: “Золотого мираба поставить здесь можно. Само солнце будет вам воду распределять”. — “Года через два?” пошутил кто-то. Но он не обиделся даже. “Зачем, — говорит, — через два года? В этом году сделать можно...” Он достал бумагу, на которой начертил план нашего колхоза и стал карандашом показывать: “Вот тут, — говорит, — солнечные сушилки можно будет поставить, вот тут кухню солнечную, тут холодильник”. На плане озера начертил какой-то круг на подставке и торжественно заявил: “А тут главная наша машина будет стоять — солнечный параболоид, который Евгений Курганов изобрел”.

— Так и сказал: “главная машина”?

— Так и сказал. “Будет, — говорит, — она у вас “солнечным мирабом”. Хозяином воды, значит. Из озера будет ее поднимать и по арыкам распределять”.

— Ну, а про электричество говорил что-нибудь? — попытался Евгений, горя нетерпением узнать поскорее все, о чем беседовал Дмитрий с колхозниками.

— Говорил. На каждой крыше обещал маленькую солнечную электростанцию поставить.

— А большую электрическую солнечную машину не обещал разве?

— Нет. “Пока, — говорит, — только свет в дома дадим, а дальше видно будет”. Я потом долго думал об этом. О том, как вода будет подогреваться и кухня солнечным теплом топиться, — легко понял. Как зайчик солнечный от огромного зеркала даст пар турбине — тоже сообразил. А вот насчет электричества не понял. Тогда не расспросил его как следует, а по том задумался над этим, да уж он уехал от нас. Как же так без динамо-машины, без всякого мотора солнечный луч сразу в электричество превращается? Может быть, вы объясните?

По всему видно было, что Мамедова очень интересовал принцип получения электричества Астровым. Он вопросительно смотрел Курганову в глаза, позабыв о чашке чая, которую давно уже держал в широко растопыренных пальцах.

— Как бы это попроще объяснить вам? — начал Евгений, опасаясь, что принцип фотоэффекта будет непонятен председателю колхоза. — Электричество, которое вырабатывает солнечная машина Астрова, называется фотоэлектричеством, так как оно возникает под действием солнечного или иного источника света.

— Извините, пожалуйста, — перебил Евгения Мамедов. — Это к фотоэлементам имеет какое-нибудь отношение?

Вспомнив наконец о своей чашке с остывшим чаем, он поставил ее на коврик.

— С помощью фотоэлементов Астров и получает свое электричество. А вы откуда знаете о фотоэлементах? — удивился Курганов.

— Как же не знать! — воскликнул Мамедов, и Евгению даже показалось, что он обиделся немного. — Кто же теперь не знает этого прибора! У нас в колхозе свой звуковой киноаппарат имеется, а в нем фотоэлемент — важная деталь. К тому же, совсем недавно на районной сельскохозяйственной выставке видел я простую огородную машину, которая шла между грядок и с помощью фотоэлемента зрелые помидоры обрывала. Как же не знать, что такое фотоэлемент, когда он в нашем хозяйстве широко применяется!

Курганову даже неловко стало после этого. Не учел он, оказывается, как широко внедрилась современная техника в быт наших колхозов.

— Ну, мне теперь легче будет разговаривать с вами, — смущенно улыбаясь, заметил он. — Вы знаете, значит, что некоторые металлы под действием падающего на них света испускают поток электронов, то есть, попросту говоря, электрический, или, вернее, фотоэлектрический, ток. При этом происходит, следовательно, переход одного вида энергии в другой. До сих пор было известно, что сильнее всего выделяют электрический ток под влиянием света щелочные металлы: калий, натрий и цезий...

— В фотоэлементах, кажется, чаще всего цезий применяется? — заметил Мамедов, доливая в чашку Евгения горячего чая.

— Совершенно верно, — подтвердил Евгений. — Но Астров нашел новый сплав, еще более чувствительный к свету. Это значительно повысило, коэффициент полезного действия его фотоэлектрических батарей.

— Все понятно, — заявил Мамедов. — Очень хорошие машины вы придумали! Когда только собераетесь на службу их к нам поставить?

Мамедов задал Курганову еще несколько вопросов и хотел показать все колхозное хозяйство, но Евгений не мог уже больше задерживаться здесь. Ему казалось, что путеводная нить в поисках Астрова была теперь у него в руках, и он хотел поскорее воспользоваться ею. Пообещав Мамедову приехать в другой раз на целый день, Евгений попросил привести своего коня.

— Приезжайте поскорее! — крикнул ему Самед Мамедов на прощанье. — Да не забудьте захватить ваши солнечные машины. Чабаны наши помогают ученым лучшие породы овец выводить, постараются и хлопководы помочь вам солнечные машины усовершенствовать. Взаимную помощь друг другу окажем.

По верному следу

Вернувшись на энергетическую базу, Курганов тотчас же поспешил к домику Астрова. Он оказался закрытым на замок. Евгений разыскал Рустама и попросил у него ключ.

В домике Дмитрия все предметы были в том же положении, в каком Курганов видел их в последний раз. Теперь он твердо знал, что ему нужно искать, и методически стал осматривать комнату.

Он начал осмотр со стола, выдвигая каждый ящик в отдельности и тщательно просматривая все до последней бумажки.

В первом ящике не было ничего интересного, но во втором Евгений обнаружил несколько папок с письмами, вырезками из газет и целую кипу любительских фотографий.

Почти все материалы, собранные Дмитрием, касались главным образом вопросов орошения хлопковых полей в засушливых районах Закавказья. По заметкам, сделанным на полях газетных вырезок, чувствовалось, что Астров читал их вдумчиво, отбирая нужные ему данные и технические расчеты.

В том же ящике лежало несколько книг по вопросам ирригации. Перелистав их, Курганов и здесь обнаружил интерес Астрова к технике подачи воды в оросительные каналы и планировке колхозного хозяйства.

Рассматривая все эти материалы, Евгений вспоминал невольно, как ездил Астров на разные стройки, возвращаясь с них возбужденным и взволнованным, с кипами газет и многими метрами израсходованной фотопленки.

Досадно вдруг стало, что все как-то не хватало времени поговорить с Дмитрием по душам, поглубже познакомиться с его идеями и замыслами. А вот теперь его фотоснимки, газетные вырезки с подчеркнутыми строками и восклицательными знаками на полях, письма бывших однокурсников его — участников крупных строек и рассказ Самеда Мамедова совсем в ином свете раскрыли перед Кургановым скромного и не очень разговорчивого Дмитрия Астрова. Каким-то диким показалось теперь предположение Сарычева, что Астров мог обидеться на решение комиссии и демонстративно уехать в институт жаловаться на что-то директору.

Все с большим интересом стал перебирать Курганов тетради, записные книжки и чертежи Астрова. Он просмотрел все ящики стола, книжный шкаф, этажерку и в одном из круглых футляров нашел наконец то, что составляло главную цель его поисков.

Он развернул плотную бумагу, свернутую в рулон, и расстелил ее на столе Дмитрия. Это не был чертеж, в полном смысле этого слова, а всего лишь беглый набросок карандашом, но на нем легко было узнать план хлопковых полей колхоза “Первое мая”, квадратики жилых домов колхозного поселка и особо выделенные общественные здания. Жирными линиями были обозначены озеро и система ирригационных каналов. В центре озера был набросан эскиз параболической установки, в других местах плана, в соответствии с обстановкой, — остальные солнечные машины энергетической базы. Всем им нашел Дмитрий разумное применение.

Евгений уселся в кресло Астрова и долго изучал составленную Дмитрием схему оборудования колхоза “Первое мая” солнечными машинами. В ней не были еще продуманы все детали, многое намечалось лишь в общих чертах. Чувствовалось, что Дмитрий хотел предложить только ориентировочный набросок, полагая, видимо, что детали разработают те специалисты по гелиотехнике, машины которых предлагал он вывести на колхозные поля. Астров, несомненно, представлял себе эту работу коллективным творчеством всех сотрудников энергетической базы.

Совершенно отчетливо увидел Курганов и другое: для него не оставалось теперь никаких сомнений, что, по замыслу Астрова, главная роль в идее оснащения колхоза

“Первое мая” солнечными машинами отводилась параболической.

А когда Евгений заглянул еще раз в футляр, из которого достал так заинтересовавшую его схему, то обнаружил в нем еще несколько бумаг, среди которых был довольно крупный эскиз общего вида параболической. Всмотревшись в него внимательнее, Евгений чуть не вскрикнул от удивления: у основания своей солнечной установки он увидел изображение нескольких секций фотоэлектрических батарей Астрова, соединенных проводниками с поворотным механизмом параболической.

Это тоже не был законченный чертеж, а такой же беглый набросок, как и на первой схеме, но замысел Астрова был так же предельно ясен в нем, и он поразил Евгения. Получалось, что Дмитрий предлагал свои фотоэлектрические батареи для приведения в действие поворотного механизма параболической.

Вопрос о поворотном механизме до сих пор не был окончательно разрешен Кургановым. Многие трудности стояли на пути этого решения. Механическую силу для поворота параболического зеркала обычно давал пар, но для образования этого пара требовалось время, пока солнце успевало нагреть гелиокотел. В первые часы после восхода солнца приходилось поэтому применять для поворота зеркала специальный бензиновый моторчик, включавшийся автоматически. Работал он четко, но был все же чем-то инородным в общей системе механизмов параболической, не потреблявших никакой энергии, кроме солнечной.

И вот теперь Астров предлагал свои фотоэлектрические батареи, дававшие электрический ток тотчас же, как только падал на них первый луч солнца. Тут уж не было ничего инородного, вся система теперь составляла единое целое. Поняв это, Евгений взволнованно прошелся по комнате.

“Вот ведь, оказывается, каков Митя! — растроганно думал он. — А Сарычев заподозрил его в зависти ко мне, в затаенной обиде... Нелепость какая! Как чудовищно слеп Антон Кириллович... Сам затаил какую-то мелкую обиду и на свой аршин готов всех мерить...”

Затем Евгений снова взял схему установки солнечных машин на колхозных полях, составленную Астровым, и тщательно стал изучать ее. Кое-что он повернул бы по-другому, кое-что добавил бы, но в целом проект был хорош и вполне мог лечь в основу более детальной разработки этого вопроса.

Оторвав наконец глаза от плана Астрова, Евгений взглянул на окно, собираясь распахнуть его, так как в комнате было душно, и тут будто впервые увидел прямо перед собой свою параболическую установку. Зеркальная чаша ее, казалось, была наполнена расплавленным серебром. Иллюзию эту еще более усилило легкое парение, исходившее от гелиоколла, на стальных кронштейнах повисшего над зеркалом.

“Значит, Митя, когда чертил свой план за этим вот столом, все время видел мой параболический у себя перед глазами? — невольно подумал Евгений. — Значит, когда начался ураган...”

Но так и не закончив этой мысли, Курганов с чертежами Астрова в руках поспешно выбежал из домика.

— Асмар! — крикнул он своему механику, который все еще ремонтировал поворотный механизм параболического.

Асмар торопливо вскочил на ноги. Возбужденный голос Курганова, видимо, встревожил его.

— Что случилось, Евгений Николаевич? — испуганно спросил он.

— Асмар, — еле переводя дыхание, продолжал Евгений, — вы все еще не знаете, кто пустил воду в гелиоколла во время урагана?

— Не знаю, Евгений Николаевич, — ответил Асмар. — Только Дмитрий Иванович мог бы это сделать... Он ведь знал, что мы дефокусировали параболический и перекрыли клапаны питательных труб.

— Да, это мог сделать только Дмитрий, — твердо решил теперь Евгений и понял вдруг все, что произошло в тот день, когда над экспериментальной базой разразился ураган...

Заблуждения Сарычева

Курганов побежал к Сарычеву. У крыльца дома Антона Кирилловича стояла незнакомая Евгению машина. Он невольно остановился возле нее, увидев Рустам, выносившего из машины чей-то чемодан.

— Дядя Рустам, — обратился он к коменданту, — кто это приехал?

— Сумбатов, — ответил комендант.

— Сумбатов? — удивился Евгений. — Назар Мамедович?

— Он самый, — подтвердил Рустам, поднимаясь на веранду.

Назар Мамедович был заместителем директора энергетического института, и Евгений очень обрадовался его приезду. Никто лучше Назара Мамедовича не смог бы понять его теперь. Он торопливо взбежал на веранду вслед за комендантом. Рустам поставил чемодан в угол и, не решившись идти дальше, прошептал, кивнув на закрытую дверь:

— Распекает, кажется, нашего начальника.

А в это время Назар Мамедович в самом деле распекал Антона Кирилловича, который сидел против него в плетеном кресле с высокой спинкой (“а ля Вольтер” в шутку называл эти любимые кресла Сарычева Гасан Назимов). Вид Антона Кирилловича был необычен. На сухощавом самоуверенном лице его, всегда таком надменном, появилось теперь выражение виноватости и смятения. Он сидел неподвижно, скрестив на животе руки с тонкими длинными пальцами, и смотрел не на Назара Мамедовича, а куда-то поверх его головы.

— Ссылка ваша, Антон Кириллович, на то, что установка параболического Курганова и других солнечных машин съест средства, отпущенные на экспериментальную работу, не выдерживает никакой критики, — строго отчитывал Назар Мамедович Сарычева. — Средства на это имелись у вас в достаточном количестве, но вы сами их перерасходовали неумелым хозяйничаньем. Заинтересовать же колхозников установкой параболического да в их колхозе вы, видимо, не нашли нужным. А ведь они могли помочь вам в этом деле и уж рабочей силой-то, конечно, обеспечили бы.

Сарычев попытался было возразить что-то, но Назар Мамедович остановил его протестующим жестом:

— Вас я терпеливо выслушал, потрудитесь же и вы теперь выслушать меня. Чуждаясь практической работы и связи с народом, вы решили продолжать отсиживаться в стенах экспериментальной базы, убеждая нас в необходимости все внимание сосредоточить на фотоэлектрических батареях Астрова. Значение же этих батарей в настоящее время вы явно переоценили. Огромный экономический эффект их, на который делаете вы главную ставку, к сожалению, недостижим так скоро.

Заметив недовольную гримасу Сарычева, Назар Мамедович добавил:

— Из этого вовсе не следует, что мы должны ослабить работу над изобретением Астрова. Напротив, мы усилим ее, но не в ущерб нашей повседневной работе. А вы не поняли этого и попытались отстраниться от важной задачи внедрения нашей гелиотехники в практику местных колхозов.

Назар Мамедович расстегнул воротник сорочки, вытер потный лоб.

— Очень тяжелыми последствиями грозит все это, Антон Кириллович, — продолжал он нахмурясь. — Жизнь показала, что там, где ученые не связаны с практикой, оторваны от жизни, от запросов народного хозяйства, научная работа становится бесплодной. Помните, что сказал об этом Иосиф Виссарионович? “Наука, — сказал он, — порвавшая связь с практикой, с опытом, — какая же это наука?”

Тяжело ступая по мягкому ковру, Назар Мамедович стал медленно прохаживаться по кабинету Сарычева, продолжая высказывать свое мнение об Антоне Кирилловиче.

— Да и статья эта в иранском журнале, видимо, вскружила вам голову, — говорил он. — Неужели поверили вы, что иранцы добились большего, чем Астров? Они бы не заигрывали с ним в этом случае, не расточали бы комплиментов по его адресу в своем американизированном журнале. А тактика их очень нехитрая: перепи с- ку они хотят наладить с Дмитрием Ивановичем и вывести у него кое-что. Неужели вы не поняли до сих пор этих авантюристов?

— Разве Клиффорд и Шерифи как ученые совершенно ничего не стоят? — удивленно спросил Антон Кириллович.

— Шерифи — самый заурядный иранский инженер, — спокойно объяснил Назар Мамедович. — Над фотоэлектрическими батареями он работает уже давно, но коэффициент полезного действия его установок совершенно ничтожен. О талантах Клиффорда вы можете судить по тому, что, работая над зеркальными отражателями, он не пошел дальше параболических конусов и цилиндров, да и то, говорят, присвоил принцип их у мексиканского инженера Мануэля Альфоро. Проблема же создания параболических отражателей, решенная нашей техникой, оказалась для него непосильной.

Назар Мамедович пытливо посмотрел поверх очков на смущенное, побледневшее лицо Антона Кирилловича и продолжал, чуть-чуть повысив голос:

— А ведь это не что иное, как капитуляция перед трудностями, творческое бессилие. Конусные отражатели, как вы знаете, конструктивно сложнее параболических. К тому же в них неосуществим принцип самоизоляции, так как они концентрируют солнечные лучи не на точку, а на прямую линию. Тепловое напряжение их поэтому во много раз ниже, чем в нашем советском параболическом отражателе.

Назар Мамедович снова прошелся по комнате и, помолчав немного, произнес:

— Видите, Антон Кириллович, что это за “светила” заграничной науки и техники, а вы честью соревнования с ними хотели вскружить голову Астрову!

В это время в комнату почти вбежал Евгений Курганов, слышавший последние слова Назара Мамедовича.

— К счастью, голова у Астрова оказалась крепкой, — возбужденно воскликнул он. — Не удалось Антону Кирилловичу вскружить ее. Вот, взгляните на эту схему, Назар Мамедович! Ее набросал Дмитрий Астров. Она вам расскажет многое.

И он подал Сумбатову схему, которую нашел в комнате Астрова, Назар Мамедович с интересом стал рассматривать ее. Склонил над ней голову и Сарычев.

— Вы, пожалуй, правы, Евгений Николаевич, — удовлетворенно заметил Назар Мамедович после некоторого раздумья. — Астрову общие интересы дела, видимо, дороже собственных, и он своей схемой высказал это красноречивее всяких слов. Своим фотоэлектрическим батареям он отвел здесь пока очень скромную роль. Однако придет время, когда они оставят далеко позади все существующие солнечные машины. Я не сомневаюсь в этом. Но где же все-таки Дмитрий Иванович? Что предпринято вами для его поисков?

Смелое предположение

— Я предпринял все, что было в моих силах, — стал оправдываться Сарычев, но Евгений перебил его:

— Назар Мамедович, — дрогнувшим голосом проговорил он, — позвольте мне рассказать вам, что случилось с Астровым!

Сумбатов удивленно посмотрел на Курганова и лишь молча кивнул в знак согласия.

— Мне удалось, кажется, разгадать тайну... — тихо начал Евгений. — И знаете почему?

Задав этот вопрос, он помолчал немного, хотя вовсе не ждал ни от кого ответа. Просто захотелось привести дух перед тем, как сообщить главное.

— Вот вы говорите, что предприняли все, чтобы найти Астрова, — обратился он к Сарычеву. — Но как вы искали его? Ведь вы шли к тайне его исчезновения как-то снизу... Видели в этом только отрицательную сторону, полагая, что обида, уязвленное самолюбие всему причина. Но все это не вязалось как-то с характером Дмитрия. Я все время смутно чувствовал это, но у меня не было фактов, которые подкрепили бы это чувство. Помог мне очень чуткий человек — секретарь райкома партии товарищ Джафаров, подсказавший, как напасть на верный след Дмитрия.

И тут Курганов рассказал Назару Мамедовичу со всеми подробностями о своем посещении Самеда Мамедова и о схеме установки солнечных машин в его хозяйстве, разработанной Астровым.

— Вот она, эта схема! — кивнул он на плотный лист бумаги, который Сумбатов все еще держал в руках. — Скажите, Назар Мамедович, как по-вашему, на чем будет базироваться гелиоэнергетика колхоза “Первое мая”, по замыслу Астрова?

Заместитель директора еще раз взглянул на схему и произнес уверенно:

— Насколько я разобрался в этом деле, Астров предполагает для орошения хлопковых полей колхоза поднимать воду из озера энергией вашего параболического.

— Мне тоже так кажется, — торжественно заявил Евгений. — Но не подумайте только, Назар Мамедович, что я отмечаю это из честолюбивых побуждений. Нет! Это просто очень важно для дальнейшего хода моих рассуждений. А теперь представьте себе домик Астрова. Дмитрий работал в нем за своим столом над схемой установки солнечных машин в колхозном хозяйстве целую ночь. Забыв об отдыхе, продолжал работу и на сле-

дующее утро. Он торопился, наверно, закончить ее к нашему возвращению с районного совещания. Наконец почти все было готово, оставалось сделать только кое-какие надписи и пояснения. Но тут вдруг на базу обрушился первый удар урагана. Порыв ветра ворвался в комнату и сбросил со стола все бумаги. Дмитрий поторопился, должно быть, захлопнуть поскорее окно, и тут, видимо, взгляд его упал на мой параболоид, хорошо видный из его домика...

Евгений выпил несколько глотков воды из стакана, стоявшего на столе, глубоко вздохнул и продолжал:

— Зеркало параболоида полыхало ослепительным блеском, и это не могло не удивить Дмитрия. Он ведь знал, что мой механик вывел параболоид из фокуса и перекрыл воду, поступающую в гелиокотел. А ураган продолжал свирепствовать, и яростные порывы ветра, очевидно, навели Дмитрия на верную мысль. Он догадался, что это буря сорвала тормоза поворотного механизма параболоида и зеркало его автоматически повернулось к солнцу. Дмитрий хорошо знал, чем все это могло кончиться, и не задумываясь выбежал из своего домика...

Евгений говорил торопливо, взволнованно, будто видел все перед своими глазами, но когда подошел к главному пункту догадки, ему стало вдруг страшно рассказывать дальше. Он замолчал, тяжело переводя дыхание.

— Продолжайте же! — нетерпеливо произнес Назар Мамедович.

Евгению стало душно. Он расстегнул все пуговицы своей рубашки и продолжал каким-то чужим голосом:

— Борясь с ветром, Дмитрий подбежал к параболоиду и попытался, наверно, дефокусировать зеркало, но это, видимо, не удалось ему. Тогда он решил открыть вентиль водопроводной трубы и стал взбираться для этого по лесенке, ведущей к гелиокотлу. Вzbесившийся ветер пытался оторвать его от железных перекладин, но Дмитрий добрался до самого верха. Палящие лучи солнца, собранные в одну точку на гелиокотле, обжигали его. Может быть, начала уже тлеть одежда, но он дотянулся наконец до верхнего вентиля, и вода с шумом ринулась в котел. Но вдруг...

Снова защемило что-то в горле Евгения и перехватило дыхание, но он окончил все же свой рассказ:

— ...вдруг резкий порыв ветра со страшной силой рванул Дмитрия и бросил в пылающий конус солнечных лучей...

Несколько минут все сидели молча, будто онемев от страшного рассказа. Назар Мамедович безжизненно свесил ослабевшие руки. У Евгения выступили на лбу мелкие капельки пота. Даже Сарычев переменялся в лице.

— Какой ужас! — прошептал он.

Тяжело переводя дыхание, Назар Мамедович произнес:

— Ну, это еще нужно проверить.

Он хотел сказать еще что-то, но раскашлялся вдруг, тяжело поднялся с кресла, подошел к окну и распахнул его.

Наступило томительное молчание. Евгений не решился нарушить его. Назар Мамедович задумался о чем-то. Только Сарычев тяжело вздыхал и нервно ерзал в кресле.

— Что-то не верится мне, что все случилось именно так, — произнес наконец Назар Мамедович, — хотя это пока единственное реальное объяснение бесследного исчезновения Дмитрия Ивановича. Идемте же немедленно проверим вашу догадку, Евгений Николаевич.

Уточнение догадки

Курганов послал Рустама за Асмаром и повел Назара Мамедовича к своему параболоиду. Антон Кириллович, понутив голову, шел следом за ними.

— Что делать будем, Евгений Николаевич? — шепотом спросил нагнавший Курганова Асмар. — Опять будет обследование нашего параболоида? — кивнул он в сторону Назара Мамедовича, полагая, видимо, что Сумбатов с этой целью прибыл из института.

— Да, Асмар, будет обследование, но только по другой части, — неопределенно ответил Курганов и приказал Асмару выключить самоходную установку поворотного механизма и ручным регулятором придать зеркальной чаше параболоида ряд положений.

— В какое время могло произойти это несчастье? — спросил Назар Мамедович.

— Полагаю, что между семью и десятью часами, так как именно в это время свирепствовал над базой ураган, — ответил Курганов.

Асмар установил параболоидное зеркало сначала в положении, соответствующем семи часам утра, затем стал медленно перемещать его к положению, соответствующему десяти часам дня,

— Что вы скажете, Назар Мамедович? — спросил взволнованно Евгений, когда зеркало прошло все заданные положения.

— Да... — задумчиво отозвался Назар Мамедович, — при таких положениях параболоида Дмитрий Иванович мог, конечно, попасть в конус испепеляющих солнечных лучей, но...

Замолчав, он медленно обошел вокруг параболоида и только после этого закончил свою мысль:

— ..но мне кажется, что не случилось этого.

— Почему?

— Да потому хотя бы, что должны были остаться хоть какие-нибудь следы от него.

— При той температуре, которая достигается в фокусе отраженных параболоидом солнечных лучей, всего лишь через несколько минут от него не осталось бы буквально ничего, — заметил Евгений.

— Да, если бы он все время находился в фокусе, а ведь у нас нет доказательств, что он попал именно в фокус.

— Но что же предположить тогда? — растерянно спросил Евгений.

— Будем продолжать поиски, — решительно заявил Назар Мамедович.

В это время на территорию экспериментальной базы въехала какая-то машина. Ее не было еще видно за огромными секциями водонагревателей, но по звуку мотора Асмар сразу же заключил, что машина не принадлежала базе, и насторожился.

— Приехал кто-то, — сказал он и обратился к Курганову: — Разрешите, сбегаю узнаю?

Но тут из-за солнечного кипятильника показался Рустам с высоким смуглым человеком в дорожном плаще.

— Товарищ Джафаров! — удивленно воскликнул Курганов и поспешил к нему навстречу.

Секретарь райкома шел, улыбаясь и приветливо кивая Евгению.

— С хорошей вестью к вам прибыл, — весело сказал он, поздоровавшись со всеми.

Евгений так был заинтересован неожиданным приездом Джафарова, что даже забыл познакомить его с Сумбатовым.

— Нашелся ваш Дмитрий Иванович, — торжественно заявил секретарь райкома.

— Как?! — почти в один голос воскликнули Евгений и Асмар.

Назар Мамедович лишь вопросительно поднял брови и терпеливо ждал объяснений. Антон Кириллович заморгал рыжеватыми ресницами. В уголках его тонких губ притаилась самодовольная улыбка. Он все еще надеялся, что, может быть, подтвердится его версия исчезновения Астрова.

— Разыскал Дмитрия Ивановича капитан Керимов, — продолжал секретарь райкома после короткой паузы. — И знаете где? В колхозной больнице. Колхозники нашли Астрова дня два назад на берегу реки в бессознательном состоянии. Но теперь ничего — кризис миновал, и врач уверяет, что дело пойдет на поправку.

— Позвольте, но как же все-таки случилось это?.. — недоумевающе развел руками Антон Кириллович. — Неужели он в реку бросился?

— Что за ересь вы несете, Антон Кириллович! — возмутился Курганов и возбужденно спросил коменданта базы: — Дядя Рустам, сильно ли разлилась наша речушка в день урагана?

Все сразу же повернулись к небольшой речонке, протекавшей неподалеку. Насосы параболоида засасывали из нее воду для гелиокотла. Река была совсем мелкая, но, родившись высоко в горах, она стремительно несла в долину свои прозрачные холодные воды. Пологие берега ее, усеянные полированной галькой, были несоразмерно широкими.

— Сильный ливень разразился в тот день в горах, — ответил Рустам на вопрос Курганова. — Взбухла речка от этого. До самого постамент параболоида вода доходила.

— Все понятно тогда, — уверенно заявил молчавший все это время Назар Мамедович. — Догадка ваша, Евгений Николаевич, в основном верна. Дмитрий Иванович, видимо, в самом деле пытался спасти параболоид, только он попал при этом не в конус солнечных лучей, а был сброшен ветром в реку.

— Да-да, правильно! — подтвердил Джафаров. — Астров пока еще так слаб, что расспрашивать его врач категорически запретил. Но из того, что он сам сказал, когда к нему вернулось наконец сознание, Керимов сделал предположение, что Астров сорвался откуда-то в реку. Плыл потом по течению, боролся с волнами, совершенно обессиленный был выброшен на берег и потерял сознание.

Теперь уже ни у кого не оставалось сомнений в происшедшем. Даже Антон Кириллович, кажется, окончательно разуверился в своих заблуждениях.

* * *

На следующее утро, собираясь в институт, Назар Мамедович сказал Курганову:

— Антона Кирилловича я забираю с собой. Он слишком засиделся здесь и стал отставать от жизни. Придется подыскать ему другую работу. Ну, а вы, Евгений Николаевич, временно останетесь здесь за начальника.

И, уже садясь в машину, он заметил удовлетворенно:

— Вот ведь как блестяще восторжествовала ваша точка зрения, Евгений Николаевич! Сарычев не меньше вашего, пожалуй, искал Астрова, но пошел при этом по темному следу, и Дмитрий Иванович пропал для него бесследно. А вы шли от светлых сторон характера Астрова оказались правы. Удивительную закономерность вижу я во всем этом происшествии!

КОГДА УТИХЛА БУРЯ

Подозрительный рыболов

На нем был легкий, хорошо сшитый серый костюм. В зубах дымилась дорогая папироса. Короткими взмахами весел он гнал вниз по течению Волги легкий однопарный ялик, на корме которого лежали спиннинг с набором блесен, десятка полтора кружков, бадейка для живцов, багор, зевник, экстрактор и другие рыболовные принадлежности.

— Опять, видно, к нам за живцами этот чудак! — усмехнулся рослый, широкоплечий бригадир рыболовецкой колхозной артели, принимавший улов на моторный бот.

Ялик в самом деле подплыл к рыбачьей флотилии. Гребец пустил весла по борту и, добродушно улыбаясь, поздоровался с бригадиром. Поинтересовавшись, как идут дела в артели, протянул папиросы, предложил закурить и спросил:

— Не раздобуду ли я живцов у вас?

— Это можно, — отозвался бригадир, подтягивая мокрую снасть, свисавшую за борт. — Сколько вам?

— Да вот не знаю, какой жор будет, — задумался рыболов, поднимая со дна ялика пустую бадейку. —

Погода-то, кажется, к ветру?

— Да, к вечеру ждем ветра, — подтвердил бригадир, сбрасывая снасть на палубу.

— Сильного? — заинтересовался рыболов.

— Порядочного. Баллов так пять—шесть, с дальнейшим усилением.

— Надолго, значит?

— Может и на недельку заладить.

Рыболов, видимо, остался доволен полученными сведениями. Приветливая улыбка не сходила с его сытого лица. В порыве благодарности он снова достал папиросы и почти все роздал рыбакам. Ему наполнили бадейку живцами. Он поставил ее на прежнее место в ялике и, уже попрощавшись, будто невзначай, спросил:

— А насчет ветра по местным приметам предположение делаете или как?

— Мы кустарщиной не занимаемся, — усмехнулся молодой рыбак в полосатом тельнике. — Нас метеорологическая станция обслуживает. Прогноз дает на несколько дней.

Рыболов еще раз кивнул колхозникам и взялся за весла.

Когда он отъехал довольно далеко, седой коренастый рыбак, член правления рыболовецкого колхоза, сомнительно покачал головой, вынул изо рта трубку и заметил:

— Не нравится мне этот рыболов.

— Чего так, Семен Петрович? — спросил бригадир.

— Все ветром интересуется. Вчера, думал, случайно это, а сегодня опять вот.

— Ну так что же? — удивился бригадир, снимая фуражку и вытирая потный лоб. — Для рыбака погода — дело важное.

— Так-то оно так, — задумчиво произнес Семен Петрович, — только присмотрелся я к его рыболовному снаряжению: как в магазине — все новенькое. Да и кто же кружками на течении ловит. Видом опять же не похож он на местных любителей, тех, что я знаю.

— По всему видно, что не из наших, — согласился молодой рыбак в полосатом тельнике, прислушавшись к разговору. — Из приезжих, верно.

Минут пять Семен Петрович сосредоточенно размышлял, потом подозвал рыжего веснушчатого парнишку и шепнул ему что-то на ухо.

Парнишка проворно сел в лодку и поплыл, огибая небольшой островок.

Часа через полтора он вернулся и доложил Семену Петровичу:

— Видно, для блезира только порывалил этот пижон. Забросил раза два спиннинг, а кружки и не ставил даже. Потом расплатился с Охрименко за ялик и ушел в город. Живцов в воду выпустил, а жерлицы Охрименко подарил. “На память”, говорит.

— Ну, а кто он таков? — допытывался Семен Петрович, неторопливо набивая трубку табаком. — Поинтересовался?

Парнишка самодовольно улыбнулся:

— А как же! Навел справки. Охрименко его хорошо знает. Он у него третий раз ялик нанимал. Говорит, что из гостиницы “Волга”, вроде турист какой-то.

Дело номер 00113

Майор Дубравин долго рассматривал стеклянные осколки, разложенные на чистом листе белой бумаги. Осколки были разной формы. Стекло самое обыкновенное, прозрачное и не очень тонкое. Однако по всему чувствовалось, что майора эти простые стекляшки очень интересовали. Он торопливо соединил их, хотя стоило это немало труда, и пытался возможно точнее измерить диаметр получавшейся трубочки.

Лишь на короткое время оставлял он это занятие, принимаясь ходить по кабинету и вполголоса напевать свою любимую песню: “Летят перелетные птицы”.

Укрепившись наконец в каком-то твердом мнении, майор вышел из-за стола и открыл обитую войлоком и дерматином дверь в соседнюю комнату.

— Товарищ Глебов, — обратился он к старшему лейтенанту, разбиравшему какие-то бумаги, — вы не помните, каков был диаметр той, первой?

Старший лейтенант достал записную книжку и посмотрел запись.

— Пятнадцать миллиметров, товарищ майор, — доложил он.

— Так-с, — задумчиво проговорил Дубравин, прохаживаясь перед фронтом книжных шкафов, в стеклах которых отражалась его высокая фигура. — Диаметры совпадают!

Старший лейтенант, белокурый молодой человек, терпеливо ждал. По упрямо сведенным бровям начальника он заранее знал, что вопросов будет немало.

— Как по-вашему, — спросил майор, продолжая прохаживаться по комнате, — случайность это?

— Полагаю, нет, — уверенно ответил Глебов.

— Почему?

Майор остановился и, чуть прищурившись, посмотрел в глаза старшему лейтенанту.

— Совпадает ведь не только диаметр, — ответил тот, — но и место находки — полотно железной дороги.

— Резонно! — заметил майор, одобрительно кивнув головой.

— Содержание пробирок, — продолжал старший лейтенант, — по-видимому, тоже одинаковое.

— Ну, это, положим, нужно еще доказать. Вы имеете в виду разновидность Aphidodea? — спросил Дубравин, слегка приподняв брови.

— Так точно. В первом случае это ведь бесспорно?

— Бесспорно, — согласился Дубравин.

— А во втором — может быть допущено. Знаете, как в математике.

— Я очень ценю вашу лаконичность, — улыбнулся майор, — но на этот раз прошу высказаться подробнее.

— Слушаюсь, — отозвался старший лейтенант и стал высказывать свои соображения: — Путевой обходчик, который обнаружил пробирку номер два, как нам удалось установить, сначала обратил внимание на странное состояние травяного покрова у полотна дороги. Затем, ошупывая траву, он порезал пальцы об осколки стекла и только тогда их заметил. От стекла шел неприятный запах, так же как и от травы вокруг. Это показало обходчику подозрительным, и он решил доставить нам осколки пробирки. Судя по его описанию внешнего вида травы, мы и тут имеем дело с Aphidodea.

— Ничего не могу возразить, — улыбнулся майор, довольный ходом мысли своего помощника. — Ну, а что же дальше?

— К сожалению, пока это все, — признался старший лейтенант.

Майор помедлил немного и спросил:

— Вы поинтересовались тем, в какое время путевой обходчик делал обход железнодорожного полотна?

— Так точно.

— Понимаете, конечно, почему это важно?

— Это даст нам знать, какой поезд прошел перед тем, как обходчик обнаружил осколки пробирки, — ответил старший лейтенант, перелистывая записную книжку. — Вот, пожалуйста, — нашел он нужную запись: — обход железнодорожного полотна был в три тридцать, а за полчаса до этого прошел поезд номер пятьдесят девять.

— Значит, тот же самый поезд?

— Так точно, тот же самый.

Майор еще немного походил в задумчивости по комнате и уже у двери своего кабинета спросил:

- Кто из специалистов выехал на место происшествия?
— Выехал сам товарищ Сердечный.
— Очень хорошо, — удовлетворенно заметил майор. — Это дело явно по его части.

Дубравин ушел в свой кабинет, оставив дверь открытой. На несколько минут воцарилась тишина, но вскоре старший лейтенант снова услышал голос майора:

- Прошу вас, товарищ Глебов, приготовить мне все документы, касающиеся этого дела.
— И сообщение рыбаков тоже? — спросил старший лейтенант, доставая из стола нужные бумаги.
— Безусловно. Теперь в этом не может быть никаких сомнений: оно имеет сюда прямое отношение.

Когда все, что просил майор, лежало на его столе, он тщательно пересмотрел документы, сам наколот их на металлическую планку и четко, крупными буквами написал на верхней крышке новой папки:

“Дело № 00113”.

Метеоролог Крылов принимает решение

Рослый, плотно сколоченный, обожженный ветрами и солнцем, Василий Крылов стоял на берегу Волги, облицованном огромными каменными плитами, и задумчиво смотрел на веселую игру утренних лучей в широкой волжской волне.

— Ну, хватит вам! — потянула его за рукав флотского кителя Галина Сугрובה.

— Знали бы вы, Галина Сергеевна, до чего тяжело уходить от Волги в вашу пустыню... Ну, да что теперь говорить об этом! Решение принято, и точка.

Он энергично повернулся к Галине и надел на светлые, выгоревшие на солнце волосы флотскую фуражку с лакированным козырьком.

— Вот и отлично! — улынулась Галина и крепко пожала руку Крылову. — Правильное решение приняли. Не будем, в таком случае, терять времени. Нам предстоит еще неблизкая дорога.

С этими словами она села за руль открытого автомобиля и включила мотор. Крылов положил на заднее сиденье два своих чемодана и уселся рядом с Сугрובовой.

С Крыловым Галина познакомилась и подружилась года два назад, в Саратове, где он работал на волжской метеорологической станции, а она училась в агролесомелиоративном институте. Когда же, окончив институт, Галина уехала в астраханскую полупустыню, Крылов стал писать ей частые письма, расспрашивая о работе. Галина отвечала аккуратно, вдохновенно описывая полюбившуюся ей природу во всех подробностях.

Неизвестно, сколько бы длилась эта переписка, если бы метеоролог опорного пункта, на котором работала Сугрובה, не уволился по состоянию здоровья. Оставшись без службы погоды, директор пункта Михаил Александрович Птицын ездил в область, просил дать ему метеоролога, но в отделе кадров никого не было в резерве. Вот тогда-то Галина и написала Крылову письмо, горячо убеждая перевестись на службу в управление лесного хозяйства.

Недели две после этого от Василия не было писем. Галина уже начала сомневаться в успехе своего предложения, как вдруг получила короткую телеграмму:

“Встречайте двадцать второго пароходом “Молотов” тчк Крылов”.

И вот он приехал сегодня.

— Удивительно как-то все у меня получается, — задумчиво заметил Василий, когда машина тронулась. — На фронте я, речник, все время во флот рвался, а меня убедили в пехоте остаться, говоря, что главный фарватер войны по суше проходит. — Он протер ладонью пыльное ветровое стекло машины, усмехнулся и добавил: — Вот и теперь — только осел я на переднем крае трудового волжского фронта, возглавил метеорологическую службу на одном из его участков, мечтал повоевать тут с ветрами, с непогодами, а вы меня опять переубедили. Отчего это происходит, спрашивается? От бесхарактерности моей, что ли?

— Нет, не от бесхарактерности, — серьезно ответила Галина и, повернувшись к Крылову, внимательно посмотрела на его густые, близко сходящиеся у переносицы брови, отчего постоянно казалось, что он хмурится. Крупное лицо его было суровым, хотя Галина знала, какое доброе, отзывчивое сердце у этого человека. — Нет, не от бесхарактерности это, — убежденно повторила Галина. — От сознательности. Перед вами ведь шире задача стала. Вам предложили повоевать не за отдельный участок Волги, а за гораздо большую территорию. Передний край этой борьбы лежит не по фарватеру Волги, а гораздо восточнее, на линии Уральск-Калмыково-Гурьев, на границе прикаспийских полупустынь и среднеазиатских пустынь. Где же вам быть, Василий Иванович, как не на переднем крае войны с песками и суховеями?

— Да, это так, Галина Сергеевна, — просто ответил Крылов и снова протер ветровое стекло.

Машина шла теперь асфальтированной магистралью города к одной из его окраин, уходящих в зеленые заросли Волго-Ахтубинской поймы. Миновав пригород и многочисленные ерики и ильмени, она вышла наконец на песчаную дорогу, пролежавшую через степь.

Крылов был задумчив, и Галине казалось, что он не очень доволен переводом на новую работу. Не отрываясь смотрел он вперед, на жесткие степные травы, припудренные сизой пылью у обочин дороги.

— Вы не унывайте, Василий Иванович, — сказала Галина, стараясь ободрить его, — не жалейте, что на предложение мое согласились. Интересным делом будете у нас заниматься.

Но Крылов не нуждался в утешении. Он был одним из тех людей, которые, раз приняв какое-нибудь решение, уже не сомневаются больше в том, правильно ли они поступили. Теперь он думал только об этом новом крае, в котором придется вести службу погоды, и ему уже казалось, что работа будет необычайно увлекательной. Ведь если Север с его ледяными полями именуют “кухней погоды”, то и пустыни с их перегретыми солнцем песчаными пространствами не могут не иметь влияния на “изготовление” ветров и других метеорологических явлений. И кто знает, может быть ему, молодому метеорологу Василию Крылову, выпадет счастье открыть что-нибудь новое в секретах погоды, которые, как известно, далеко еще не все разгаданы. Нет, он ничуть не жалел, что согласился поехать в эту полупустыню!

— Да вы меня не агитируйте больше, Галина Сергеевна, — улыбаясь, сказал Крылов, и крупные черты его лица слегка смягчились. — Позвольте лучше снять мой китель. Солнышко ваше основательно припекает.

— Пожалуйста, — кивнула Галина, — я сама хотела предложить вам сделать это.

И он стал расстегивать надраенные до блеска форменные медные пуговицы с якорями.

— Как бы не пришлось вам вовсе распрощаться с вашим флотским обмундированием, — пошутила Галина. — У нас тут не волжские сквозняки, а свирепые суховеи. Жарковато, пожалуй, будет.

— Обмундирование мне это очень дорого, Галина Сергеевна, — серьезно ответил Крылов, — так что в нем я любое пекло выдержу. А что касается вашей пустыни, то я уже давно горю нетерпением поскорее с ней познакомиться.

— От пустыни, по существу-то дела, осталось здесь одно только название, — усмехнулась Галина. — Ни самумов, ни песчаных штормов, ни прочей экзотики у нас уже нет.

— То, что нет самумов, я и сам знаю, — заметил Крылов, — но неужели нет и барханов?

— Не только барханов, Василий Иванович, но и обнаженных песков почти нигде вы теперь не увидите. Да вот, взгляните-ка вокруг.

Галина отняла руку от баранки руля и указала вперед. За ветровым стеклом машины распростерлась до самого горизонта ровная местность, покрытая зелеными, желтыми и бурыми пятнами.

— Этот пестрый ковер вокруг — степная растительность, — сказала она.

— А под ней пески?

— Да, те самые пески, которые собирались когда-то в барханы, засыпали водоемы и реки, стирали с лица земли целые поселки, угрожали Волге...

Галина взглянула на Василия и, видя, что он искренне любит степью, продолжала с жаром:

— Вглядитесь: растительность эта не скудна! Много лет назад был тут посеян песчаный овес, а теперь растут и люцерна и многие другие травы. И все это в основном дело рук человека. Советские люди сеяли все эти травы, чтобы закрепить пески, получить пастбища для скота, создать с помощью многолетних трав структурную почву, сделать возможным земледелие.

Они ехали теперь самой молодой степью Советского Союза, и им все чаще попадались бахчи и посевы под защитой лесных полос, аллеи вокруг искусственных прудов, стада овец на пастбищах.

— Трудно даже поверить, что тут были пески когда-то, — заметил Крылов, оглядываясь по сторонам и удивленно покачивая головой.

— Это “когда-то” было всего несколько лет назад, — засмеялась Галина.

— А вот и железная дорога, кажется? — произнес Крылов, слегка приподнимаясь с сиденья.

— Да, железная дорога, — ответила Галина. — Мы сейчас подъедем к ней ближе. Ее тоже надежно защищают от песчаных заносов эти травы, заменяя дорогостоящие сплошные ограды.

Дорога, по которой вела машину Галина, пошла теперь почти рядом с железнодорожной линией, и Василий Крылов, всматриваясь вперед, видел, как вдали сходились в одну точку блестящие полосы рельсов. Несколько минут он молча любовался игрой солнца на полированной поверхности, но вдруг воскликнул:

— Смотрите-ка! Вон кто-то машет нам руками!

В глаза Галины светило солнце, и она не сразу заметила человека на другой стороне железнодорожного полотна.

— Похоже, что он военный, — сказала она, приложив ладонь к глазам. — Интересно, для чего мы ему понадобились?

— Попросится, наверное, чтобы подвезли, — высказал предположение Крылов.

— Не похоже что-то, — возразила Галина. — Если бы в попутчики просился, на дороге бы стоял, а он по ту сторону железнодорожного полотна что-то делает...

Но в это время военный, о котором шла речь, перешагнул через рельсы и торопливо направился к дороге, по которой шла машина.

Галина прибавила газу, а когда подъехала совсем близко к человеку, стоявшему посреди дороги с поднятой рукой, стала притормаживать. Теперь она могла рассмотреть молодое добродушное лицо парня в военной гимнастерке с погонами старшего сержанта.

— Вы не из райсовета, случайно? — спросил он, когда машина остановилась.

— Нет, не из райсовета, — ответила Галина. — А вам в райсовет нужно?

— Да. По очень важному делу, — ответил старший сержант, всматриваясь в людей, сидевших в машине.

— Мы подвезли бы вас, но очень спешим, а райсовет совсем в противоположной стороне, — сочувственно заметила Галина, бросив взгляд на пыльные сапоги молодого человека.

— Знаю, что в противоположной, — улыбнулся старший сержант, обнажая крепкие, крупные зубы. — Я ведь местный. Из колхоза “Победа”. К родным в отпуск прибыл. Неожиданно выехать пришлось, так что не успел сообщить заранее, чтобы лошадь на станцию выслали. Да ведь тут и недалеко, а для пешотинца пройти пешком по родным краям — одно удовольствие. Все бы хорошо, да вот...

Он замаялся вдруг. Широкая улыбка сбежала с его лица, и он бросил торопливый взгляд в ту сторону, где остались его чемодан и шинель.

— Ну да ладно, — закончил он со вздохом, — раз вы так торопитесь, придется в райсовет пешком идти.

— А домой-то как же? — спросил все время молчавший Крылов. — Вы ведь в колхоз, кажется, шли?

— Шел в колхоз, да вот случилась срочная надобность в райсовет завернуть.

— Да что за надобность вдруг такая? — недоумевал Крылов.

Старший сержант посмотрел на флотский китель Крылова и ответил нехотя:

— Вы к сельскому хозяйству, по всему видно, прямого отношения не имеете, так что это вам непонятно будет; к тому же и распространяться об этом, пожалуй, пока не следует.

— Как раз к сельскому-то хозяйству мы и имеем некоторое отношение, — усмехнулась Галина. — Я, между прочим, местный агролесомелиоратор, а он, — и она кивнула на Крылова, — метеоролог. Но если у вас какая-нибудь военная тайна, мы не собираемся ее выпытывать.

Услышав это, старший сержант сразу оживился. Подошел вплотную к машине и протянул руку Галине.

— Вы-то мне и нужны как раз! — воскликнул он. — Будем знакомы: старший сержант Иван Алешин. Очень хорошо, что именно вас встретил. Пойдемте, покажу вам что-то.

И он, не оглядываясь, пошел к железнодорожному полотну, широко шагая по жесткой степной траве. Недоумевающие Галина и Василий направились за ним следом.

Он перешагнул через рельсы и, остановившись на кончике шпалы, пропитанной креозотом, показал рукой на траву, странно полегшую на значительном пространстве.

— Шел я в свой колхоз по шпалам, — сказал старший сержант, — вдруг вижу эту картину. Посмотрите-ка, ведь неладное что-то с травой.

Галина торопливо опустилась на колени, выдернула пучок травы и внимательно стала рассматривать сморщенные стебельки. Крылов присоединился к ней, разгребая ногой увядшие и заметно поблекшие травы.

— Не вижу в этом ничего особенного, — спокойно заметил он. — Травы ведь тоже болеют. Почему же вы так беспокоитесь?

— А вы разве не понимаете этого? — удивленно вскинула резко очерченные брови Галина. — Ведь если это болезнь, то повальная. Смотрите, вокруг ни один стебелек не выжил, всех подкосило. Ничего подобного здесь не было никогда.

Вырвав с корнем пучок песчаного овса, Галина резко поднялась на ноги.

— Смотрите, Василий Иванович, — почему-то шепотом произнесла она. — Видите, что делается?

Крылов нагнулся над пучком травы и не без труда разглядел каких-то маленьких бесцветных насекомых, плотно усеявших стебельки.

Старший сержант Алешин, молча наблюдавший за агролесомелиоратором и метеорологом, заметил вполголоса:

— Вот и я тоже обратил внимание на этих козявок. От них, видно, все это опустошение. Надо бы пресечь это поскорее, пока не поздно, а то, без травы, как бы опять пески не дали о себе знать.

— Похоже, что какой-то особый вид тли, — заявила Галина, продолжая рассматривать насекомых. — Нет ли у вас какой-нибудь плотно закрывающейся коробки?

— Вот, пожалуйста, — вытащил Крылов из кармана портсигар, украшенный затейливыми узорами.

Галина встряхнула из него табачные крошки и положила на дно несколько стебельков травы, особенно густо усеянных насекомыми. Захлопнув крышку, девушка направилась к машине.

— Садитесь с нами, товарищ Алешин, — повернулась она к старшему сержанту. — Подбросим вас к вашему колхозу.

— Спасибо, — поблагодарил Алешин. — Не стоит тратить время на это. Я и так доберусь. Недалеко теперь. Вы лучше поторопитесь принять меры.

— Ну, счастливого пути, в таком случае, — кивнула Галина старшему сержанту. — А насчет травы не беспокойтесь — примем меры.

Нашествие неизвестного врага

Галина сосредоточенно вела машину по зыбкой песчаной дороге. Она задумалась над чем-то и даже не взглянула ни разу на Крылова, будто его и не было рядом. Он догадывался, что это странные насекомые так ее обеспокоили, и все чаще поглядывал на нее, желая помочь чем-нибудь и не зная, как это сделать.

— Может быть, я сяду за руль? — произнес он наконец, заметив, что Галина все увеличивала скорость и хотела, видимо, поскорее попасть на опорный пункт. — Я ведь неплохой шофер.

— Нет, Василий Иванович, — ответила Сугрובה. — Я лучше вас знаю дорогу и привыкла тут ездить.

Помолчав немного, Галина заметила:

— Меня очень тревожат эти насекомые. Нужно скорее показать их Оресту Викентьевичу Шмелеву, нашему энтомологу.

Повернувшись к Крылову, Галина добавила:

— Вы ведь только общее представление имеете, Василий Иванович, сколько труда положено на преобразование этих полупустынь, — и опять замолчала, задумавшись о чем-то.

— Напрасно вы считаете, что я не представляю себе, какой это самоотверженный, может быть даже героический труд многих людей, — осторожно заметил Крылов и, чтобы отвлечь Галину от ее мыслей, спросил: — А ведь буржуазные и особенно американские ученые, кажется, утверждали, что ни насаждение леса, ни земледелие немыслимы при количестве осадков ниже трехсот миллиметров в год?

— Они и теперь продолжают утверждать это, — ответила Галина. — А мы выращиваем здесь не только леса, но и фруктовые сады, и виноградники, и пшеницу, хотя среднее количество осадков в этих краях не достигает и двухсот миллиметров в год. По засушливости земли эти мало чем отличаются от пустыни Гоби.

— Но если это так, если вся эта растительность так устойчива против засухи, могут ли серьезно повредить ей эти ничтожества? — кивнул Крылов на портсигар с насекомыми, положенный Галиной на сиденье.

— Все зависит от того, как быстро они губят травы, — ответила Галина. — Когда я вчера проезжала здесь, то ничего не заметила. Видимо, повреждение степи было незначительным, а теперь оказался пораженным такой большой участок.

Машина между тем миновала посадки тамарисков, и за ними тотчас же открылся вид на зеленый массив, в котором располагалась “штаб-квартира” Михаила Александровича Птицына. Зеленый массив этот был одним из опорных пунктов, оазисами разбросанных по степям полупустыни.

Чем ближе подъезжала машина, тем отчетливее видел Крылов широкие полосы кустов и деревьев, принимавших на себя первые удары суховея. Как боевые редуты, сплошными зелеными валами прикрывали они подступы к территории опорного пункта. Под их защитой раскинулись поля, бахчи и виноградники.

Крылов знал уже обо всем этом, но то, что он увидел теперь собственными глазами, показалось ему чудеснее всех рассказов. Особенно поразили его деревья высотой в двадцать пять — тридцать метров. Они бросали такую густую тень, что казалось, будто машина ныряла вдруг в темный тоннель.

Удивили Василия и виноградники разнообразием лоз. Видно, и в самом деле были тут те пятнадцать различных сортов, о которых писала ему Галина. Хотелось остановиться, осмотреть внимательно и бахчи и виноградники, но Сугрובה, не сбавляя скорости, вела машину в глубь территории опорного пункта.

Она остановила ее возле деревянного здания и, оставив Крылова в машине, взбежала по лесенке на веранду. Навстречу ей спускался высокий худощавый мужчина в белом костюме.

— Орест Викентьевич! — воскликнула Галина. — У меня срочное дело к вам. Хотелось бы только, чтобы и Михаил “Александрович” меня послушал. Где он сейчас?

— Уехал, — почесывая острую седеющую бородку, рассеянно ответил Орест Викентьевич Шмелев и тотчас же вынул из кармана маленькую стеклянную коробочку. — Вот, полюбуйтесь-ка, Галина Сергеевна, — протянул он коробочку почти к самому носу Сугрובהй: — фруктового клопика сегодня обнаружил. Как вам это нравится? Не успел с яблоневого молью расправиться, как на сцену уже новый типаж появляется.

— Это ведь только нарисованные сады стоят незыблемо, — усмехнулась Галина, отводя в сторону руку Шмелева с коробочкой, — а за живые сады борись да борись.

— А я не борюсь разве? — завокнулся Орест Викентьевич, засовывая коробочку с фруктовыми клопиками в верхний карман пиджака. — Не воюю разве с этой нечистью?..

Но Галина перебила его:

— Куда же, однако, уехал Михаил Александрович?

— В областной комитет партии. Доклад там будет делать.

— Как? — удивилась Галина. — Неужели тот самый доклад, для которого мы целый месяц готовили ему материалы?

— Тот самый, — подтвердил Орест Викентьевич. — Доклад о завершении преобразования полупустынных степей в оазисные.

— Он ведь на следующей неделе должен был делать этот доклад, — недоумевала Галина.

— Должен был на следующей неделе, — спокойно согласился Шмелев. — Однако вызвали сегодня. Часа два, как вылетел на самолете.

— Досадно, что я не застала его, — задумчиво проговорила Галина. — Нужно было бы ему знать об этом, прежде чем в обком ехать. Кто знает, что это за насекомые...

— Да вы толком расскажите, в чем дело-то? — удивленно посмотрел Шмелев вверх пенсне на Сугробову.

— С докладом Михаила Александровича может нехорошо получиться, — ответила Галина. — Он расскажет в обкоме, что окончательно покорены пески, что наши степи вполне обеспечат кормовую базу крупному животноводству, а у нас вдруг появились эти удивительные тли...

— Не понимаю вас что-то, — проговорил Орест Викентьевич, протирая пенсне. — О каких тлях идет речь?

Тут только Галина подала энтомологу портсигар Крылова:

— Вот, посмотрите-ка на этих насекомых, Орест Викентьевич.

Шмелев достал из бокового кармана лупу и внимательно стал рассматривать стебельки травы.

— Явные представители надсемейства мелких полужесткокрылых, — классифицировал он обнаруженных насекомых. — Подотряд гомоптера.

— А пояснее нельзя? — нетерпеливо сказала Галина.

— Попросту же говоря, — продолжал, слегка оживившись, Шмелев, — мы имеем перед собой разновидность тлей. Какую-то необычайную разновидность к тому же. Я такой еще не видел ни разу.

Галина только теперь посмотрела на лежавшие в портсигаре стебельки травы, усеянные насекомыми, и удивленно воскликнула:

— Да тут их гораздо больше, чем было! Мыслимое ли дело — размножаться так быстро!

— Выходит, что мыслимое, — ответил Орест Викентьевич. — Обыкновенные тли имеют в год до шестнадцати поколений, а эта разновидность, видимо, особенно плодовитая. У тлей ведь вообще широко распространено явление живорождения и партеногенеза.

— Значит, нельзя терять ни минуты, — решительно заявила Галина, увлекая энтомолога вслед за собой вниз по лестнице. — Садитесь скорее в машину, Орест Викентьевич, и мы поедем к месту происшествия.

— Но позвольте, — запротестовал Шмелев, поправляя перекосившееся пенсне, — я не могу так сразу... У меня подагра, как вам, очевидно, известно. Смею вас уверить, что ничего не может быть хуже подагры для энтомолога, которому по штату положено целыми днями с резвостью школьника гоняться за жучками да бабочками.

— Не до шуток теперь, — поморщилась Галина.

— Дайте, по крайней мере, хоть переодеться.

— Некогда тратить время на это, Орест Викентьевич, — проговорила Галина тоном, не терпящим возражений. — Вызывайте своих помощников с ранцевыми опрыскивателями, и мы выезжаем. Необходимо возможно скорее сообщить в область точные сведения о вредителях и размерах повреждений. Действуйте же!

Сбежав по лесенке веранды, Сугробова подошла к Крылову.

— Василий Иванович, видите вон тот домик? — спросила она, указывая на видневшееся за деревьями строение. — Это метеорологическая станция, место вашей работы. Свяжитесь, пожалуйста, с областным метеорологическим управлением и узнайте прогноз погоды на ближайшие дни. Я к вам сейчас радиста нашего пришло.

Крылов взял чемоданы, накинул на плечи китель и пошел к метеостанции. Его нагнал вскоре невысокий рыжеволосый молодой человек в теннисной рубашке, выбежавший из центрального здания опорного пункта.

— Позвольте представиться, — весело проговорил он, поклонившись и протягивая руку Крылову: — радист Калашников. Разрешите, помогу вам.

И он, несмотря на протесты Василия, взял один из его чемоданов и, весело болтая, пошел рядом с метеорологом.

Пока Галина осматривала мотор машины, а заведующий хозяйством опорного пункта Иманбеков заправлял бензобак и заливал свежей водой радиатор, Орест Викентьевич, вопреки своей обычной медлительности, успел вызвать двух своих помощников с ранцевыми опрыскивателями и усадил их в машину.

Когда все приготовления к отъезду были закончены, подошел Крылов. Галина коротко познакомила его с Орестом Викентьевичем и завхозом Иманбековым.

— Как с ветром? — спросила она Крылова.

— Пока пять баллов, — ответил метеоролог.

— А в ближайшие дни?

— По данным областного управления, усилятся.

— Садитесь в машину, Орест Викентьевич, нужно торопиться, — сказала Галина Шмелеву и энергично потрянула головой, отчего развязались волосы, пучком скрепленные на затылке, и рассыпались по плечам.

— Счастливого пути! — кивнул головой Крылов, снимая фуражку.

— Товарищ Иманбеков! — крикнула Галина завхозу, когда машина тронулась. — Познакомьте Василия Ивановича Крылова с остальными сотрудниками нашего опорного пункта да не забудьте покормить его.

— Не забуду, Галина Сергеевна, — отозвался Иманбеков. — Это вы только забываете про обед. Возьмите вот на дорогу.

С этими словами он почти насильно сунул Галине сверток с бутербродами.

В пораженной зоне

Орест Викентьевич сидел рядом с Галиной, а помощники его устроились на заднем сиденье. Галина почти не разговаривала и лишь изредка отвечала на вопросы энтомолога, болтавшего без умолку.

— Ужасная вещь эти стихийные бедствия! — говорил он каким-то глуховатым голосом. — Сколько страшных нашествий знает история! Да зачем далеко ходить, вот вам сравнительно недавний пример. Именно эти края подверглись в 1912 году ужасному нашествию прожорливых гусениц лугового мотылька. В тот год был неплохой урожай в тех местах близ Волги, где возможно было земледелие. Начинали уже созревать хлеба и овощи на бахчах, зеленели травы на лугах, и вдруг из Волго-Ахтубинской поймы фронтом в сотни километров двинулись на луга и посевы необозримые массы гусениц лугового мотылька.

Повернувшись к Сугробовой, Орест Викентьевич поинтересовался:

— Помните ли вы это нашествие гусениц, Галина Сергеевна?

— Откуда мне помнить? — ответила девушка. — Меня ведь и на свете тогда не было, но о бедствии этом я, конечно, слышала.

— Да-с, — удовлетворившись этой справкой, продолжал Шмелев, — страшное было время. За короткий срок вся территория заволжских полей и лугов превратилась в мертвое черное пространство, на котором не осталось не только хлебов, но даже полыни. Чтобы вы имели наглядное представление об этом кошмаре, скажу вам, что гусеницы ползли по земле слоем более чем в десять сантиметров. Когда они переваливали через полотно железной дороги Астрахань — Саратов, поезда прекращали движение, так как паровозные колеса буксовали в массе раздавленных насекомых...

— Ну, хватит вам, Орест Викентьевич! — недовольно поморщилась Галина. — То, что было возможно в царской России, немыслимо в Советском Союзе. Надеюсь, вы понимаете это?

Но Шмелев, будто не расслышав замечания Галины, продолжал мрачным голосом:

— И вы не подумайте, что с ними не пытались бороться. Гусениц опрыскивали ядами, выжигали огнем, заливали водой, но все было напрасно...

Он рассказал еще несколько страшных историй, но Сугрובה не слушала его. Она с тревогой всматривалась в окраску степи. До того места, где несколько часов назад Галина с Крыловым обнаружили полегшие травы, было теперь недалеко. Но когда машина пересекла полотно железной дороги и перевалила за небольшую возвышенность, поросшую раскидистым кустарником селитрянки, оказалось, что увядшая растительность была теперь метров на триста ближе к колхозу "Победа", чем в первый раз.

Галина резко затормозила машину.

— За наше отсутствие, — сказала она взволнованно, — вредители отняли у нас еще один большой участок степи. Отсюда недалеко теперь и до бахчей колхоза "Победа".

Орест Викентьевич не спеша стал выбираться из машины, приказав своим помощникам приготовить инсектисиды — вещества, убивающие насекомых.

— Займитесь опрыскиванием, Орест Викентьевич, — обратилась к Шмелеву Галина, — а я съезжу в колхоз "Победа" и скоро вернусь.

Минут через десять, обогнув посадки джугуна, защищавшие постройки колхоза от еще совсем недавно надвигавшихся на них песков, машина выехала на главную улицу села.

Навстречу шел знакомый Галине колхозник Терентий Ефремович Хлебников, которого все село звало запросто дедом Терентием. Он прославился на всю область своими необычайными арбузами и дынями, которые показывал каждый год на областных и районных сельскохозяйственных выставках.

— Здравствуйте, Галина Сергеевна! — радостно воскликнул Терентий Ефремович. — Вот хорошо-то, что приехали! Бедна нас свалилась. Диковинные паразиты в степи появились. Племянник мой, старший сержант Иван Алешин, первым их обнаружил. Зоркий, хозяйственный глаз у парня. Непременно хочу вас с ним познакомиться.

— Да мы уже знакомы, — улыбнулась Галина. — Неожиданно встретила с ним сегодня.

— Постойте, — оживленно перебил ее Терентий Ефремович, — так это вы были?

— Я, Терентий Ефремович. Подсаживайтесь-ка в машину да показывайте дорогу к председателю колхоза.

Председателя, пожилого мужчину в гимнастерке, и местного агронома нашли они в хате-лаборатории.

— Очень кстати вы к нам пожаловали! — приветливо встретил Галину председатель. — А мы как раз прикидываем, как защитить наши поля от вредителей. Черт знает, что за козявки такие появились. Главное, размножаются уж очень быстро.

— Мы отослали три пробирки с вредителями в областную лабораторию, — заметил колхозный агроном. — Просили помощи. Сами же решили пока окопать бахчи глубокими рвами и заполнить их водой. А вы с чем к нам, товарищ Сугрובה?

— Ореста Викентьевича привезла, — ответила Галина. — Химические опрыскиватели пробуем применить.

— У нас тоже кое-какие яды имеются, — сказал агроном, — и мы уже пробовали их на этих насекомых, но никакого эффекта.

— Поедемте, посмотрим, что там у Ореста Викентьевича получается, — предложила Галина.

— Может быть, и меня прихватите? — попросился Терентий Ефремович.

— Да уж без тебя никак не обойдешься, — пошутил председатель, посадив старика в машину.

Когда все уселись, Галина выехала в степь и остановилась у холма, с которого хорошо была видна значительная часть участка пораженной степи, на котором работали помощники Шмелева. Они опрыскивали здоровую траву на границе с пораженными участками.

— Орест Викентьевич! — окликнула энтомолога Галина. — Какие у вас успехи?

Шмелев, рассматривавший что-то на стебельках травы, спрятал лупу в карман и торопливо направился к Сугробовой. По мрачному выражению его лица Галина догадалась, что дела у него неважные.

— Удивительно стойкие паразиты, — каким-то безнадежным голосом произнес Шмелев, поздоровавшись с председателем колхоза, агрономом и Терентием Ефремовичем. — Окончательные выводы, впрочем, делать рано.

Оставив Ореста Викентьевича продолжать начатую работу, Галина с председателем колхоза и агрономом решили объехать весь участок, пораженный вредителями. Терентий Ефремович, оставшийся с энтомологом, предложил Шмелеву свои услуги.

Когда Галина вернулась, Орест Викентьевич встретил ее все с тем же безнадежным видом.

— Мы перепробовали все средства, имевшиеся в нашем распоряжении, — доложил он. — Ни табачный экстракт, ни карболово-мыльная и керосиново-мыльная эмульсии на них не действуют. Положительно не знаю, что еще придумать...

Орест Викентьевич беспомощно развел руками и весь как-то съежился.

— А вы зря сокрушаетесь так, — заметил Терентий

Ефремович. — Если помните, то ведь и черепашка в 1939 году вела себя не лучше.

— Черепашка? — переспросил Орест Викентьевич и оживился вдруг. — Еурегистер интегрисепс! Как же, очень хорошо помню. Подлинное нашествие было этой черепашки.

— Так вот, — продолжал Терентий Ефремович, — травили мы этого самого еурегистера интегрисепса, а попросту говоря — клопа-черепашку, и бензином, и хлором, и никотин-сульфатом, и карболкой, а он, как говорится, и в ус не дул. Некоторые, конечно, приуныли: нет, мол, на него погубили. Однако справились мы с ним, как вы, наверное, помните. Нашли против него козявку с мудреным названием — теленомус. Оказалось это маленькое насекомое естественным врагом клопа-черепашки. Да еще, помнится, курочки наши колхозные крепко нам помогли, не одну тонну этой вредной дряни склевали.

— Спасибо, дедушка, за ободряющие слова, — кисло улыбнулся Орест Викентьевич, — хотя я пока ничего не могу придумать, чем бы этих паразитов прикончить.

— Не вы один над этим голову ломаете, — заметил Терентий Ефремович. — Многие теперь этим делом займутся. Быть того не может, чтобы кто-нибудь не додумался.

Тревожная ночь

Ночью разбушевался ветер. По определению Крылова, был он юго-восточного румба, силою в восемь баллов. Галина не спала всю ночь, два раза говорила по телефону с областью и Михаилом Александровичем Птицыным. Он обещал на следующий день вернуться.

Крылов тоже был взволнован всем происшедшим и не ложился спать, чувствуя себя как на боевом посту.

Несколько раз заходил он к Галине, которая совещалась с сотрудниками опорного пункта о мерах борьбы с вредителями. Будучи ближайшей помощницей Птицына, Сугробова хорошо понимала ответственность, которая ложилась на нее в связи с создавшейся обстановкой.

В тот же вечер собрала Галина комсомольскую организацию, в которой была комсоргом, и предложила организовать тщательное наблюдение за степью вокруг опорного пункта, чтобы не прозевать появление вредителей. Предложение было принято единогласно, и Сугробова обстоятельно объяснила девушкам, обслуживающим лесное и полевое хозяйство опорного пункта, по каким признакам можно распознать приближение врага.

Затем состоялось совещание научных работников опорного пункта, на которое были приглашены не только энтомолог, агроном, геоботаник и почвовед, но также все десятичники и бригады.

Когда Крылов в первом часу ночи зашел к Галине, она сидела за столом у широкого окна, за которым грозно шумели деревья и судорожно метались тяжелые ветви яблонь. Совещание только что кончилось, и в комнате, кроме Галины и Шмелева, никого уже не было.

— Ну как, — спросила Галина, когда вошел Крылов, — не спадает ветер?

— Нет, — угрюмо ответил Василий, усаживаясь в угол кожаного дивана, — не спадает. Боюсь даже, что усилятся к утру.

В комнате было душно. Ветер, проникавший в щели окон, не приносил облегчения. Казалось даже, что был он теплее комнатного воздуха. Орест Викентьевич, прохаживаясь из угла в угол, то и дело вытирал платком потный лоб. Лишь на короткое время он останавливался, тяжело переводил дух и, ни к кому не обращаясь, уже в который раз произносил со вздохом:

— Вот какой сюрпризец подсунула нам природа!..

— А мне хотелось бы все-таки знать, — спросила вдруг Галина, — откуда могли появиться у нас эти насекомые? Как вы думаете, Орест Викентьевич?

Изнывая от духоты, Шмелев походил по комнате, прислушался к завыванию ветра и нерешительно произнес:

— А почему бы не предположить, что занесены они к нам из глубин среднеазиатских пустынь? Как вы на это смотрите с вашей метеорологической точки зрения, молодой человек? — спросил Орест Викентьевич, останавливаясь перед Крыловым и нервно почесывая бородку.

— Я только что просматривал синоптические карты за последние два месяца, — ответил метеоролог. — За это время несколько раз дули здесь сильные ветры юго-восточного и восточного направления, а в прошлом месяце был настоящий ураган. Он мог, конечно, занести частицы пыли или растительности с большого расстояния, а с ними, возможно, и этих необычайных насекомых.

— Сот видите! — словно обрадовался Орест Викентьевич, обращаясь к Галине. — Другого объяснения у нас пока нет. — И он продолжал развивать свою мысль, теребя шнурок старомодного пенсне: — Такие насекомые могли существовать и не очень далеко от нас, в одной из ближайших пустынь. Там, однако, для них были, очевидно, слишком суровые условия, и паразиты влачили жалкое существование. А тут вдруг к их услугам оказалась обильная пища, вот они и стали необычайно быстро размножаться. Как вы на это смотрите, Галина Сергеевна?

Сугробова делала какие-то заметки в своей записной книжке.

— Откуда бы они ни появились, Орест Викентьевич, — сказала она, не отвечая прямо на вопрос, — для меня совершенно несомненно, что это еще одно испытание устойчивости преобразования местной природы.

Галина встала из-за стола и пересела на диван к Крылову.

— Когда я разговаривала с Михаилом Александровичем, — продолжала она, помолчав немного, — он сообщил мне, что доложил на пленуме обкома о полной возможности вести на всех участках нашей степи сельское хозяйство.

— А тут вдруг форменный рецидив пустыни! — воскликнул Орест Викентьевич и как-то нелепо всплеснул руками.

Слова Шмелева разозлили Галину. Она холодно спросила:

— О каком рецидиве вы говорите, Орест Викентьевич?

— Если погибнут травы, что же будет сдерживать пески? Ведь они при первом же сильном ветре снова придут в движение, соберутся в барханы, как в недавнем прошлом, двинутся в наступление на поля, реки и водоемы. Ах, если бы знал Михаил Александрович перед своим выступлением на пленуме о нагрянувшей на нас беде!..

— Напрасно вы философствуете, Орест Викентьевич, на темы, о которых не имеете ясного представления, — сухо заметила Галина, все более злясь на Шмелева. — Что же касается Михаила Александровича, то, как оказывается, он еще до выступления на пленуме знал уже о появившихся в наших степях вредителях.

— Но, позвольте, откуда же? — удивился Орест Викентьевич. — Ведь пленум был назначен на двенадцать часов дня, мы же узнали о паразитах в два часа, а позвонили в обком только в четыре.

— Вы забываете, Орест Викентьевич, — ответила Галина, — что, кроме нас с вами, есть и другие советские люди, которые не меньше нашего беспокоятся за судьбу степей. Оказывается, раньше нас сообщил в обком о странном состоянии степной травы колхозник, первым обнаруживший пораженный участок. Он совсем случайно проезжал тут по каким-то делам и, несмотря на то что очень спешил, сделал крюк в сторону, чтобы позвонить из сельсовета в город.

— Тогда выходит, что знал об этом не только Птицын, но и работники обкома? — Орест Викентьевич в недоумении поднял узкие плечи.

— Да, знали, — ответила Галина. — Однако это не помешало ни выступлению Михаила Александровича, ни принятию положительного решения по его докладу. А это значит, что мы не вправе сидеть сложа руки, а должны дать бой нашествию вредителей.

Орест Викентьевич только тяжело вздохнул и ничего не ответил, а Крылов воскликнул оживленно:

— Выходит, вы правду мне сказали, Галина Сергеевна, что едем мы на передний край фронта борьбы с природой! Досадно только, что метеорология наша пока лишь предугадывает погоду, а не организует ее ...

Он поднялся с дивана и прошелся по комнате, разминая затекшие ноги, а Галина, глядя на его крупную, атлетически сложенную фигуру, невольно представила себе, как в самом деле должно быть тяжело сильному, смелому человеку только следить за приборами и по их показаниям делать выводы о силе и длительности атмосферных явлений, не имея возможности повлиять на них.

“Но ничего, — тут же решила она, — это даже хорошо, что такие люди занимаются метеорологией. Они не удовлетворяются только изучением погоды, а захотят повлиять на нее”.

Вслух она заметила:

— Пока такой сильный ветер, трудно будет предпринять что-нибудь против вредителей. Следите за погодой внимательно, Василий Иванович. Как только начнет утихать буря, немедленно дайте знать.

Крылов открыл дверь, пересиливая навалившийся на нее ветер, и скрылся в темноте ночи. Ворвавшийся в комнату воздушный поток сдул несколько бумажек со стола, рванул неплотно прибитый плакат, качнул лампочку, висевшую над столом. Причудливые тени забегали по стенам.

— Вот она, стихия-то! — задумчиво произнес Орест Викентьевич, глядя на свой птичий силуэт, мечущийся по стене.

— Вы что имеете в виду, Орест Викентьевич? — сдвинув брови, спросила Сугрובה. — Нашествие насекомых или эту бурю?

Резкий порыв ветра швырнул в стекла сухие листья, потряс раму окна, засвистел, заулюлюкал, притих и снова навалился на окна, на двери, зашумел в ветвях деревьев.

Галина, не сводя строгих глаз с Шмелева, ждала ответа.

— Я вообще стихию имею в виду, Галина Сергеевна, — повторил Орест Викентьевич и зябко пожал плечами. — Вековечную природу...

— А я — то думала, что, работая столько лет рядом с Михаилом Александровичем, вы научились идти вперед наперекор всяческим стихиям. Ошиблась, значит, — холодно сказала Галина и вышла в другую комнату.

А Орест Викентьевич долго еще сидел у окна, всматривался в непроглядную тьму ночи, прислушивался к завыванию ветра и тяжело вздыхал. Непокойно было на душе энтомолога.

Крылов действует

К утру ветер не утих, а еще более усилился. Он дул теперь с таким ожесточением, что идти против него открытым местом становилось все труднее. Только один Крылов со своей метеорологической станции ходил через открытую поляну к центральному зданию опорного пункта, не сгибаясь под напором ветра.

В девять часов утра Галина снова разговаривала с Птицыным. Михаил Александрович сообщил, что зарегистрировано еще несколько пораженных паразитами участков. Аэрофотосъемка уточнит картину, как только утихнет буря, а пока новый вид насекомых-вредителей изучается и испытывается на действие различных инсектицидов почти во всех биологических лабораториях области. На вопрос, когда он придет, Птицын ответил, что ему приказано остаться в центре области и возглавить борьбу с вредителями.

Деревья в саду и лесных полосах шумели теперь еще громче и грознее, чем ночью. Ветер бешено наваливался на них, стремясь прорваться на простор северо-западных степей. Но он гулял лишь по вершинам деревьев, путаясь и ослабевая в массе ветвей, стволов и в зарослях кустарников.

Орест Викентьевич все утро просидел в своей комнате, наблюдая борьбу ветра с лесной преградой. Только в полдень он осторожно постучался в дверь комнаты Галины Сергеевны. Ответа не было. Он подождал и постучал громче, но и на этот раз никто не отозвался. Только после этого Орест Викентьевич решился открыть дверь: комната была пуста.

— Странно! — пробормотал энтомолог и пошел разыскивать агронома Савельева. В отсутствие Птицына и Сугрובовой Савельев обычно замещал их на опорном пункте.

Агроном был в саду и с геоботаником подпирал рогатками ветви яблонь, отягощенные плодами. На вопрос, где Сугрובה, он ответил, что Галина Сергеевна уехала в степь, чтобы определить, насколько разросся за ночь пораженный участок.

— В такую бурю? — поразился Орест Викентьевич. — Не понимаю, для чего так экстренно...

— Вы вообще многого не понимаете, — недовольно отозвался Савельев.

Орест Викентьевич ничего не ответил и молча пошел в противоположную сторону сада. Ветер яростно встряхивал деревья, теребил пиджак Ореста Викентьевича, бросал в лицо жесткие листья. Выбравшись на открытую поляну, в центре которой была метеорологическая станция, Шмелев постоял немного в раздумье, а когда двинулся дальше, ветер так энергично стал поддавать его в спину, что он почти побежал вперед, чтобы не потерять равновесия.

Крылов увидел его через окно метеостанции и вышел навстречу.

— Что это вы ко мне в такую погоду, Орест Викентьевич? — с тревогой спросил он. — Не случилось ли чего?

— Нет, ничего, — тяжело переводя дух, отвечал Шмелев. — Зашел я к вам так просто... Ветром занесло, знаете. Кстати, как ветер? Не хочет сдаваться?

— Не похоже что-то. Присаживайтесь, Орест Викентьевич. Вид у вас неважный сегодня.

— Нездоровится что-то, — ответил энтомолог, усаживаясь на клеенчатый диванчик. — А вы знаете, Галина-то Сергеевна в степь уехала?

— Знаю, — ответил Крылов.

Минут пять сидели молча. Орест Викентьевич тяжело вздыхал и теребил бородку. Крылов углубился в сводки.

— А вы как считаете, Василий Иванович, — нарушил молчание Орест Викентьевич, — разумно ли это?

— У нее есть там дело, — ответил Крылов и, бросив беглый взгляд на беспомощную фигуру Ореста Викентьевича, добавил: — Не сидеть же ей здесь сложа руки.

— Но ведь и вы тоже, кажется, не очень-то действуете, — покосился Шмелев на могучую фигуру метеоролога.

— Ошибаетесь, — спокойно ответит тот. — Я готовлю данные, по которым там, в степи, колхозники и ученые начнут действия против врага.

Он встал из-за стола, взглянул на барометр, сделал отметку в журнале и продолжал, не глядя на Ореста Викентьевича:

— Я сегодня особенно много думал над моей наукой и пришел к выводу, что она такая же боевая, как и все прочие советские науки. В годы войны прогнозы погоды помогали нам намечать сроки наступлений и неожиданных атак. А теперь по метеорологическим данным начинают сев, уборку полей; планируют с учетом метеорологической обстановки фронт лесопосадок, преграждая пути суховеям. Разве это не активная борьба с природой?

Шмелев ничего не ответил, вздохнул только и не стал больше задерживаться на метеостанции.

Открытие Терентия Хлебникова

Попутный ветер будто подгонял машину. Подняв воротник плаща, Галина внимательно всматривалась в извивающуюся дорогу. Степь впереди шевелилась под ударами ветра, как живая. Жесткие травы низко, стлались по земле, все так же прочно сковывая пески и не давая им подниматься на воздух. Зато лишенная травянистого покрова дорога, по которой ехала Галина, густо пылила под гигантской метлой ветра. Иногда пыль была настолько густой, что ничего нельзя было рассмотреть впереди.

Ориентироваться было нелегко, но когда Галина перевалила через полотно железной дороги, она подумала:

“Ну, теперь скоро тот холм, за которым тли уничтожили траву. Вот уж кусты селитрянки видны...”

Но живая степь кончилась раньше, чем ожидала Галина. Впереди показались вдруг сморщенные, мертвые травы, хотя до холма, о котором думала Галина, было еще довольно далеко. Девушка остановила машину и сошла на землю. Мертвая трава у подножия холма потеряла яркую тональность живой растительности. Она поблекла, потускнела. Ветер трепал ее, расчленил по стебелькам, поднимая на воздух.

Поглощенная печальным зрелищем, Галина не сразу заметила в облаке пыли человека в брезентовом плаще с капюшоном, на двинутом на глаза.

— Галина Сергеевна! — воскликнул он, пойдя ближе. — Никак, вы на разведку противника выехали?

Галина не столько по лицу, запущенному пылью, сколько по фигуре и голосу узнала заведующего областной агробиологической лабораторией Филиппа Филипповича Сердечного.

— Так же, как и вы, Филипп Филиппович, — весело отозвалась она, обрадованная этой встречей.

Они крепко пожали друг другу руки. Галина спросила:

— Что вы думаете об этом, Филипп Филиппович?

— Странные, очень странные насекомые, — задумчиво проговорил Сердечный, стряхивая пыль с капюшона. — Ни я, ни даже знаменитый московский энтомолог Ключевский, находящийся сейчас в нашей лаборатории, не видели ничего подобного. Откуда могла появиться в наших краях такая удивительная разновидность тлей?

— А не могло их занести ураганом из пустынь Средней Азии? — высказала Галина гипотезу Ореста Викентьевича.

— Едва ли, — покачал головой Филипп Филиппович. — Я бывал и в Кара-Кумах и в Кызыл-Кумах, но не встречал и даже не слышал ничего о таких вредителях. Профессор Ключевский — один из лучших знатоков насекомых Средней, Центральной и Восточной Азии, он побывал в пустынях Такла-Макана, Гоби, Ала-Шаня и Ордоса. А когда я показал ему этих тлей, он только руками развел. Чертовски странно все это!..

Галина, рассеянно смотревшая по сторонам, вдруг перебила его восклицанием:

— Смотрите-ка, Филипп Филиппович, кто это скачет там на лошади? — Она указала пальцем в пыльную даль.

Всматриваясь, Сердечный приставил ладонь к глазам:

— Знакомая фигура... Уж не Терентий ли Хлебников это?

— Он, он! — воскликнула Галина. — Садитесь ко мне в машину, поедем навстречу.

— Неугомонный старик! — усмехнулся Сердечный, садясь рядом с Галиной. — Надумал же джигитовать тут в такую погоду...

Терентий Ефремович, заметив машину, пришпорил лошадь и понесся галопом. По тому, как он держался в седле, видно было, что еще не совсем утратил он строевую выправку.

— Приветствую научное начальство! — крикнул Терентий Ефремович, поровнявшись с машиной и не без ловкости осаживая разгоряченного коня.

— Ого! — восхищенно воскликнул Сердечный, служивший когда-то в кавалерии. — Сразу видно, что Терентий Ефремович не случайно попал в седло. В молодости, наверно, лихим джигитом был!

— Был, был, — довольно усмехнулся старый казак, поправляя седые, запорошенные пылью усы. — В буденновской коннице проходил школу верховой езды.

— Что это вы, Терентий Ефремович, в такую бурю разъезжаете? — спросила Галина.

— По неотложной надобности, дочка, — ответил Хлебников и спрыгнул с коня наземь. — К вам ведь скачу, к Михаилу Александровичу.

Он ласково потрепал коня по холке, намотал повод на руку и, подойдя к машине вплотную, облокотился на борт.

— Открытие сделали наши колхозники, — с необычайно торжественным видом заявил Терентий Ефремович, вытаскивая из кармана кожаной куртки пробирочку, в которой, будто капельки крови, поблескивали какие-то красные пятнышки. — Вот оно, противоядие-то! Средство такое же, примерно, как теленомус против зловредной черепашки. Помните, как он в 1939 году выручил колхозные посевы на Украине?

Филипп Филиппович взял пробирочку и с интересом стал рассматривать ползавших по ее стенкам насекомых полушаровидной формы, с трехчлениковыми лапками и яркой окраской. Жесткие красные панцири их были украшены черными кружочками с белой и желтой окантовкой.

А Терентий Ефремович рассказывал, как внук его, юный натуралист, смастерил себе виварий, в котором обитала всякая мелкая живность вроде жуков, бабочек и саранчуков. Старый колхозник был прирожденным экспериментатором, и вид вивария зародил в нем мысль произвести опыт: пустить диковинных тлей в общество прочих насекомых. Сделал он это не из праздного любопытства, а в надежде подсмотреть — не найдется ли у тлей каких-нибудь естественных врагов в виварии, населенном местными насекомыми.

— Оставил я тлей на ночь в виварии, — говорил Терентий Ефремович, набивая самосадом прокуренную дочерна трубку, но не решаясь зажечь ее на ветру, — а утром гляжу — исчезла куда-то вся эта нечисть, будто растворилась. Осмотрел стенки вивария — нигде ни щелочки. Ну, дело ясное после этого — позавтракал, значит, кто-то этой дрянью. Но кто? Население тут обширное, сразу не разберешься. Бегу к агроному. “Так и так, — говорю, — Степан Тимофеевич, помоги”. Спешим к виварию. Степан Тимофеевич перебирает всех козявок по штуке, покачивает головой. А я стою и думаю: “Неужто ошибся?” Но тут Степан Тимофеевич как крикнет: “Вот она, виновница-то! Ее, — говорит, — это работа”. Ну, мы тут же повторили опыт, и все подтвердилось на наших глазах. Вот они, в пробирке сидят теперь, эти букашки, уничтожившие тлей. Какое будет ваше мнение о них, Филипп Филиппович?

С этими словами Терентий Ефремович повернулся спиной к ветру и, согнувшись в три погибели, принялся зажигать огонь.

Филипп Филиппович Сердечный энергично встряхнул пробирку, вынув из нее пробочку.

— Это местная разновидность божьей коровки, — сказал он, вытряхивая на ладонь одну из букашек. — Безобидные на вид, они являются насекомыми-хищниками из семейства жуков. Известны в сельском хозяйстве как главные истребители обычных тлей, а также червецов и листоблошек. Местная разновидность, насколько мне известно, отличается необычайной прожорливостью.

Филипп Филиппович поймал ползавшую по его ладони букашку, посадил в пробирку и закупорил ее.

— Ученые часто прибегают к помощи естественных врагов самых разнообразных вредителей, — сказал он, пряча пробирку в карман гимнастерки. — Когда в Азербайджане создавалось Мингечаурское море, ученые-маляриологи выводили в Куринском староречье малярийных комаров гамбузиями — маленькими живородящимися рыбками, пожирающими личинок малярийного комара. В специальных питомниках разводили этих гамбузий сотнями тысяч. А злейшего врага цитрусовых плантаций на западе Грузии — мучнистого червеца — ученые уничтожили специально выращенными жуками — криптолемусами. Я уже не говорю о теленомусе, которого использовали мы в борьбе с вредоносным клопом-черепашкой.

Повернувшись к Хлебникову, Сердечный протянул ему руку со словами:

— Молодцы колхозники! Хорошее средство подсказали. Пригодятся нам божьи коровки. Спасибо вам, Терентий Ефремович! Куда же вы теперь?

— Известное дело куда, — ответил Хлебников, забрасывая повод через голову коня и поправляя стремя: — в соседний колхоз. Всю область теперь мобилизовать нужно на сбор божьей коровки. В наших краях ее ведь не очень-то много.

— Ну, всю-то область, может быть, и не придется тревожить, — заметил Филипп Филиппович, придерживая коня за узду, пока Терентий Ефремович садился в седло. — Нашли и мы в наших лабораториях надежное средство. Попробуем его, как только ветер притихнет. Одними букашками с врагом этим не разделаешься ведь.

Прощавшись с Терентием Ефремовичем, Галина с Сердечным уселись в машину и поехали в колхоз “Победа”.

Крылов подает команду

В колхоз “Победа” из соседних сел стали вскоре присылать баночки, бутылки и бадейки с божьими коровками. Занимались сбором их главным образом школьники. Терентий Ефремович Хлебников, которому деятельно помогал племянник его, старший сержант Алешин, лично принимал посылки и аккуратно складывал в колхозной хате-лаборатории.

К вечеру прибыли от Сердечного химики с баллонами газа, рецептура которого была составлена после опытов с диковинными тлями. Сам Филипп Филиппович был занят на других участках пораженной степи и поручил химиков заботам Сугробовой. Решено было сначала протравить тлей газами, а затем пустить на поля божьих коровок, которые должны будут уничтожить паразитов, случайно уцелевших от газа. Вскоре все было приготовлено для газовой атаки. Осталось только ждать ослабления ветра.

Галина непрестанно запрашивала по телефону прогноз погоды, но Крылов не мог сообщить ничего утешительного.

Ночью в колхоз “Победа” заехал на полчаса Михаил Александрович. Он, как всегда, был в хорошем настроении и не сомневался, что быстро расправится с вредными насекомыми.

— Ну, как дела, помощница? — спросил он, осматривая участок Галины. — Позиция у вас, я вижу, надежная. А каковы планы относительно наступления на врага?

— Начнем газовую атаку, как только получим благоприятную метеорологическую сводку, — отвечала Сугрובה.

...А на метеорологической станции Василий Крылов срочно составлял синоптическую карту. Он нанес на схему направление и силу ветра в баллах, степень облачности и форму облаков, их высоту, температуру воздуха и давление его в миллибаллах. Затем сопоставил эти данные со сведениями, полученными из областного бюро погоды. Картина была неутешительная. Ветер и не думал ослабевать, хотя фронт его медленно перемещался из юго-восточного румба в восточный.

“Что это дает нам? — напряженно думал Василий, торопливо шагая по комнате. — Нет, это, кажется, ничего нам не дает...”

Но тут его возмутила вдруг собственная беспомощность, какая-то почти рабская зависимость от общего хода метеорологического процесса. Он понимал, конечно, всю сложность своей науки, знал, что длительные явления погоды формируются на площади в миллионы квадратных километров, но не мог примириться с положением человека, ожидающего, какой прогноз “даст” область.

Молодой метеоролог не хотел ограничиться этим общим прогнозом, правильным для области в целом. Ведь он, Василий Крылов, действовал не в масштабе области, а на отдельном участке, и здесь, конечно, неизбежны были свои, местные особенности. Люди меняют уже поверхность земли, превращают пустыню в поля и леса. Должно же это сказаться и на поведении воздушных масс в том их слое, который соприкасается с поверхностью земли? В этом ведь одна из целей посадки защитных лесонасаждений, и пора бы уже отмечать это в местных метеосводках.

“Почему бы мне, в таком случае, — подумал Крылов, — не заняться этим сейчас же? Мой прогноз не должен быть простой выпиской из областного, он должен дать уточненную картину погоды, ожидаемой в нашем районе...”

Не раздумывая более, он достал из шкафа топографическую карту, на которой, в отличие от синоптической, был нанесен рельеф местности. Карта была совсем новая, крупномасштабная, съемки прошлого года. Крылов взял тот лист ее, на котором находился колхоз “Победа”, и принялся тщательно изучать.

Внимание Василия сразу же привлекли зеленые полосы лесонасаждений, прикрывавшие поля и бахчи колхоза от суховея. Эти насаждения он видел издали, когда проезжал с Галиной на машине, и теперь с интересом принялся изучать на топографической карте их расположение. Когда обстановка стала ему ясна, он пунктиром обозначил на топографическом листе пораженный участок степи, прочертил через него все стадии изменения направления ветра и вдруг воскликнул:

— Вот это здорово!

Увлеченный осенившей его догадкой, он не заметил, как свалился наброшенный на плечи флотский китель, и работал теперь в тельнике, плотно облегавшем мускулистую фигуру.

— Не торопись, Вася, — вслух проговорил он, вытирая платком разгоряченное лицо. — Успокойся и проверь еще раз...

И он снова принялся проверять свои расчеты. Результат получился все тот же, значит ошибки быть не могло. Василий порывисто бросился к телефону.

— Алло! — крикнул он в трубку, но трубка молчала. — Странно! — проворчал метеоролог, нетерпеливо звякая рычажками аппарата и продувая трубку. — Неужели бурей порвало провода? Этого еще не хватало!

Он посмотрел на часы. Была полночь. За окном выл ветер. Тоскливо скрипел флюгер на коньке крыши. Василий походил по комнате, несколько раз снимал телефонную трубку, но она молчала. Не было слышно даже обычного шума электрического тока.

— Вот еще новое препятствие! — Метеоролог с досадой плюнул и, накинув на плечи свой флотский китель, пошел разыскивать агронома Савельева.

Он торопливо обошел центральное здание опорного пункта. Комнаты были пусты. В широкие окна стучались ветви деревьев. Глухо, как далекое море, шумели сады и полезащитные лесные полосы. Электрические лампочки покачивались от сквозняков, приводя в движение тени на стенах.

“Куда же это девались все?” — удивленно подумал Василий.

Только в агробиологической лаборатории нашел он наконец Савельева. Агроном сидел за столом, заваленным образцами растений, и писал отчет о проделанной за день работе. Тут же был и Орест Викентьевич, копавшийся в книжном шкафу.

— Товарищ Савельев, — обратился Крылов к агроному, — знаете вы, что телефон не работает? Как же связаться теперь с колхозом “Победа”? Очень нужно передать туда важные сведения.

— Буря порвала телефонные провода, — ответил Савельев. — Я уж посылал нашего объездчика проверить линию, думал, что обрыв где-нибудь недалеко, но, видимо, повреждение где-то в степи. А что у вас такое? Что передать нужно?

— Нужно сообщить Галине Сергеевне, что скоро можно будет начать газовую атаку, — ответил Крылов.

— Ветер спадает разве? — удивился Савельев, прислушиваясь к завыванию бури за окном.

— Нет, по-прежнему устойчив. Областное метеорологическое бюро предсказывает все ту же силу ветра на ближайшие сутки.

— Непонятно что-то... — пожал плечами агроном. — Разве газовая атака возможна в такую бурю?

— С ветром происходит другое явление. Он меняет свой фронт, — пояснил метеоролог.

— Так что же из этого? — все еще недоумевал агроном.

— Это дает возможность сделать благоприятный расчет местной погоды для колхоза “Победа”.

— Каким образом?

Крылов попросил лист бумаги и торопливо набросал на нем схему лесопосадок вокруг колхоза “Победа” и участок пораженной степи.

— Когда ветер дул с юго-востока, — объяснял метеоролог, прямыми штрихами нанося на схему направление ветра, — лесонасаждения были у него на правом фланге, и он свободно продувал пораженную часть степи, но теперь, перемещаясь к востоку, он будет иметь лесопосадки уже перед своим фронтом. Силу его деревья и кусты защитной полосы ослабят теперь почти вдвое, и пораженный участок степи окажется в затишье. Нам ведь важен сейчас не ветер вообще, а лишь в данном месте и в данный момент. Такова тактическая обстановка, дающая возможность начать газовую атаку.

— Это вы здорово рассчитали! — одобрительно сказал Савельев и улыбнулся.

Василий впервые видел его улыбающимся. Строгое лицо агронома теперь показалось ему очень добрым.

— Когда наступит такой момент? — спросил агроном.

— Часа через полтора, если ветер будет изменять направление с такой же скоростью. Но сообщить в “Победу” нужно немедленно, чтобы там подготовились. Какими средствами мы располагаем?

Савельев задумался. В его распоряжении, как назло, не было ни одной машины.

— Через час вернется завхоз из соседнего опорного пункта, — сказал он. — На его машине можно будет послать кого-нибудь к Галине Сергеевне, но ведь время не терпит. Я дам сейчас задание нашему радисту — связаться с районным центром. Может быть, от них действует телефонная связь с колхозом “Победа”.

Орест Викентьевич вел себя все это время крайне возбужденно. Оставив книги на полу, он подошел к беседовавшим и пытался даже посоветовать что-то, но Савельев отнесся к энтомологу с нескрываемым пренебрежением. Тот обиделся и, припадая на подагрическую ногу, ушел куда-то, забыв свои книги.

На радиостанцию Савельев пошел вместе с Крыловым.

— Нужно связаться с районом, Леша, — сказал он радисту и сел на табуретку перед радиостанцией, стоявшей на столе.

Радист щелкнул контактами переключателей и монотонно стал выкрикивать позывные районного центра:

— “Волга”, “Волга”, я “Кама”, я “Кама”... Перехожу на прием.

Он выключил микрофон, но из репродуктора слышались лишь мерный шум генерации да легкое потрескивание. И снова радист принимался неотомимо выкрикивать:

— “Волга”, “Волга”...

Не дождавшись, когда он свяжется с районным центром, Крылов ушел к себе, попросив сообщить, когда связь наладится.

Радист пришел минут через десять:

— Ну и ветряга! — весело сказал он, шумно отдуваясь. — С ног валит.

— А с районом связались? — спросил Крылов.

— Связался наконец, да толку от этого мало.

— Почему же?

— Телефонная линия, оказывается, повреждена на большом расстоянии, — ответил радист, приводя в порядок свою взъерошенную ветром рыжую шевелюру. — Район тоже никакой связи с колхозом “Победа” не имеет.

Разговаривая, они не заметили, как вошел Савельев.

— Не везет, — сказал он. — Завхоз все еще не вернулся. А ведь время не терпит.

— Да, — подтвердил метеоролог, — дорога каждая минута.

— У меня мысль одна мелькнула, — помолчав немного, заявил Савельев. — У объездчика нашего мотоцикл есть. Не послать ли нам его на этом мотоцикле к Галине Сергеевне? Машина, правда, очень легкая, но Юсупов смелый человек и не испугается поехать в такую бурю.

— Да я сам поеду, в крайнем случае, — решительно заявил Крылов. — Вызывайте Юсупова поскорее.

Савельев вернулся только через четверть часа. Вид у него был расстроенный.

— словно сквозь землю этот Юсупов провалился, — сказал агроном, вытирая потный лоб. — И мотоцикла нет. Прямо чудеса какие-то. Главное, только что из объезда вернулся. И ехать-то ему вроде некуда.

Крылов схватил фуражку, стал туже затягивать ремень. Он готов был идти пешком, хотя и понимал, что опоздает. Но тут вдруг зазвонил телефон. Василий даже вздрогнул от неожиданности. Схватив телефонную трубку, он крикнул охрипшим от волнения голосом:

— Алло, слушаю вас!

Узнав голос Сугробовой, он закричал еще громче:

— Галина Сергеевна?! Откуда вы? Из “Победы”?.. Да, да, я вам должен сообщить важную новость! Что?.. Уже знаете? Откуда?.. От Ореста Викентьевича? На чем же он приезжал?.. На мотоцикле объездчика в

такую бурю?!. Ну так что же, что Юсупов хороший водитель, все равно для Шмелева это подвиг. Не считал я его способным на это. Очень рад, что ошибся!.. Что? Не слышу!.. Скоро начнете газовую атаку? Желаю успеха!

“Молодец, Галя! — счастливо улыбаясь, думал Василий, кладя трубку на рычажки аппарата. — Только бы ветер не подвел, а уж она справится с этими тлями”.

И, чувствуя себя участником большого общего дела, Василий стал особенно внимательно следить за постепенно меняющимся направлением ветра.

“Не только план Михаила Александровича и Галины Сергеевны осуществляется сейчас в степи, А взволнованно думал он, — осуществляется в какой-то степени и мой собственный метеорологический план ...”

Майор Дубравин посещает Птицына

Несколько дней спустя, когда от вредоносных насекомых не осталось в степи и следа, у центрального здания опорного пункта Птицына остановилась легковая машина. Из нее вышел высокий человек средних лет, в белом костюме.

— Иван Ильич! — обрадованно воскликнул Михаил Александрович Птицын, поспешив навстречу Дубравину. — Давненько вы у меня не были. Заходите, пожалуйста.

— Нет, нет, — запротестовал приезжий, — жилище ваше я еще посещу. Прежде, однако, хочу взглянуть на ваши чудеса. Я ведь не был у вас почти год.

И они пошли осматривать сады, виноградники и бахчи опорного пункта. Иван Ильич подробно расспрашивал о каждом новом дереве и искренне восхищался хозяйством Птицына, хотя бывал у него ежегодно. Михаилу

Александровичу было особенно приятно слышать слова одобрения от этого человека, который, как он знал, был не очень-то щедр на похвалы. Но когда майор, как бы невзначай, обмолвился о нашествии вредителей, Михаил Александрович вдруг помрачнел и заметил:

— По чьим-то планам паразиты, кажется, должны были смести с лица земли все это. — Он кивнул головой в сторону сада и полей и сердито сдвинул мохнатые брови.

— Вы, значит, полагаете, что появление Aphidodea не было случайностью? — осторожно спросил Иван Ильич.

— Полагаю. Но пойдемте в мою комнату. Думается мне, что вы неспроста завели этот разговор.

Когда они вошли в комнату Птицына, Иван Ильич Дубравин сел на предложенный стул, закурил и про изнес негромко:

— Да, я неспроста завел этот разговор. Может быть, вы расскажете мне о заокеанских гостях, посетивших вас в прошлом году?

— Извольте, — отозвался Михаил Александрович и, усевшись против Дубравина, неторопливо стал рассказывать.

Рассказ Михаила Александровича

Американцы приехали на опорный пункт рано утром, ко Птицын еще с вечера был предупрежден об их приезде. Профессор Эрл Бергофф был худощав и невысок ростом. Его узкое, будто сплющенное с боков лицо было покрыто многочисленными мелкими, похожими на трещины морщинками. Очки с толстыми стеклами в золотой оправе держались не очень прочно на его остреньком носу, он то и дело поправлял их нервным движением левой руки.

Плотный Гарри Бендж, секретарь Бергоффа, выглядел более представительнее. Просторный светлый костюм его был сшит у хорошего портного, с широкого лица не сходила добродушная улыбка, в зубах дымилась сигара. Он производил впечатление не столько ученого, сколько преуспевающего бизнесмена.

Михаил Александрович Птицын, человек широкоплечий и, несмотря на почтенный возраст, все еще очень крепкий телом, внимательно присматривался из-под густых пушистых бровей к своим необычным гостям.

Эрл Бергофф произнес по-английски приветственную тираду. Бендж перевел ее на русский язык.

— Мы совершили длинное путешествие, дорогой мистер Птицын, — счастливо улыбаясь, сказал он, — чтобы посмотреть на ваши чудеса, слух о которых достиг наших Штатов.

Отдав этим дань вежливости, профессор Бергофф тотчас же приступил к делу. Он осведомился о средней годовой температуре прикаспийских полупустынь, о количестве осадков, направлении ветров и составе почвы.

Бендж уже не так бойко, как в начале, перевел и его вопросы и ответы Птицына.

Михаил Александрович заметил, что он неточно передает некоторые специальные термины, и усомнился в его ученой компетенции. Зная английский язык, он два раза поправил его. На это обратил внимание Эрл Бергофф. Птицыну показалось даже, что профессор стал выражаться проще. Но тогда Михаил Александрович уже умышленно стал злоупотреблять научной терминологией и этим все чаще ставил Бенджа в затруднительное положение. Не прощая ему ни малейшей неточности, агролесомелиоратор всякий раз поправлял его.

— Я вижу, — заметил тогда профессор Бергофф, притворно улыбаясь, — мистер Птицын неплохо знает английский язык. Попробуем, в таком случае, обойтись без переводчика, раз уж мистер Бендж оказался слаб о-ват в русской словесности.

— Ничего не имею против, мистер Бергофф, — согласился Михаил Александрович, а сам невольно подумал: “Не в русской словесности ваш помощник слабоват, а в науке”.

— Очень приятно, что у нас нет расхождений по этому поводу. — Профессор Бергофф снова улыбнулся и сделал какое-то странное движение головой, похожее на поклон. — Но простите, пожалуйста, я должен осве-домиться о вашей ученой степени.

— Я не имею ни докторского, ни кандидатского звания. Я всего лишь рядовой агролесомелиоратор.

— Рядовой агролесомелиоратор? — удивился профессор и нервно пожал плечами. — И вы создали все это на мертвых песках и вы написали книги, которые мне показывали в городе?

— Но ведь и все то, что вы видели в Советском Союзе, создано руками рядовых советских людей, — просто заметил Михаил Александрович. — Все наши новые города, рекордные урожаи, новые породы скота ...

Профессор поморщился и сделал протестующий жест:

— Э, дорогой мой, это уже начинается политика, а я человек чистой науки. Слышали вы что-нибудь о мо-ей книге “Убывающее плодородие”? — И, не дав Птицыну ответить, так как сомневался, видимо, что советско-го агролесомелиоратора могла заинтересовать такая книга, продолжал очень торжественно: — Книга эта — плод всей моей жизни. В ней обобщен не только опыт Соединенных Штатов, но и всего континента Америки. Совершенно бесспорными фактическими данными я доказал, что из года в год земли скудеют. Естественный процесс развития климата и ландшафта на земном шаре идет по пути иссушения. Степи приходят на смену ле-су, пустыня — на смену степи. У нас в Соединенных Штатах уже более четверти всех пахотных земель и паст-бищ совершенно опустошено. “Черные бури” уносят каждый год свыше трех миллионов тонн верхнего слоя плодородной почвы. Четыреста миллионов гектаров сельскохозяйственных полей страны подвержены вывет-риванию и смыву ...

Лишь из вежливости слушал Михаил Александрович своего гостя. Он хотя и не читал книги Бергоффа, но все это было ему не ново. Он знал, что буржуазные ученые разговорами об “убывающем плодородии”, как дымовой завесой, пытались скрыть от своего народа ту истину, что в условиях хищнической системы капита-листического хозяйства “естественный ход” умирания земли вызван деятельностью жадных стяжателей, раз-рушающих природные богатства и превращающих в бесплодную пустыню вчерашние леса, сады и пашни.

— В чем же причина всех этих бедствий? — спросил Птицын профессора.

Бергофф удивленно поднял свои жиденькие, бесцветные брови. Вопрос этот, видимо, показался ему не-лепым.

Не дождавшись ответа, Михаил Александрович заметил:

— А ведь все это очень просто объясняется хищнической системой хозяйства в вашей стране. Всего два столетия понадобилось вашим соотечественникам, чтобы вырубить девственные леса Северной Америки, вы-топтать ее прерии.

— Опять, кажется, начинается политика? — укоризненно покачал головой Эрл Бергофф.

Михаила Александровича начал раздражать этот маленький кичливый человек в золотых очках. Но он спросил спокойно:

— Зачем же вы тогда приехали к нам? У нас ведь ни о чем немыслимо говорить, не касаясь политики, потому что политика в том смысле, в каком мы ее понимаем, — это сама жизнь. А наука не может быть оторва-на от жизни, если только это подлинная наука.

Профессор Бергофф нервно теребил веточку жимолости, удивляясь прямолинейности Птицына.

— Мы приехали к вам, — наконец ответил он на вопрос Михаила Александровича, — посмотреть на ва-ше преобразование пустыни, как на аномалию в естественном ходе развития природы.

— Уже, значит, не как на чудо, а как на аномалию? — усмехнулся Птицын, весело поблескивая гла-зами из-под густых бровей.

— Да, — убежденно заявил Бергофф, и в голосе его зазвучали злые нотки. — Закону убывающего пло-дородия подвержены все материки. Надеюсь, вы знаете, что в Австралии “пыльные бури” достигли таких ката-строфических размеров, что геологи всерьез поговаривают о распылении всего австралийского материка. А вы тут на ничтожном клочке песков хотите опровергнуть исторический ход развития Земли. Не слишком ли это смело?

— Нет, не слишком, — серьезно ответил Михаил Александрович. — “Клочок” не так уж мал. Когда опыт поставлен на площади в четыре с половиной миллиона гектаров волго-уральской равнины, ошибка в выводах исключена. Не везде еще, конечно, эта территория покрыта такими садами, какие вы увидите здесь, но таких опорных пунктов в полупустынных степях становится все больше и больше. “Вековечное” же продвижение песков нами окончательно приостановлено. Мы сковали их густой зеленой сетью степных трав. Им негде те-перь разгуляться, они не соберутся больше в барханы, не пойдут в наступление на плодородные земли. Наобо-рот, мы теперь перешли в наступление на пески пустынь.

Профессор Бергофф слушал Птицына рассеянно. Казалось, все это его не интересовало.

— И все же, — заметил он упрямо, — участок опыта слишком мал в сравнении с разрушительными си-лами природы, действующими на всей планете. К тому же ваш опыт единичен.

— Ошибаетесь, он не единичный и не первый. Разве вы не знаете об опытах Докучаева в Каменной степи под Воронежем? — удивился Михаил Александрович.

— Слышал, — пробурчал Бергофф и недовольно поморщился. — Но ведь, в конце концов, и это всего лишь опыты.

— Нет, это уже и практика, — горячо возразил агролесомелиоратор. — В Каменной степи действительно происходили когда-то те ужасы, о которых вы только что рассказывали. Сравнительно еще совсем недавно в результате неправильного обращения с землей плодородная в прошлом черноземная степь под Воронежем постепенно превращалась в пустыню. Но когда Докучаев разгадал причины выветривания почв, он дал надежный способ борьбы с этим злом, заложив в Каменной степи полезащитные лесонасаждения. Все изменилось вокруг. Из года в год стало расти плодородие этой земли. Изменился климат, увеличилось количество птиц и животных.

Михаил Александрович взглянул на пасмурные лица своих гостей и невольно подумал: “Разве этим прошибешь их?”

— Я мог бы, — продолжал он уже без прежнего вдохновения, — рассказать вам и о преобразовании Сальской степи и о других когда-то бесплодных землях нашей страны, которые преобразованы за последние годы советскими людьми, да полагаю, что хватит и этого. Прошу теперь взглянуть на наше “пустынное хозяйство”.

С этими словами Михаил Александрович Птицын пригласил заокеанских гостей следовать за собою. Бергофф отнесся к этому без особого энтузиазма. Ему, видимо, гораздо приятнее было вести о твлеченный спор, чем рассматривать сады и поля, опровергавшие его теорию умирания земли. Секретарь профессора последовал за своим шефом с тупым выражением на лице.

Михаил Александрович ходил с ними среди деревьев, знакомя почти с каждым растением. Подводя к дубу, рассказывал, как отлично прижился он в этих песчаных почвах, примирившись с их сухостью и солонцеватостью. Показывал то вяз туркестанский, то клен татарский, то лох или дикую маслину, то липу и каштан, то другие деревья. Потом повел их в фруктовые сады, предложил посмотреть на яблони, груши, вишни, сливы и абрикосы. Показал и бахчи, на которых зрели арбузы и дыни, сводил на виноградники.

Однако все это, видимо, не очень интересовало американского профессора. Холодными, равнодушными глазами смотрел он на окружающее и, казалось, вот-вот готов был зевнуть от скуки. А Гарри Бендж ходил вокруг плодовых деревьев с такой осторожностью, будто боялся, что все это может рухнуть от одного неосторожного движения.

— Вы не бойтесь, мистер Бендж, — посмеиваясь, заметил Михаил Александрович, — все это сделано не из папье-маше, а самое настоящее. Можете любой плод не только потрогать, но и попробовать на вкус.

Бендж и в самом деле осмелился сорвать яблоко и даже надкусил его, но профессор посмотрел на него такими глазами, что он тотчас же выплюнул откусанное.

— Вам, видимо, не очень спелое попало, — рассмеялся Михаил Александрович и с удовольствием окинул взглядом сады, поля и виноградники. — Какие у вас будут возражения против всего этого? — весело спросил он, широким жестом указывая на свои уголья.

Эрл Бергофф снял очки и небрежно сунул их в верхний карманчик пиджака, будто больше даже смотреть не хотел на сады и поля Птицына.

— Что можно возразить вам? — произнес он задумчиво. Глаза его без очков казались сонными. — Если я скажу, что из среднеазиатских пустынь придет испепеляющий ветер, вы ответите, что его встретит на границе Европы первая полоса лесонасаждений. Если я скажу, что в засушливый год не хватит воды в ваших водоемах, вы ответите: ветросиловые и солнечные установки поднимут воды из глубин земли. У вас действительно есть такие установки, я видел их, когда проезжал по вашим степям. Стоит мне теперь в заключение только заикнуться, что ваши стада вытопчут травы в степи, обнажат пески и они снова придут в движение, вы тотчас же замашете на меня руками. “Помилуйте, — скажете вы, — у нас нет частных скотовладельцев, у нас колхозы и совхозы с плановой системой пользования пастбищами”.

Слушая профессора, Михаил Александрович не мог сдержать улыбку. Бергоффа удивило это, и он спросил обиженно:

— Так ведь все это, почему же вы улыбаетесь?

— Потому улыбаюсь, мистер Бергофф, — весело ответил Михаил Александрович, — что и вы наконец заговорили о политике.

— Что поделаешь! — притворно вздохнул профессор и развел руками. — Наверное, здешний климат вредно на меня действует, и я начинаю изменять своим принципам.

— Как же, однако, прикажете понимать все сказанное вами? — спросил Птицын. — Выходит, что вы возражений не имеете?

— Я-то, может быть, и не имею, — щуря близорукие глаза, ответил Бергофф, — а вот природа, видимо, будет иметь. Она всегда выкидывает какую-нибудь неожиданную штучку, от которой все летит прахом ... Ну, а нам тут, кажется, делать больше нечего, — решительно повернулся он к Бенджу. — Приготовьте наши чемоданы, Гарри.

О том, как просчитался Бергофф

Кончив рассказ, Птицын сердито сдвинул косматые брови и, помолчав немного, заметил:

— Не буду вам, Иван Ильич, хвалиться своей проницательностью. Замечу, однако, что подозрительным показался мне этот визит Бергоффа. Особенно секретарь его, Гарри Бендж, вызвал во мне недоверие. Не похож он что-то на ученого... Подозрения мои может засвидетельствовать помощник ваш, товарищ Глебов. Мы с ним вскоре после отъезда американцев случайно встретились...

— Случайно ли? — усмехнулся Дубравин.

Михаил Александрович взглянул на майора, рассмеялся и поспешно ответил:

— Не сомневаюсь теперь, Иван Ильич, что это было не случайно. По-видимому, Гарри Бендж вызвал подозрения не у одного меня.

— Этот субъект давно уже у нас на примете, — заметил майор Дубравин и спросил Птицына: — А вы, значит, видите определенную связь между визитом Эрла Бергоффа в Советский Союз и недавними событиями в здешних степях?

— Теперь не сомневаюсь в этом, — уверенно ответил Птицын. — Хотя, правда, доказательств у меня нет.

— Эти доказательства есть у нас, — сказал Дубравин. — Вот, прочтите-ка эту статейку.

С этими словами он подал Птицыну американскую газету "Пост Меридием", в которой обращала на себя внимание статья, отчеркнутая красным карандашом.

Михаил Александрович прочел:

"Канзас-Сити. По сообщению нашего специального корреспондента, на юге штата Канзас, в графстве Блэкшип, во время сильного урагана какая-то страшная повальная болезнь поразила посевы пшеницы на огромном пространстве. Погибли не только колосья, но и стебли растений. Это усилило опустошительное действие урагана, так как высушенную засухой почву, лишившуюся защиты растительного покрова, ураган легко поднял на воздух и засыпал ею поля и посевы соседнего штата.

Картина бедствия, по отзывам старожилов, лишь по масштабам уступала страшному опустошению, причиненному "черной бурей" этому же штату в 1935 году. Как и в те дни, останавливались в пути поезда, застревали автомобили на шоссе на дорогах. Прекратилось движение даже на улицах некоторых городов. В Блэкшипе были закрыты школы, не работали магазины и конторы.

Профессор Эрл Бергофф, проживающий в Блэкшипе, к которому обратился наш корреспондент за разъяснением причины бедствия, объяснил его действием неподвластных человеку стихийных разрушительных сил природы. Однако, при всем нашем уважении к маститому ученому, мы склонны видеть разгадку блэкшипской "черной бури" в рассказе Билли Смита, фермера, поставлявшего свежие овощи в лабораторию Чарлза Бергоффа, сына профессора Эрла Бергоффа.

По словам Билли Смита, в лаборатории Чарлза Бергоффа выводился какой-то совершенно новый вид насекомых типа "G.D.". Насекомые эти, как Билли случайно узнал от служащих лаборатории, обладали исключительной плодовитостью и вредоносностью. По мнению Билли, они были выпущены во время урагана на волю и погубили все посевы, лишив этим почву защиты от ветра. Он уверяет даже, что сам видел в тот день разбитые стеклянные ящики вивариев, в которых раньше находились насекомые.

Пожалуй, Билли Смит под влиянием раздражения за причиненный его ферме ущерб сгустил краски, обвиняя Чарлза Бергоффа в злонамеренных действиях, но вполне возможно, что во время бури виварии с опасными насекомыми были повреждены случайно. Насекомые же, находившиеся в них, вырвавшись на волю, могли, конечно, опустошить поля.

К предположению этому склоняет нас и то обстоятельство, что Чарлз Бергофф, не отрицая существования насекомых типа "Джи-Ди", не только не сообщил о них никаких подробностей, но наотрез отказался объяснить значение этих таинственных инициалов. Однако один из лаборантов Чарлза, которого наш корреспондент угостил сногшибающим коктейлем в городском баре, по секрету сообщил ему, что инициалы "G.D." расшифровываются как начальные буквы слов "Green Death" (зеленая смерть).

— Ну, что вы на это скажете, Михаил Александрович? — спросил Дубравин, когда Птицын прочел заметку.

— Все ясно, — ответил Михаил Александрович, возвращая газету. — Странная разновидность тлей, появившихся у нас, — это, по-видимому, и есть "Джи-Ди", или "Зеленая смерть".

Помолчав, он добавил возмущенно:

— Тоже "научное" достижение!.. Небось, целая лаборатория на эту пакость работала. — На лице старого агролесомелиоратора отразилось презрение.

— Да, наука у них служит темным целям, — заметил Дубравин, глубоко затянувшись догорающей папиросой. — И не случайно пробирки с "Джи-Ди" попали в грязные руки Гарри Бенджа. Бендж, правда, теперь

официально числится чиновником посольства, совершающим развлекательную поездку по Советскому Союзу. Но, надеюсь, вы не удивитесь, что он так часто меняет профессии и почему из всех живописных уголков Советского Союза выбрал именно зону полупустынь?..

Дубравин бросил папиросу в пепельницу, усмехнулся и продолжал:

— Известно нам кое-что и о похождениях мистера Бенджа в наших краях. В Астрахани он увлекся вдруг рыбной ловлей. Однако это увлечение у него тотчас же прошло, как только он узнал, что ожидается длительная ветреная погода. Получив такие сведения, Бендж поспешил в гостиницу и заявил администратору, что ему нужно срочно вылететь самолетом в Саратов. Но так как он будто бы боится качки, то попросил навести справку о погоде в областном метеорологическом бюро. Когда бюро подтвердило, что ожидается ветер, Бендж заявил, что не собирается рисковать, и заказал билет на саратовский поезд. “Обязательно на вечерний”, настаивал он. А когда оказалось, что нет билетов в мягкий вагон, вопреки пристрастию к комфорту согласился ехать в жестком. Вам понятно, Михаил Александрович, почему Бендж так торопился пересечь наши степи, узнав, что ночью ожидается сильный ветер?

Дубравин умолк, пытливо поглядывая на Птицына.

— Когда он выехал из Астрахани? — спросил Михаил Александрович.

— Двадцать первого скорым номер пятьдесят девять.

— Все очаги паразитов, поскольку мне известно, — заметил Птицын, — были обнаружены вдоль линии железной дороги, и это было утром двадцать второго числа. Совпадение, по-моему, не случайное... А расчет их был, конечно; таков, — продолжал Михаил Александрович, немного успокоившись: — повторить у нас тот эксперимент, который был проделан на полях Блэкшипского графства. Мне в связи с этим невольно вспоминается процесс японских военных преступников в Хабаровске, обвинявшихся в подготовке бактериологической войны против Советского Союза. Американцы были очень недовольны тогда этим процессом, так как он бросал свет и на их собственные гнусные замыслы.

— А чего стоило, — спокойно заметил майор Дубравин, — заявление американского сенатора Лоджа, призывавшего Соединенные Штаты вести диверсионную войну против СССР! Он ведь предложил расходовать на тайные диверсионные акты против Советского Союза до полумиллиарда долларов. Разве не ясно после этого, по чьим замыслам действовали Бергофф и Бендж?

— В этом нет теперь ни малейшего сомнения, — согласился Михаил Александрович. — Политическая сторона дела тут совершенно ясна. А сторона биологическая... Тут уж пойдет не “чистая” наука, сторонником которой выставлял себя американский профессор, а довольно грязная. Бергофф рассчитывал, видимо, что насекомые типа “Джи-Ди”, выброшенные в ветреную погоду в нашу степь, быстро распространятся на большом пространстве и уничтожат растительность. Лишившись же растительного покрова, пески под действием ветра придут в движение, сформируются в барханы и пойдут в наступление на железную дорогу, на сады, поля и поселки... Однако то, что было возможным на полях Блэкшипского графства, оказалось немыслимым в наших степях.

Встав из-за стола, Птицын распахнул окно. В комнату пахнуло ароматом фруктового сада. Михаил Александрович вздохнул полной грудью и продолжал:

— Что же произошло с почвой в графстве Блэкшип? Это нетрудно себе представить. Такая картина типична вообще для четверти всех пахотных земель и пастбищ Соединенных Штатов Америки. Истощенная посевами однолетних растений, часто одних и тех же на протяжении ряда лет, не знающая правильного севооборота, почва графства Блэкшип, так же как и всех соседних графств, давно потеряла структурность и оказалась легко подверженной выветриванию. Ее еще сдерживали кое-как посевы, но как только паразиты типа “Джи-Ди” уничтожили растительность, ветер без труда поднял истощенную почву на воздух, и над Блэкшипом разразилась “черная буря”.

Михаил Александрович посмотрел в окно и добавил после короткой паузы:

— У нас в степях получилась иная картина. Многолетние травы, посеянные нами на песчаных землях полупустыни, не только скрепили своими корнями и корневищами “бродившую” прежде почву и обогатили ее отложениями перегноя, но и придали ей структурность. Потому, когда паразиты уничтожили на песках растительность, пески не распались, не поднялись на воздух, а оставались все так же прочно скрепленными мощной корневой системой многолетних трав. Это были уже не те пески — в этом-то все дело. Вот почему, когда утихла буря, не погибло дело наших рук. Степь не превратилась в пустыню. Она оставалась все той же степью. “Зеленая смерть” лишь как бы выкосила ее. Мы же, как только утих ветер, с помощью колхозников уничтожили паразитов типа “Джи-Ди”, а уцелевшие корни многолетних трав дадут вскоре ростки, и снова все зазеленеет вокруг.

Иван Ильич Дубравин тоже подошел к окну и с явным удовольствием слушал Птицына. Михаил Александрович торжественно закончил:

— Эффект, на который рассчитывал Бергофф, явно не удался, потому что мы, большевики, осуществляя сталинский план преобразования природы, производим не только внешние, но и глубокие качественные изменения нашей земли. В этом-то и заключался один из просчетов мистера Бергоффа.

Михаил Александрович повернулся к майору Дубравину, и майор в тон ему добавил:

— А второй просчет мистера Бергоффа заключался в том, что он не учел бдительности наших людей, их веры в свои силы, веры в передовую советскую науку, их умения преодолевать всяческие препятствия — словом, не учел самого главного — нашей советской действительности.

— Не понять, видно, нашим врагам, — убежденно заявил Михаил Александрович, — что не остановить им нашего движения вперед ни реакционными идеями, ни диверсиями...

Он уселся на подоконник и невольно залюбовался садами и посевами, обрамленными зелеными рамками лесопосадок, будто увидел их впервые. Смягчились в вечернем свете глубокие морщины на лице старого агро-лесомелиоратора, вспыхнула в лучах заходящего солнца копна его все еще непокорных волос, и показалось от этого, будто исчезла вдруг седина и снова стал он молодым и светловолосым.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ТИШИНЕ.....	5
ВЗРЫВ ПРОИЗОЙДЕТ СЕГОДНЯ	81
ПО СВЕТЛОМУ СЛЕДУ	144
КОГДА УТИХЛА БУРЯ	203

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу:
Москва, 47, ул. Горького, д. 43, Дом детской книги.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор С. А л е к с е е в. Художественный редактор Н. Я ц к е в и ч. Технический редактор И. Л е к а н о в а.

Корректоры

Ю. Н о с о в а и Е. К а й р у к ш т и с.

Сдано в набор 27/VII 1950 г. Подписано к печати 20/IX 1950 г.
Формат $70 \times 108^{1/32} = 4,25$ бум. — 11,645 печ л. (11,27 уч.-изд. л.).
Тираж 30 000 экз. А06779. Цена 8 р. 70 к. Заказ № 823.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Сушевский вал, 49.